

МЫ МЕЧТОЮ О МИРЕ ЖИВЕМ!

Фотоплакат С. Косырева

Уралмаш — стройкам коммунизма. Сборка электрических экскаваторов.

Фото М. Озерского

На последней странице обложки: Мир прежде всего нужен молодежи. Империалистическая война для нее — это рухнувшие надежды, искалеченные судьбы, смерть во имя интересов торговцев пушечным мясом. Поэтому в великой армии сторонников мира решительно звучит голос молодого поколения. Вместе со своим народом требуют мира молодые австрийцы. В этом году на слете австрийской молодежи во главе многотысячной демонстрации мира, четко выбивая дробь, шли юные барабанщики. На снимке: австрийские дети перед открытием демонстрации.

Фото А. Колошина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 49 (1330)

30 НОЯБРЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЯТОЕ ДЕКАБРЯ

Ясное утро начала зимы... Советский человек выходит на улицу с ощущением праздника. Это ощущение укрепляется в нем с каждым шагом. Оно возникло в его душе не вдруг, не в какое-то одно мгновение. Ощущение счастья складывается и утверждается в нем и от тепла родного дома, и от разнообразных планов на предстоящий трудовой день, и от дум о делах на большие сроки, и от мыслей о жизни, о семье, о работе, от самой слитности и неразрывности того, что называют личным и общественным.

Его обгоняют школьники, размахивающие на ходу портфелями. С яркими шарфами поверх поднятых воротников идут навстречу парами румяные крепыши и серьезно поют веселую песню. И каждый держит в руке маленький флажок с пятиконечной звездой, серпом и молотом. Флаги в этот день на всех домах.

Тридцать пять лет назад рабочие, крестьяне и солдаты отвоевали все то, что принадлежало им в стране по праву векового труда. Они установили диктатуру, обращенную впервые в истории человечества на благо самого труженика. В жестокой борьбе, в огне гражданской войны, отстояли они первое в мире Советское государство.

Советский человек вспоминает знаменательные даты.

...10 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов принял первую Советскую Конституцию, Конституцию РСФСР.

...31 января 1924 года. II Всесоюзный съезд Советов утвердил Конституцию — основной закон Союза Советских Социалистических Республик.

...С 5 декабря 1936 года по решению Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов действует Конституция, которую советские люди справедливо называют всенародным сталинским законом.

Трудно уму и сердцу человека понять, осмыслить все величие, все значение пути, пройденного советским народом...

Нищая техника старой России — и небывалые гидротурбины для великих строек коммунизма. Соха на скудной полоске — и самоходные комбайны на бескрайних колхозных нивах. Сколько жизней отдано, пока были изгнаны все и всяческие вражьи силы! Сколько новых путей проложено и даже новых морей создано! И все для него, для простого, обыкновенного, трудящегося человека... Благо его жизни, его и каждого из миллионов положено в основу законов развития нашей страны.

Даже охватить памятью все пережитое, все представить, все вместить трудно. А партия, Ленин и Сталин все увидели. Увидели на многие годы вперед. Они видели далеко вперед и вели миллионы. И миллионы шли и идут. Гений Сталина сплотил все народы советской земли. И не только их. Мы теперь уже давно не однаединственная «Ударная бригада»... Мы строители коммунизма, и мы идем впереди всего мира.

Сердцу человека тесно от ощущения счастья. Счастье это — широкое, крылатое — не вмещается в нем. Стремительно бегут горячие, смелые мысли. Делать больше, еще больше и как можно лучше! Весь труд, все мысли, все способности отдавать Родине, быть достойным своего времени, быть полезным народу и вот им, что так крепко держат в маленьких руках свои красные флажки!

Над широким куполом на высоком крепком древке гордо реет, пламенея на ветру, алый стяг. И на нем серп и молот и пятиконечная звезда — символы труда, мира и непобедимости.

СЕГОДНЯ ПРАЗДНИК!

Фотоэтюд С. Осипова

На стендах сортируются готовые рельсы.

Они плавят МЕТАЛЛ ДЛЯ МИРА

С. МОРОЗОВ Фото М. САВИНА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Молодежь слушает заслуженного металлурга Приднепровья Павла Сергеевича Кочеткова.

— Хотите знать,— говорит он,— что дала нам Сталинская Конституция? Об этом рассказать можно многое, но вот хотя бы один пример. В Советской стране каждая тонна металла идет на благо человека, на мирное процветание Родины. А на Западе, в капиталистических странах, домны и мартены работают на войну, на вооружение разбойничьих армий.

...Хоть и вышел Павел Сергеевич недавно на пенсию, редкий день не встретите вы его на пути к заводским воротам. Привык он к этой дороге за полвека, прожитые в селе Каменском — городе Днепродзержинске. Из этих мест уходил Кочетков на фронт защищать молодую советскую власть от белогвардейцев. Здесь восстанавливал разрушенный фашистскими оккупантами металлургический завод имени Ф. Дзержинского. Здесь учил молодых рабочих искусству варить сталь. Отсюда по всей стране разнеслась слава Павла Сергеевича — мастера скоростных плавок, лауреата Сталинской премии.

Ныне в мартеновском цехе место старого сталевара заняли его питомцы: Виктор Канарейкин, Иван Мироненко, Иван Сушко. С честью выполняют они обещания, данные своему учителю, — почти половина всех плавок на восьмом мартене идет скоростными методами. Не одну тысячу тонн стали сверх плана выпустила печь в этом году.

Как дорогого, почетного гостя, встречает молодежь Павла Сергеевича. Дружески, по душам, беседуют у пылающих мартенов два сталевара, представители двух поколений советского рабочего класса: 65-летний П. С. Кочетков и 28-летний В. В. Канарейкин. Их помыслы, устремления едины.

Пройдем же вместе с Павлом Сергеевичем и по другим цехам огромного завода.

Иван Иванович Бабенко.

Мы встретим веселого, жизнерадостного Ивана Ивановича Бабенко — сменного мастера доменной печи. 0,74 — таков коэффициент использования полезного объема домны. Высокий показатель! Недаром о днепродзержинских доменщиках с похвалой отзывались на XIX съезде партии.

Бессемеровский цех. Каждые 15 минут из горловин конверторов льется в ковши высококачественная сталь. Когда струя сжатого воздуха продувает кипящий металл, снопы золотистых искр рассыпаются вокруг, как ракеты торжественного салюта.

Всевозможные сорта металла дают прокатные станы завода имени Дзержинского.

Массивные фермы висячего Крымского моста над Москвой-рекой и тончайшая жесть для консервных банок, стальные переплеты оконных рам в новом здании Московского университета и самые обыкновенные гвозди — всюду найдем мы металл, выплавленный в Днепродзержинске.

Новопрокатный цех. Универсальный стан. Уверенными движениями руки на пульте Александр Федотович Воробьев управляет громоздким агрегатом.

По инициативе А. Ф. Воробьева мощность универсального прокатного стана увеличена в два раза. Коллектив выполняет ответственный заказ — прокатывает металл для строящегося в Варшаве Дворца культуры и науки.

По конвейеру на склад движутся бунты только что прокатанной проволоки. Телеграфные провода, электроды для сварочных аппаратов, шурупы, всевозможные крепления — многое будет изготовлено из этой проволоки.

Высок, просторен корпус рельсопрокатного цеха. Проверенные контрольными мастерами рельсы сортируются на стендах. Едва прикоснувшись к рельсам круглыми металлическими подушками, магнитные краны легко поднимают многотонный груз, перенося его на железнодорожные платформы, стоящие за стенами цеха.

Рядом с громадами домен совсем крохотным выглядит их сосед — цех ширпотреба. Но по мощности своей он превысит, пожалуй, иной крупный завод. Сотни тысяч кроватей, изготавливаемых здесь, вывозятся каждый год из Днепродзержинска.

«Завод имени «Правды». Днепродзержинск». Такую надпись нередко встретишь на товарных вагонах и грузовых платформах. Вагоностроительный завод имени «Правды» — сосед и потребитель продукции металлургического гиганта.

Эшелон новых шестидесятитонных платформ с металлическими бортами выходит в свой первый рейс за ворота завода.

На снимке мы видим металлические мачты лежащими на земле. Но скоро их поднимут на высоту более тридцати метров. Стальной шеренгой станут мачты между Куйбышевской гидростанцией и Москвой, поддерживая

Павел Сергеевич Кочетков и Виктор Васильевич Канарейкин

Эшелон 60-тонных платформ выходит с завода имени «Правды».

провода высоковольтной передачи.

Мачты для линии Москва — Куйбышев изготавливаются Баглейским заводом металлоконструкций из металла, выплавленного в Днепродзержинске.

Большое путешествие надо было бы совершить по стране, следуя за днепродзержинским металлом.

Он и в каркасах высотных зданий столицы.

И в шпунтовой стенке, что перегораживает Волгу близ Жигулей.

И в комбайнах, производимых в Ростове.

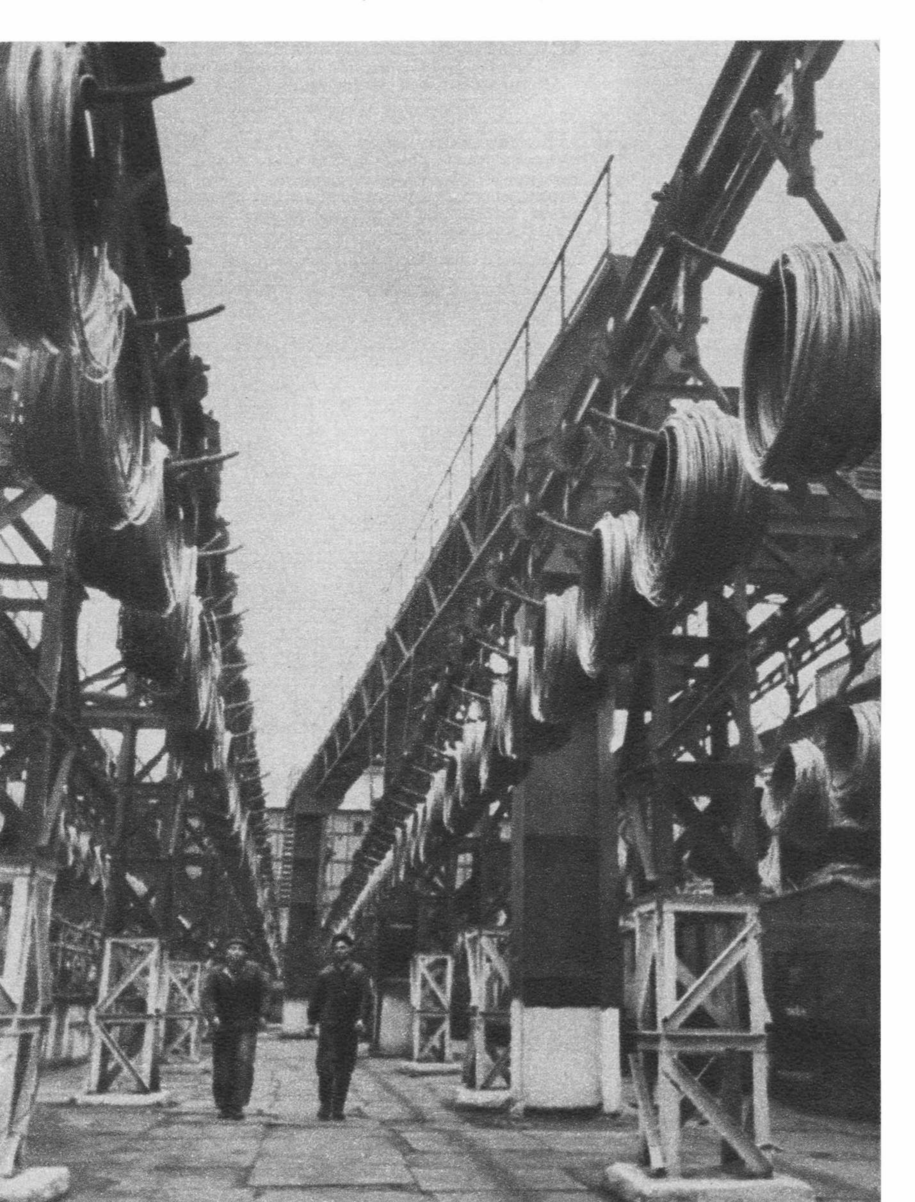
И в автомобилях, сходящих с конвейера Автозавода имени Сталина.

Достойным украшением служит металл и для самого Днепродзержинска, большого, растущего вширь и ввысь промышленного города.

Городской сквер украшен статуей Прометея. На гранях постамента значатся имена героев двух войн — гражданской и Отечественной. В первые годы советской власти днепродзержинские металлурги воздвигли эту скульптуру. С тупой злобой варваров фашистские оккупанты пытались уничтожить статую. Но мужественные патриоты спасли ее, и когда город был освобожден, Прометей, рвущий цепи, снова был установлен на пьедестале. В те же дни из первого металла, который начал выплавлять восстанавливаемый завод, рабочие отлили массивную доску с текстом сталинского приказа об освобождении Днепродзержинска.

Простые и строгие памятники эти на века запечатлевают трудолюбие и мужество советских людей — строителей коммунизма, защитников мира.

По конвейеру движутся бунты проволоки.

В каркасах высотных зданий металл Днепродзержинского завода.
Фото О. Кнорринга

Мачты для линии электропередачи Москва — Куйбышев.

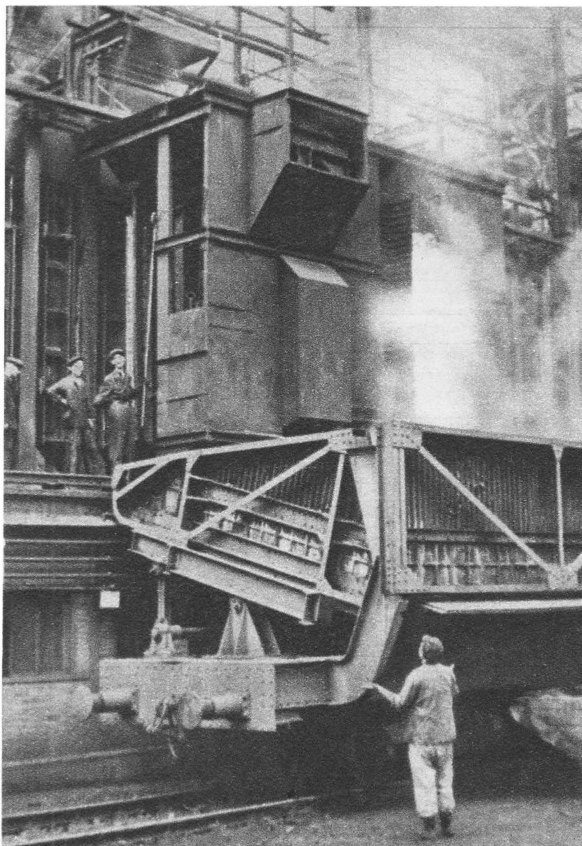

ВО ИМЯ МИРА

Мир может быть спасен! Мир должен быть спасен!

Под знаком этого призыва Всемирного Совета Мира прошло запечатленное на этом снимке общегосударственное собрание чехословацких матерей, оно было посвящено подготовке к предстоящему Конгрессу народов в защиту мира. Нет в мире более страстных противников войны, чем матери, и нет цели, которая была бы ближе и понятнее матерям всех стран земли, чем мир между народами! Вот почему чехословацкие матери, отдавая сегодня все силы строительству социализма в своей стране, единодушно присоединяются к призыву Всемирного Совета Мира о созыве Конгресса народов: «Мужчины и женщины всех убеждений и верований, встречайтесь! Обсуждайте! Ищите решений! Выбирайте ваших представителей на эту большую ассамблею.

Надо, чтобы ваша воля к миру нашла свое выражение».

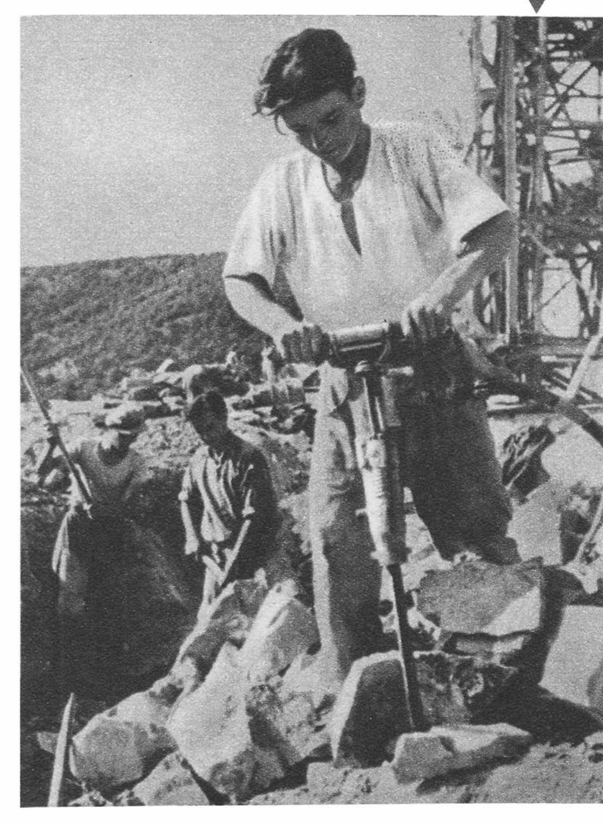

Эта батарея коксовых печей, ныне действующих на польском металлургическом заводе «Костюшко»,— один из бесчисленных примеров взаимопомощи трудящихся стран народной демократии. Она построена в мае этого года общими усилиями польских и чехословацких рабочих.

Трудящиеся стран лагеря демократии и социализма своим главным вкладом в дело мира считают укрепление экономической и оборонной мощи своих республик, укрепление дружбы и солидарности демократических государств. Они твердо знают: каждый кубометр бетона на новостройках, каждая тонна металла, хлопка, зерна — удар, разрушающий планы поджигателей войны. Н а с н и м к е: рабочие будапештского завода крупного электромашиностроения имени Ганц обязались изготовить мощный турбогенератор к 30 декабря 1952 года вместо намеченного по плану срока в мае будущего года.

Болгарский ударник Шабан Махмудов считает своим вкладом в дело мира перевыполнение заданий на строительстве водохранилища гидросистемы имени Сталина — самого большого водохранилища на Балканском полуострове.

И ДРУЖБЫ НАРОДОВ

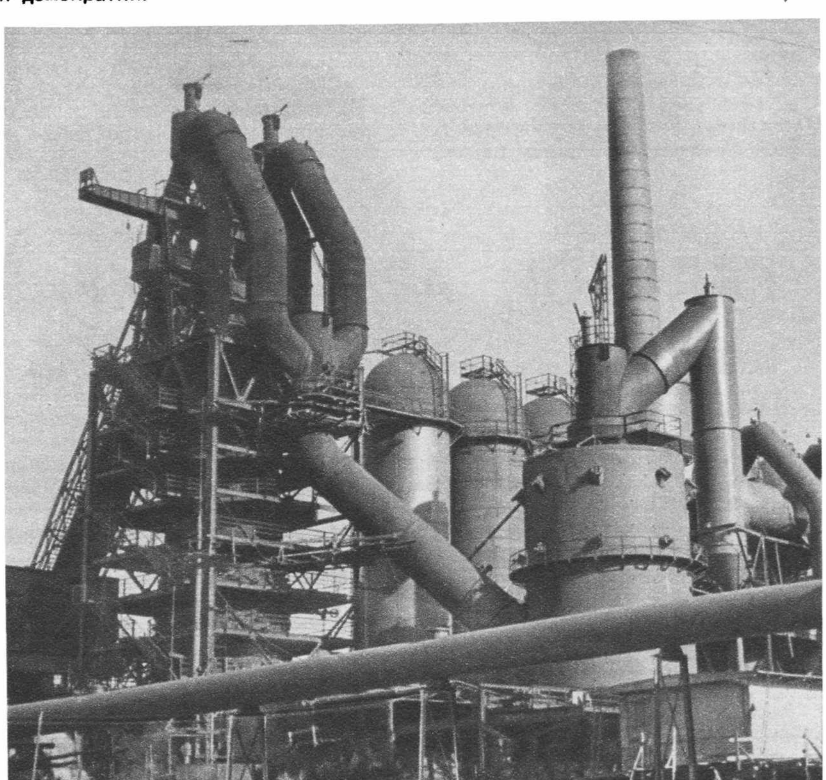

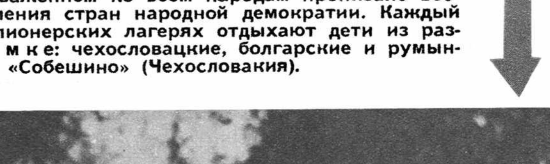
Рабочие мукденской фабрики резиновой обуви обсуждают, как лучше экономить рабочее время и материалы. Дополнительная продукция, которую обеспечивает народному предприятию творческая мысль коллектива, ускорит рост богатства и силы Китайской Народной Республики.

Солидарность с борьбой героического корейского народа стоит на одном из первых мест в выступлениях сторонников мира. В странах народной демократии она находит тысячи различных проявлений. На снимке: корейские рабочие, проводящие свой отпуск в Румынии, посетили бухарестский завод имени 23 августа; на митинге они преподнесли своим румынским друзьям знамя.

Крупнейшей стройкой первого пятилетнего плана Германской Демократической Республики является металлургический комбинат «ОСТ». Народная Польша поставляет для него уголь, Советский Союз — руду. Так, металл, который уже начал поступать для германской мирной промышленности с комбината «ОСТ», становится осязаемым воплощением нерушимой дружбы народов лагеря мира и демократии.

Любовью к миру и уважением ко всем народам пронизано воспитание молодого поколения стран народной демократии. Каждый год в международных пионерских лагерях отдыхают дети из различных стран. На снимке: чехословацкие, болгарские и румынские пионеры в лагере «Собешино» (Чехословакия).

Вена готовится к Конгрессу народов в защиту мира. На многих зданиях появляются плакаты, приветствующие Конгресс и клеймящие поджигателей войны.

На снимке: плакат на площади Сталина — «Привет Конгрессу народов в защиту мира!»

В Страсбурском университете

Ж. ТРИКАР,
профессор географии Страсбурского университета

Наш университет по количеству профессоров, по масштабам и качеству оборудования занимает во Франции второе место после Сорбонны. Город Страсбур участники Атлантического пакта избрали столицей сколачиваемой ими так называемой новой Европы. Эти два обстоятельства придают борьбе прогрессивных сил нашего университета против «атлантической» идеологии и политики особое значение. Чтобы лучше понять это, хочется напомнить некоторые факты из истории университета.

В 1939—1940 годах профессора и студенты университета переехали в Клермон-Ферран, где продолжали работать в течение всего периода оккупации. Гитлеровцам не удалось заставить их вернуться в Страсбур. Эльзасские студенты скрывались от мобилизации в немецкую армию. Вместе с профессорами они оказывали значительную поддержку Сопротивлению. Многие сражались в бригаде «Эльзас-Лотарингия», которая сначала действовала в подполье, а затем, в период освобождения, вошла в Рейнско-Дунайскую армию, освободившую Эльзас. В 1943 году нацисты устроили в Клермон-Ферране большую облаву, захватив и сослав в концентрационные лагери многих студентов и профессоров. Волнующие рассказы сосланных впоследствии были опубликованы в записках университета.

Традиции борьбы с гитлеровской оккупацией накладывают свой отпечаток и на характер нынешнего сопротивления. Хотя прогрессивные элементы в университете немногочисленны, тем не менее они играют важную роль в борьбе против «атлантической» идеологии.

В те дни, когда началась возня вокруг Европейского совета, реакционеры Франции и Германии пытались организовать движение за денационализацию европейских народов, так называемое «движение федерализма». При содействии политической службы французского министерства иностранных дел в Страсбуре намеревались созвать международный конгресс университетских работников — федералистов. Целью конгресса было превращение Страсбурского университета в «европейский университет». На конгресс прибыла, имея специальные разрешения, большая группа немецких профессоров под предводительством ректора университета города Фрейбурга ин Брейсгау (Западная Германия). Чтобы не возбуждать недовольства французов, эта группа была представлена как делегация из одноименного швейцарского города Фрейбурга. Однако мошенничество было разоблачено, и на торжественном заседании ректор Страсбурского университета в знак протеста покинул зал в сопровождении профессуры. Надменный тон немцев по отношению к эльзасцам вызвал сильное недовольство студентов. Потерпев поражение, проамериканские элементы вынуждены были ограничиться созданием при нашем университете «Европейского института».

Однако прогрессивные профессора добились того, что изучение вопросов в этом институте проводилось в научном плане, а не служило лишь целям пропаганды космополитических идей. Самым существенным было то, что в «Европейском институте» почти не оказалось студентов. На 1951—1952 учебный год записались всего 32 слушателя, а присутствовали на лекциях 7—8 человек.

На «обработку» этих нескольких студентов тратится более 10 миллионов франков субсидий, тогда как, например, географический факультет, имея 150 слушателей, получает едва лишь 150 тысяч франков. Эту вопиющую несправедливость публично разоблачил один из муниципальных советников — коммунист.

С тех пор борьба обострилась. В мае этого года по настоянию французского правительства боннский министр профессор Хальштейн был приглашен прочесть лекции о «плане Шумана». В ответ прогрессивные силы организовали массовое движение студентов, взволновавшее и профессуру. Смешанная делегация профессоров и студентов направилась к директору «европейского института», который, дрожа от страха, адресовал ее к ректору университета. Последний договорился с делегацией о следующем: студенты откажутся от устройства на лекции «шумового концерта», а ректор не даст разрешения полиции проникнуть в здание университета. Была составлена программа действий, строго соблюдавшаяся впоследствии обеими сторонами.

Тем временем Хальштейн, поставленный в известность о происходящем, счел более благоразумным заменить себя своим помощником фон Ханштейном. К началу лекции зал заполнили студенты и профессора, участники движения протеста. Председательствовавший на лекции директор «Европейского института» предоставил слово делегату от студентов. Последний зачитал декларацию, в которой излагались причины, почему профессора и студенты университета считают скандальным факт выступления Ханштейна в университете. После оглашения текста в наступившей тишине профессора и студенты один за другим покинули аудиторию. Председатель дал слово красному от смущения Ханштейну, и тот в течение двух часов сконфуженно бормотал свою лекцию перед пустым залом.

Эта победа прогрессивных сил имела большой отклик, помогла им расширить рамки сопротивления фашистской угрозе. Борьба за освобождение Жака Дюкло и Андрэ Стиля встретила большую поддержку не только у студентов, но и у профессоров. На литературном факультете, например, где всего лишь 4 процента профессоров входит в ВКТ, петицию подписали 75 процентов профессоров.

Комитет действия, руководивший борьбой против выступления боннского министра, объединяет ныне католиков, протестантов, коммунистов, членов Союза республиканской молодежи Франции. Он много делает, чтобы расширить движение за мир. Проводятся обсуждения германской проблемы, причем особо подчеркивается различие между боннскими реваншистами и немецким народом. Параллельно расширяют свою деятельность и другие прогрессивные организации. Отделение общества «Франция — СССР» организует десятки докладов об СССР и его замечательных достижениях. Создан кружок изучения марксизма для студентов-географов, открытый для всех желающих. С начала нынешнего учебного года организован аналогичный кружок среди студентов-историков. Так происходит объединение прогрессивных сил для отпора агрессивным планам. В борьбе выковываются новые кадры, растет сознательность и идеологическая зрелость студентов. Подобно докерам, металлургам, шахтерам, студенты и профессора занимают свое место в борьбе за мир.

РЯДОВОЙ АРМИИ МИРА

Историю аргентинского юноши Марио Браво мне рассказал врач, приехавший в Москву из Мексики. Это был, как многие латиноамериканцы, человек экспансивный, горячий, с быстрой и энергичной речью...

Доктор рассказал историю Марио Браво, которая теперь известна всей Латинской Америке.

* * *

— Полное имя его — Марио Эрнесто Браво. Его многие хорошо знали в Буэнос-Айресе, хотя он был только студентом, студентом факультета точных наук.

Браво с юных лет выделялся своими способностями. Он был первым учеником в школе, первым и в университете. Когда он был солдатом, он хорошо и верно служил. Он даже получил тогда премию, которая называлась «Лучшему солдату Аргентины». В свое время его часто видели на стадионе. Он был способным спортсменом, выносливым, сильным, азартным... Вы хотите меня о чем-то спросить?

— Да,— не удержался я.

— Наверное, о его внешности?

— Вы угадали.

— Я могу ее описать: Браво теперь нечего бояться. Высокого роста, черный, с вьющимися волосами, крупными чертами лица. Глаза его всегда были веселыми и всегда улыбались.

Каждый, кто знавал Марио, любил его всей душой. Теперь в Буэнос-Айресе есть немало людей,

которые гордятся тем, что в то или иное время дружили с ним.

Да, Марио Браво был настоящим парнем, поэтому нет ничего удивительного в том, что он стал борцом за мир. Он собирал подписи под Стокгольмским воззванием, а потом под Обращением о заключении Пакта Мира. Он был одним из тех, кто создал общеаргентинский союз студентов в защиту мира.

Что двигало Браво в этой борьбе? Он был умным человеком, и понимал, что главное теперь — защитить мир от «гринго» — поджигателей. Он хотел, как все честные люди, видеть свою страну свободной, поэтому боролся за мир со всей энергией, присущей юности. Он был очень серьезен для своих 24 лет. От юности у него осталась лишь отвага.

Он боролся за мир — это значит за интересы народа Аргентины. За мир — это значит против американских монополий, которые разрушают экономику страны, сжимая ей горло.

Марио Браво весь отдался этой благородной борьбе.

В один несчастный день началось преследование этого молодого человека. Полиция, получив приказ арестовать Браво, недолго думая, объявила его гангстером.

Марио Браво был арестован в одном из домов близ университета. И здесь же полицейские начали его бить. Свидетелей этому не было, и, собственно, все узнали об этом много позже.

Друзья Марио Браво и его мать ничего об аресте не знали. Они стали искать Марио, но безуспешно. Тогда они обратились в полицию. Полицейский чиновник ответил, что об аресте синьора Марио Браво ему ничего не известно, но что он наведет справки.

Наутро он подтвердил, что к исчезновению Марио Браво полиция никакого отношения не имеет и что она готова оказать в поисках «помощь» матери и друзьям.

Но ни у кого не было сомнения, что Браво арестован полицией. Полицейские забыли, что накануне ареста Марио они объявили его гангстером. Это был их серьезный просчет.

В Буэнос-Айресе не раз уже так бывало, что вдруг исчезал человек, известный своими прогрессивными взглядами. Полиция утверждает, что она его не арестовывала, но вскоре выясняется, что он в руках полиции.

Вот почему по всей стране началось движение за освобождение Марио Браво. Движение приняло невиданный размах. Во многих городах и даже селах Аргентины проходили митинги, на которых люди требовали от властей свободы для Браво.

— Если он мертв, верните нам его тело! — таковы были резолюции.

В движение за освобождение Браво включились рабочие всей страны. В Буэнос-Айрес приходило множество писем и телеграмм в адреса местных властей. «Верните нам Марио Браво! — вот что говорилось в этих письмах. — Мы не хотим, чтобы его судьба была похожа на судьбу рабочего Акире, замученного полицией! Верните народу Марио Браво!»

Женщины из Санта Фе писали: «Браво боролся за мир, и мы, матери Санта Фе, требуем освобождения Марио Браво!»

В те дни всю Аргентину облетело письмо матери Марио, смелое и прекрасное в своем горе и гневе. Она не знала, жив ее сын или погиб, и она писала: «Я принимаю эту жертву, но я клянусь бороться за мир так же, как боролся Марио. Я требую суда над убийцами моего сына. Я призываю каждого: станьте рядом с нами в борьбе за мир. Кровь моего сына зовет к этой борьбе».

Плакаты и призывы освободить Браво появлялись в те дни на стенах домов, на заборах, на мостовых. Студенты Аргентины организовали всеобщую забастовку. Многие из забастовщиков были исключены из университетов, институтов, но это лишь подлило масла в огонь. Негодование населения Аргентины возрастало с каждым часом.

Браво в те дни находился между жизнью и смертью. Полиция, опасаясь гнева народа, ночью тайком перевезла Браво, находившегося в бессознательном состоянии, в окрестности Буэнос-Айреса.

Затем произошли следующие события. Как-то ночью к одному врачу в Буэнос-Айресе приехали полицейские чиновники. Они попросили доктора быстро одеться и ехать с ними. Примерно около четырех часов утра полицейский автомобиль остановился у загородной виллы. Врача проводили в комнату, где лежал молодой человек. Лицо его было прикрыто темным платком.

— Этого молодого человека надо вылечить,— сказал старший полицейский офицер.

Врач осмотрел раны — проломленный череп и руку, перебитую в двух местах.

Больной был в очень тяжелом состоянии. Врач сказал старшему полицейскому офицеру:

— Я не уверен, что этого человека можно спасти.

— Его надо во что бы то ни стало спасти,— взволнованно бормотал полицейский офицер.

Врач провел в загородной вилле около трех недель и спас раненого. Молодой человек стал приходить в себя. Но врачу не разрешали с ним говорить и попрежнему не показывали лица пациента.

Улучив минуту, когда офицеры полиции зазевались, врач приподнял платок и увидел лицо Браво, известное всей Аргентине. Он был потрясен этим открытием.

Он сделал, конечно, все, что было в его силах, чтобы вернуть Марио Браво к жизни. К счастью, у юноши было отличное, натренированное сердце; молодость взяла свое, и он выжил.

Врач написал тогда письмо одному видному прогрессивно настроенному судье. В письме он рассказал о своих приключениях и об обстоятельствах своей неожиданной встречи с Браво.

Это было в тот самый момент, когда народ уже настойчиво требовал освободить Марио.

Письмо врача удалось опубликовать. В те дни газета «Ла Насион» ежедневно печатала информации об этом деле.

Адрес загородной виллы стал известен. Народ нашел своего храброго сына, и полиции пришлось его освободить. Марио Браво вышел на свободу. Он рассказал друзьям все, что с ним произошло. Он готов был показать всем отметки, которые он делал своей кровью в полицейских камерах. Он отлично помнил номера полицейских, избивавших его.

И тогда он предъявил обвинение полиции: он требовал ареста полицейских, мучивших его и едва его не убивших.

И так как полицейских обвинял не один Марио, а весь народ, властям пришлось устроить процесс над полицией.

Конечно, это был фарс.

И все-таки это была победа борцов за мир.

Правда, судья, к которому было адресовано письмо врача, сейчас не у дел: реакционеры объявили ему бойкот.

Что касается Марио, то он, как и до ареста, много работает для дела мира.

Вот и все.

— Нет. Простите, не все. А что с врачом, который спас Марио?

— Он вынужден был покинуть родину и живет теперь в изгнании.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

«Необходимы мощные силы для того, чтобы довести до победного конца грандиозную борьбу германского народа за единство, мир и независимость. Такие силы имеются»,— говорится в Программе национального воссоединения Германии, опубликованной Коммунистической партией Германии. Каждый день приносит новые подтверждения этих слов. На нашей фотографии вы видите 150-тысячную демонстрацию рабочих Гамбурга. Они требуют скорейшего заключения мирного договора. На плакате надпись: «Мирный договор обеспечит полную занятость».

АЛЬБОМ ПРОГРЕССИВНЫХ ИРАКСКИХ ХУДОЖНИКОВ

«За мир, независимость и демократию!» — так называется альбом рисунков, показывающих жизнь и борьбу народов арабских стран. Этот альбом издан в городе Багдаде — столице Ирака — иракскими сторонниками мира. Десятки лет колониального господства иностранных империалистов привели эту страну и ее население на грань голода и нищеты. Большинство народа в стране неграмотно — боевые рисунки Радвана Шагаля и других прогрессивных художников помогают простым людям Ирака включиться в борьбу за мир.

Так выглядит обложка альбома. Надпись на обложке гласит: «Люди доброй воли, белые, черные, красные, желтые, объединяйтесь в борьбе за мир!» Известный рисунок художника Пабло Пикассо.

Народы не хотят войны, они жаждут мира и свободы. Война нужна торговцам смертью, и только им!

Подпись под рисунком: «За наших детей, за их счастье и будущее выступают иракские женщины. Они борются против угрозы новой мировой войны, за мир и независимость».

В комнате отдыха женщины коротают время за чтением, вязаньем, вышивкой, оживленной беседой. Слева направо: Евдокия Васильевна Савина, Ирина Семеновна Захарова и Евдокия Александровна Ащеулова.

Фото С. Фридлянда

В БОЛЬШОМ ТРЕХГОРНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Раннее ноябрьское утро. Только-только рассветает. По узкому московскому переулку медленно шагает невысокого роста полная женщина. Шумно и многолюдно сейчас на улице. Проснулась Красная Пресня! Весело перекликаясь, спешат на работу текстильщицы. Женщина тоже спускается под гору и смотрит, как внизу светятся огни корпусов родной «Трехгорки». Кто-то из знакомых окликает ее:

— Как здоровье, тетя Дуня? Никак на работу собралась, в такую рань на улицу вышла! Или по привычке?

Почти полвека трудилась Евдокия Васильевна Савина на комбинате. И теперь, когда ей уже за семьдесят, приятно очутиться в этот ранний час на улице, где все напоминает о молодых годах. Приятно, встретив бывших своих учениц, потолковать с ними о том, о сем, узнать последние фабричные новости. «Как будто в цехе побыла»,— говорит Евдокия Васильевна, хотя давно уже она перешла «в запас» и поселилась в особняке на горе.

Еще раз окинув взглядом фабричные корпуса, Евдокия Васильевна направилась обратно к дому в Большом Трехгорном переулке. У подъезда она встречает Евдокию Александровну Ащеулову — и та по старой привычке, после 40 лет, отданных «Трехгорке», встала пораньше и вышла на улицу. И у нее на Пресне знакомых столько, что не успеваешь раскланиваться. В свое время текстильщицы избирали ее депутатом Московского и районного советов. Неугомонной общественницей она осталась и поныне, хотя лет ей, как и Савиной, за семьдесят.

Женщины расходятся по своим спальным комнатам, чтобы вскоре встретиться в столовой, где за утренним чаем соберутся все обитатели дома.

Дом, в котором живут ныне Савина и Ащеулова, когда-то был особняком фабриканта Прохорова. После Октябрьской революции тут размещались пионерский клуб и детский сад. Позже здание приспособили под квартиры рабочих, а год назад поселили здесь ветеранов труда, престарелых тружеников комбината. Судьба их сложилась так, что к старости они остались без близких родных — жен, мужей, детей. Государство дало им пенсию, но кто будет ухаживать за ними?

«Не страшна смерть — страшна старость». Советская жизнь внесла существенную поправку в народную поговорку.

В доме престарелых живут 37 человек — члены дружной семьи старых рабочих и работниц Трехгорной мануфактуры. Если сложить их трудовой стаж, наберется до полутора тысяч лет. Их биографии — это биография Красной Пресни, история русского рабочего класса, его героической революционной борьбы.

...Заведующая домом Антонина Николаевна Боброва знакомит нас с обитателями, рассказывает о их светлой, спокойной старости, не знающей житейских хлопот. Они обеспечены за счет государства питанием, одеждой, обувью. Все, что требуется старым людям, предоставлено им: от спиц и пряжи для вязания до зимнего пальто. Экскурсии, билеты в кино и театры, выписка газет и журналов, медицинское обслуживание — все предусмотрено сметой. На свои повседневные нужды пенсионеры не тратят ни одной копейки: обо всем позаботилось государство. Из директорского фонда комбината отпускаются десятки тысяч рублей на покупку мебели, посуды, гардин, люстр. Из этого же фонда выданы деньги и на мелкие расходы.

Девушки с комбината любовно вышили накидки на подушки, комсомольцы смастерили маленькие скамейки под ноги, а ЦК профсоюза прислал телевизор.

Всего один год существует этот дом, напоминающий своеобразный санаторий. Здесь побывало много зарубежных делегаций: из США и Канады, Китая и Мексики, Польши и Кореи. Гости из-за океана особенно придирчиво осматривали каждую комнату — в их стране о подобном учреждении и мечтать не приходится! Они разглядывали никелированные кровати, тумбочки, настольные лампы.

— Разрешите ,заглянуть?— И женщина выжидающе остановилась у гардероба.

— Пожалуйста, смотрите!— Старая ткачиха снисходительно улыбается и широко распахивает дверцу.

Тут висят платья, пальто, шерстяные жакеты, блузы. Все было осмотрено, и только потом гости последовали в залитую светом столовую. Ряды столов, покрытых белоснежными скатертями. Вазы с цветами. Шторы на окнах. В углу буфет с посудой и поблескивающим на самом верху пузатым самоваром. Заглянули, конечно, и на кухню, где повар готовил обед. Побывали и в большой комнате отдыха. На столе лежат газеты и журналы, вдоль стен мягкие диваны, здесь же радиоприемник, радиола, телевизор.

Завязывается разговор. Американцы задают десятки вопросов. Текстильщицы охотно отвечают, но при этом клонят к одному:

— Почему ваши правители новую войну затевают?

— Как вы за мир боретесь? — допытывается старая ткачиха Н. Ф. Фролова. Муж ее погиб в гражданскую войну, сын, подполковник,— в Великую Отечественную...

Всё в доме иностранцам показалось в диковинку. Е. В. Савина, рассказывая о визите американцев, говорит:

— Да и я лет сорок назад не поверила бы, что такой дом появится на Пресне. У Прохорова разговор со стариками коротким был: «Состарилась, не можешь работать? Убирайся вон!» А куда денешься? В богадельню? Мы, бывало, в воскресенье на кладбище пойдем гулять, а там «богаделки» выстроились в ряд, милостыню просят.

— А не скучно вам без работы?

— Скучно. Не привыкли еще. И погуляешь, и книжку почитаешь, и платок повяжешь, и поспишь после обеда, а все же день долго тянется. Вечером веселее. По телевизору спектакли, кинокартины смотрим. Придут артисты из нашего Дома культуры, самодеятельность с фабрики, лектор из парткома. А то, бывает, пионеры заявятся или молодежь с комбината. Не забывают нас...

И старики не забывают «Трехгорку». Умелец-гравер Михаил Васильевич Парамонов 55 лет проработал на комбинате. Сейчас он задумал механизировать искусный труд граверов.

— У главного инженера я уже был. Одобрил. Дело за чертежами...

И высокий сухощавый старик потирает натруженные руки, предвкушая встречу с друзьями и учениками в своей мастерской...

...Среди людей, живущих в бывшем прохоровском особняке, есть такие, которым более тридцати лет назад довелось слышать выступление В. И. Ленина перед рабочими Трехгорной мануфактуры.

— Все, чего мы достигли,— говорил Ленин,— показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу — на силу рабочих и крестьян.

На всю жизнь запомнились трехгорцам эти слова Владимира Ильича. Знают они, что лишь чудесная сила рабочих и крестьян, направляемая мудрой партией Ленина — Сталина, лишь Сталинская Конституция могли создать для них такой дом на Красной Пресне, в Большом Трехгорном переулке.

Л. ЛЕРОВ

Эстонские крестьяне учатся

Слово «агротехника» пришло в эти места вместе с советской властью. В буржуазной Эстонии участковый агроном посещал только кулацкие хутора. На скудных, крошечных полях бедняков ему нечего было делать.

Сейчас вокруг селений Тамси и Койги раскинулись поля укрупненного колхоза имени И. В. Сталина, Пайдеского района. Колхоз на подъеме. С каждым годом увеличиваются посевы зерновых и технических культур, тянутся вверх молодые деревья большого сада. За последние два года построили тут механизированный скотный двор, свинарник, курятник, цыплятник, зернохранилище, парники и оранжерею.

Как-то в начале года на общем собрании возник вопрос о том, что сейчас старых знаний уже маловато и работа не будет спориться, если колхоз не организует учебу крестьян. Тогда и решили создать Дом сельскохозяйственной культуры. Заведующей назначили колхозного счетовода, студентку-заочницу Эстонской сельскохозяйственной академии Эндлу Мянникокс. По ее чертежам колхозная строительная бригада изготовила стеллажи, шкафы, столы. Закупили необходимые книги и сельскохозяйственные журналы и газеты, плакаты и диаграммы. Из Йыгеваской селекционной станции Эндла Мянникокс привезла семена зерновых и технических культур, овощей, кормовых и медоносных трав. Так в селе Тамси начал действовать Дом сельскохозяйственной культуры.

Ранней весной здесь начались испытания новых семян, фосфоробактериальных и гранулированных удобрений. Все лето полеводы, овощеводы, садоводы колхоза имени И. В. Сталина и юные мичуринцы Койгиской семилетней школы вели наблюдения за опытными участками. Эндла Мянникокс целые дни проводила в поле. А осенью в Доме сельскохозяйственной культуры появились снопы ржи выше человеческого роста, образцы злаков и овощей с опытных участков.

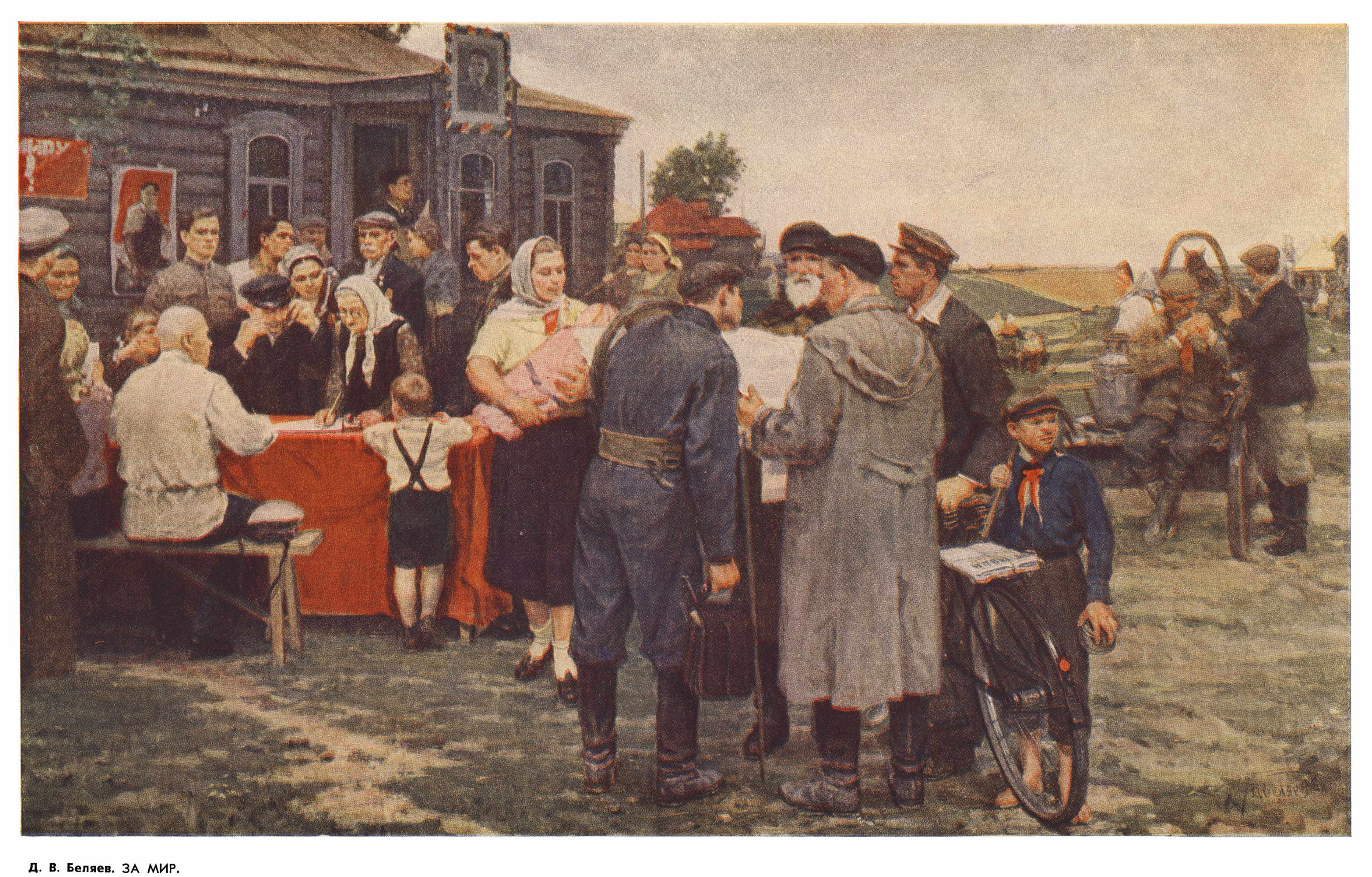
По вечерам многолюдно бывает в Доме сельскохозяйственной культуры. Люди спорят, горячо обсуждают, как от опытов перейти к широкому применению на колхозных полях всего нового, подсказанного советской агрономической наукой.

Н. ХРАБРОВА

По вечерам многолюдно бывает в Доме сельскохозяйственной культуры. Слева — Эндла Мянникокс.

Фото С. Розенфельда

Д. В. Беляев. ЗА МИР.

«Огонек». 1952.

Е. И. Данилевский. ХАРЬКОВСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ ЗАВОД. ПРОБА СТАЛИ.

КИРОВ ВСЕГДА С НАМИ

Восемнадцать лет прошло с того дня, когда рука фашистского злодея нанесла советскому народу подлый удар: не стало среди нас Сергея Мироновича Кирова.

...Январь грозного тысяча девятьсот пятого года. Сибирский город. Похороны рабочего, убитого со знаменем в руках казаками. Это обагренное кровью знамя опять над колонной. А по рядам из рук в руки передается листовка. Вслух произносятся строки: «Тюрьмы и виселицы не запугают рабочий класс, штыки и пули не остановят революционного движения пролетариата».

Впереди идет юноша, Сергей Костриков. Это он, рискуя жизнью, спас знамя. Это он и его друзья написали листовку «В венок убитому товарищу».

В венок товарищу Кирову мы поставим другие слова. Наш народ, которому отдавал Сергей Миронович все свое горячее сердце ленинца, весь свой талант трибуна и организатора, доблестно разбил всех врагов, и Советская наша страна стала родиной победившего социализма.

Не только в Томске и Астрахани, на Северном Кавказе и в Азербайджане, в Ленинграде и в Москве, где многие помнят его лицо и его голос, никогда не позабудут его. Товарища Кирова никогда не забудут народы всей Советской страны. Память о нем увековечена не только тем, что именем его называются города, области, заводы, театры, вузы, парки. Памятник Кирову — само победное шествие коммунизма вперед, расцвет духовной культуры советского общества, рост человеческой личности.

Много Сергей Миронович трудился над формированием характера нашего современника, передового человека нашего времени, коммуниста и комсомольца, отдавая на это все тепло своего сердца.

Речи Кирова, его доклады, выступления пронизаны высокой идейностью, целеустремленностью и верой в победу социализма. Они захватывали, зажигали благородным огнем всех, кто слушал Сергея Мироновича. Люди, слушавшие его, старались стать такими, как требовал он. Это всепобеждающее обаяние Кирова шло от его широкой, русской, революционной, многогранной души, от огромной любви к человеку. Но Киров был беспощадным к врагам партии и рабочего класса, к предателям дела революции.

По адресу троцкистско-зиновьевской оппозиции на XV съезде партии Сергей Миронович говорил с презрением и гневом:

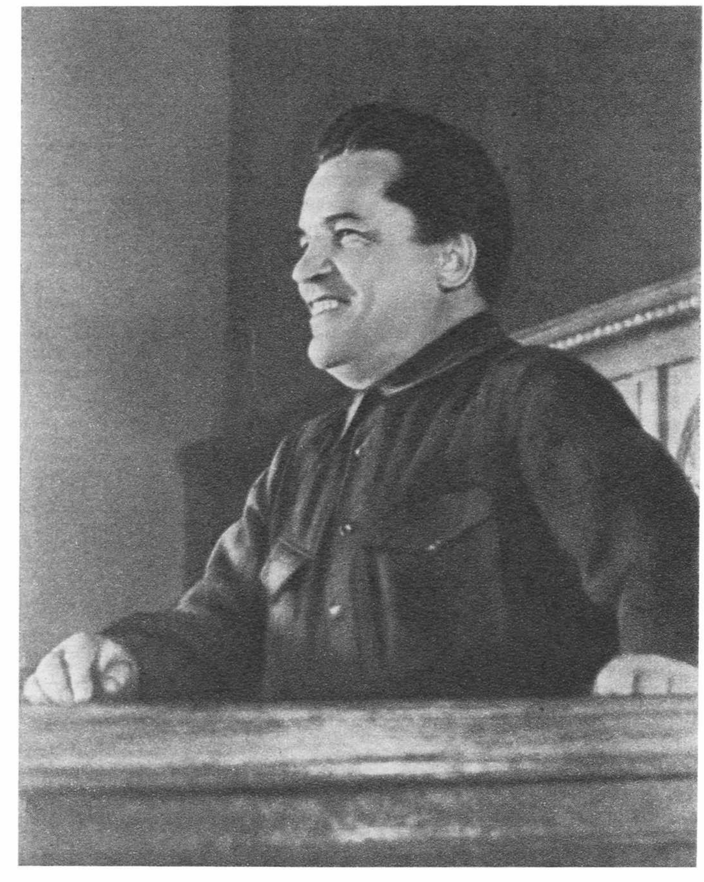
«Все то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти...»

Есть приказ Реввоенсовета Каспийско-кавказского фронта и Ревкома, подписанный Кировым, где он требовал: «Всех бандитов, мародеров и сопротивляющихся велениям Советской власти расстреливать на месте».

И неизмерима любовная, отеческая забота Кирова о людях, строящих социализм. Вот маленький кусочек из его речи на II съезде колхозников Ленинградской области:

«Возьмем такой участок, как работа среди колхозниц...

Надо поставить дело так, чтобы женщина не была вынуждена слишком много сил тратить на ребенка, чтобы, как только этот маленький большевичок родился, матери помочь, и дело так организовать, чтобы и ребенок рос хорошо и она могла работать».

С. М. КИРОВ. Фото М. Калашникова

Киров всегда много думал о детях и много делал для них. По его идее устраивались олимпиады юных дарований с участием тысяч ребят. По его инициативе при Академии художеств создана детская художественная школа, при Государственной консерватории — музыкальная школа для детей, открыт Дом литературного воспитания школьников. Дети приходили к Сергею Мироновичу, писали ему, и он чутко откликался на каждое обращение.

Комсомол он называл всходами, выросшими на советской ниве. Видел в этих всходах самое сильное, самое ценное, что у нас есть, растил из них деятельных, убежденных, грамотных строителей социализма. Молодежь, ее характер, ее стремления он знал, как любящий отец и опытный педагог, и предостерегал ее от ошибок. Он откровенно говорил комсомольцам об их недостатках. У молодежи много чуткости, энергии, но бывает иногда и так: «...развивают большой напор и являются инициаторами в очень многом... Но... очень часто... после первого напора проходит короткий промежуток времени,— комсомольский порох сгорает и дальше начинается откат — нехватает упорства, выдержки, того самого большевистского элемента, являющегося отличительной чертой для нашей коммунистической партии, которая умеет и нажать, и в то же время всякое начатое дело обязательно довести до конца».

И сейчас наши комсомольцы с благодарностью вспоминают эти справедливые слова Сергея Мироновича.

Киров растил и воспитывал кадры руководителей для промышленности и сельского хозяйства. «Но как же мы можем иметь эти новые кадры,— говорит он,— этих новых надежных, твердых, уверенных строителей, если мы не вспомним еще и еще раз и крепко не запишем, а еще лучше не зарубим на комсомольском, партийном и каком угодно, но все же честном носу, не зарубим лозунг товарища Ленина о необходимости учиться, учиться».

Вдохновенный пропагандист идей марксизма-ленинизма, Киров неустанно твердил о возрастающей необходимости изучения революционной теории. Вся его жизнь и борьба — прекрасный образец неразрывной связи революционной теории с революционной практикой. Но он был непримиримым врагом начетничества и призывал к действенному овладению марксистско-ленинской теорией.

«Можно знать наизусть азбуку коммунизма, но если она у тебя не лежит в сердце,— ничего не выйдет, ты будешь псаломщиком коммунизма, а не бойцом. Если ты хочешь быть живым коммунистическим борцом — ты должен со всей большевистской яростью ополчиться против тех недостатков, которые тормозят наше строительство».

Киров везде и всегда хотел видеть советского человека грамотным, передовым, исполнительным и организованным. Он умел очень метко и остро высмеять ленивых и неповоротливых. Особенно доставалось от него тем, кто не находил времени для учения.

«...У нас чаще всего один аргумент — некогда, целый день беготня, целый день язык на плече. А я советую, вот попробуйте этот язык с плеча снять хотя бы на час, и вы увидите, что ничего страшного не произойдет, лучше будет. Думают, что если ты запыхался, если пот с тебя градом катит — вот это работа».

Один неумелый работник на замечание Сергея Мироновича, что работа идет плохо, заявил, что вчера у них все шло лучше. Киров ему ответил так:

— Был на Кавказе один осетин. Он говорил: «Ты бы вчера приехал: и шашлык был и вино было и деньги были». Так и у вас.

Киров неустанно внушал коммунистам, что самоуспокоенность — злейший враг нашей работы.

«Нужно,— учил он,— чтобы нам в повседневной практической работе всегда сопутствовала большевистская, честная, благородная, внутренняя тревога за дело партии», чтобы не ослабевал, постоянно действовал закон критики и самокритики — лучшее оружие против самомнения и зазнайства.

«У нас, большевиков, так ведется: если самокритика — доводи до конца. И ничего тут не случится, никто никуда тут не провалится. Это только поможет исправить дело, и это предохранит партию от опасности зазнайства, о чем предупреждал товарищ Сталин».

Сергей Миронович Киров искренне и беспредельно любил товарища Сталина. Он говорил о нем с гордостью и огромным волнением, передавая любовь свою коммунистам, комсомольцам и беспартийным.

Он видел в товарище Сталине гиганта революции, гениального вождя нашей партии, которому обязаны мы всеми нашими успехами.

Киров горячо воспринимал жизнь во всем ее многообразии. Он много читал, любил музыку, театр, знал и понимал природу, был метким стрелком, увлекался охотой.

Яркое ощущение жизни вылилось в его речи на XVII съезде партии. Радуясь величайшим победам, он заявил:

«Успехи действительно у нас громадны. Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить. На самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт!»

Таким живым, отзывчивым, веселым, любящим жизнь и людей был Сергей Миронович до последнего своего дыхания.

Таким он и останется навеки в сердцах миллионов.

ШЕСТЬ ГИГАНТОВ

В шести городах Советского Союза началось сооружение мощных хлопчатобумажных комбинатов. Города Камышин, Энгельс, Барнаул, Краснодар, Херсон и Сталинабад становятся новыми крупными текстильными центрами страны.

По своей мощности многие новые хлопчатобумажные комбинаты значительно превысят любое существующее в мире текстильное предприятие. Все вместе они смогут вырабатывать до одного миллиарда метров тканей в год. Их продукция предусмотрена директивами XIX съезда партии, намечающими рост производства хлопчатобумажных тканей в пятую пятилетку на 61 процент.

Каждый комбинат запроектирован как комплекс многих фабрик: прядильных, ткацких, отделочных, ватных. Обширные, высокие и светлые корпуса раскинутся на огромной территории. Неподалеку от фабричных зданий вырастут благоустроенные поселки с многоэтажными жилыми домами, клубами, больницами, детскими садами и другими культурными и бытовыми учреждениями. По существу, здесь возникнут новые города.

Какие ткани будут выпускать шесть хлопчатобумажных гигантов? Для определения ассортимента была проведена большая работа по выявлению спроса населения.

Вот что рассказал корреспонденту «Огонька» начальник Главного управления новостроек хлопчатобумажной промышленности Министерства легкой промышленности СССР тов. Н. И. Хренов:

— Вопрос об ассортименте тканей явился решающим при проектировании новых комбинатов, которые имеют своей задачей удовлетворить спрос населения на самые ходовые высококачественные товары. Миткаль и сатин, фланель и полубархат, вельвет и батист, тафта и маркизет, шотландка и эпонж, трико и коверкот, замша и плетенка, пикейные и сатиновые одеяла, махровые полотенца и простыни — это далеко не полный перечень товаров, которые в большом количестве будут производить комбинаты.

Размещение новых хлопчатобумажных предприятий предусматривает приближение их не только к источникам сырья, но и к потребителю. Два волжских комбината — в Камышине и Энгельсе — будут давать ежегодно сотни миллионов метров тканей жителям прилегающих к Волге областей. Барнаульский текстиль пойдет на Дальний Восток, в Сибирь, Казахстан и — частично — в среднеазиатские республики. Краснодарскими тканями заполнятся магазины Ставрополья, Ростовской области, Кабардинской и Северо-Осетинской автономных республик.

Херсонский комбинат явится первым крупным текстильным предприятием на Украине. Республика получит разнообразные ходовые ткани, а также пикейные и байковые одеяла.

Большое значение имеют близость новостроек к хлопковым районам и удобные пути сообщения с ними. В этом отношении показателен Херсонский комбинат. Как известно, Украинская ССР является новым хлопководческим районом. Каховский гидроузел и Южно-Украинский канал обеспечат поля Украины орошением и послужат дальнейшему росту хлопководства.

Новым хлопководческим районом страны является и Краснодарский край: первые посевы хлопка были произведены здесь лишь двадцать лет назад. В красивые ткани — костюмное трико, меланжевый коверкот, шотландку и эпонж — будет перерабатывать местный хлопок Краснодарский комбинат.

Шесть гигантов хлопчатобумажной промышленности оснащаются самым совершенным оборудованием. Здесь устанавливаются советские машины новых типов с высокой производительностью. Максимально автоматизируются все процессы производства. Ткачи впервые получат автоматические станки для пестротканных и махровых товаров. Автоматизируется и транспортировка полуфабрикатов — при помощи подвесных цепных конвейеров.

Самым большим из шести строящихся комбинатов будет Камышинский. Его мощность — около 1 миллиона метров высокосортных тканей в сутки.

Камышин расположен на правом, высоком берегу Волги. Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина связал его с центральными и южными областями страны. После завершения строительства Главного Туркменского канала из Камышина пойдет прямой водный путь в Среднюю Азию, к основной хлопководческой базе нашей страны.

В северной части Камышина, где отведено место для строительства, широко развернулись подготовительные работы. Началось сооружение завода силикатного кирпича, бетонного завода и других предприятий, которые дадут строительные материалы гигантской стройке. Возводятся дома для рабочих, проводятся дороги, прокладывается водопровод, планируются первые улицы большого поселка текстильщиков.

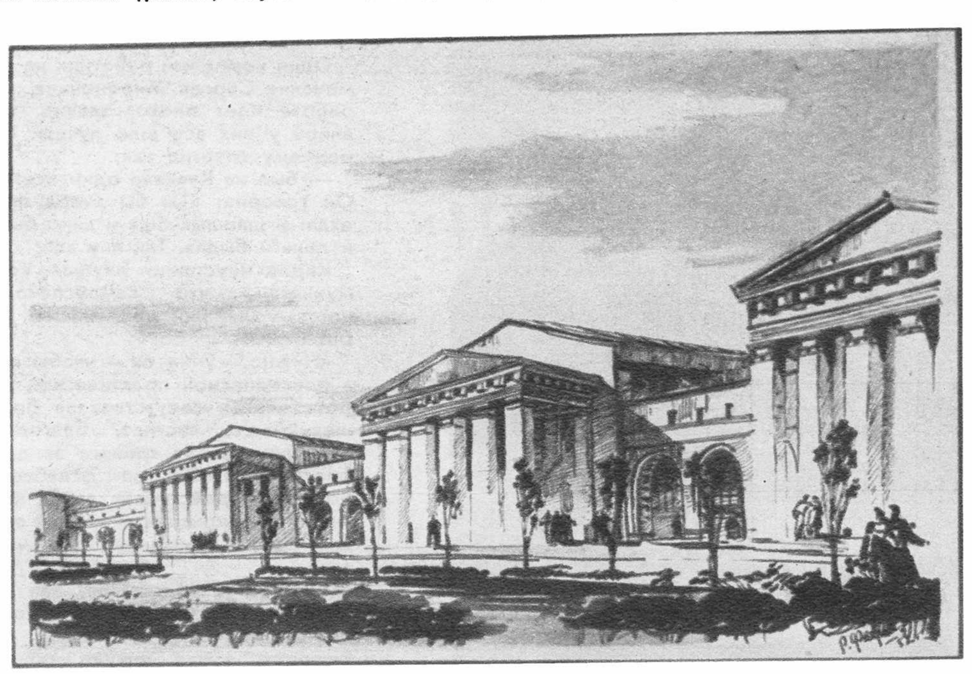
В Камышине будет выстроено свыше 170 тысяч квадратных метров жилой площади. В этих домах со всеми удобствами, вплоть до теплоснабжения, поселятся тысячи семей рабочих. Здесь же в техникуме будут готовить кадры для комбината.

Второй волжский гигант воздвигается в городе Энгельсе, который отмечает трехсотлетие своего существования. Слобода Покровская, из которой развился город, возникла в 1652 году. Еще в 1916 году это был заштатный городок, в котором насчитывалось всего 339 рабочих.

Для новостройки отведена строительная площадка примерно в 500 гектаров. Через несколько лет город Энгельс преобразится неузнаваемо: рабочий поселок рассчитан на 25 тысяч жителей.

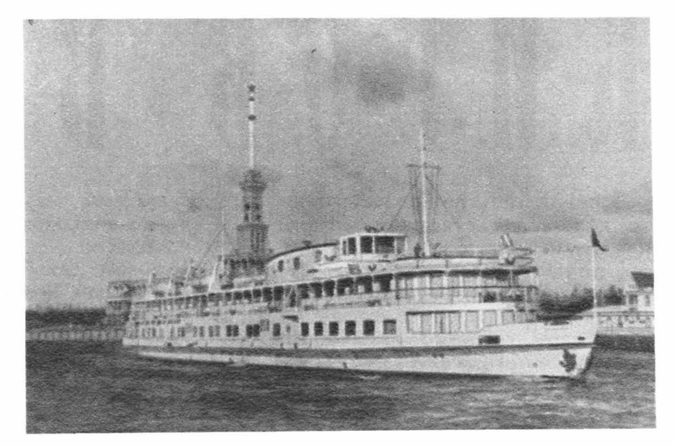
Широко развернулось строительство и других комбинатов — в Барнауле, Сталинабаде, Краснодаре и Херсоне. Уже в 1954—1955 годы отдельные их фабрики дадут свою первую продукцию.

Строительство шести мощных хлопчатобумажных комбинатов в пятой сталинской пятилетке—яркое свидетельство мирного развития нашей экономики, неустанной заботы партии Ленина — Сталина о дальнейшем подъеме материального благосостояния советского народа.

Так будет выглядеть корпус отделочных фабрик Камышинского хлопчатобумажного комбината.

Пассажирский дизель-электроход «Россия».

Новым водным путям — новые суда

В последние дни навигации в Московском порту появились два новых судна: дизель-электроход «Россия», прибывший первым рейсом из Ростова, и озерный теплоход «Волго-Дон», выпущенный столичным судостроительным заводом.

Суда эти не похожи друг на друга ни размерами, ни внешним видом. Но каждый из них оборудован по последнему слову техники и является первенцем в сериях кораблей, строящихся для новых водных магистралей.

Стройный, окрашенный в белый цвет дизель-электроход «Россия» имеет две палубы. На судне 302 пассажирских места, из них 106 мягких. Никелем и полированным деревом отделаны окна, двери, переборки кают. Много света пропускают широкие окна. Во внутренних помещениях, скрытых от солнечных лучей, горят лампы дневного света. Как бы жарко или холодно ни было снаружи, в каютах всегда ровная, мягкая температура, регулируемая специальной аппаратурой. На судне автоматическая телефонная станция. Во время стоянок она подключается к городской телефонной сети, и пассажиры могут разговаривать по телефону с любым абонентом города, не выходя из каюты.

Управление машинами дизель-электрохода «Россия» осуществляется с капитанского мостика. Капитан и вахтенный штурман могут по мере надобности включать или выключать генераторы, которыми приводятся в действие гребные винты. Такое устройство делает судно весьма маневренным и позволяет экономно расходовать горючее.

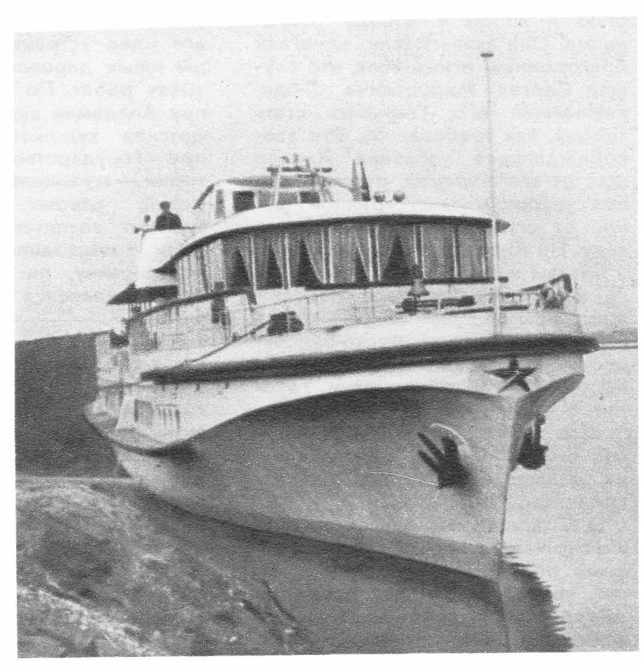
Новый пассажирский дизель-электроход «Россия», направляясь в Москву, шел по Черному и Азовскому морям, затем по Дону, по Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина, по Волге и каналу имени Москвы. В открытом море неподалеку от Севастополя судно выдержало шторм силой в шесть баллов. Проходя шлюзами, корабль отлично маневрировал.

Первый рейс показал, что суда такого типа хорошо приспособлены как к большим водохранилищам, так и к рекам и шлюзованным участкам пути.

Теплоход «Волго-Дон», спущенный на воду в Москве, предназначен для озерного плавания. Такие суда будут курсировать на местных пассажирских линиях Цимлянского, Рыбинского и других искусственных морей. Рейсы здесь будут кратковременными, пассажирам не понадобятся отдельные каюты. Вместо кают на теплоходе три общих пассажирских салона. Они обставлены мягкими диванами, отделаны полированным деревом и зеркалами. В салонах и на открытой палубе триста комфортабельных пассажирских мест.

Постройка озерного судна нового типа — серьезная победа судостроителей столицы. К навигации будущего года завод выпустит еще несколько озерных теплоходов.

С. МЕСЯЦЕВ

Озерный теплоход «Волго-Дон».

Председатель Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дун среди деятелей советской культуры, прибывших в Пекин для участия в месячнике китайско-советской дружбы.

БРАТСТВО ВЕЛИКИХ НАРОДОВ

Месячник китайско-советской дружбы, начавшийся в день 35-й годовщины Великого Октября, проходит с огромным успехом.

По всей Советской стране, в клубах и дворцах культуры, на заводах и стройках, проводятся лекции и беседы об успехах нового, народного Китая, открываются выставки, которые знакомят наших людей с китайским искусством и культурой, издаются книги китайских писателей, демонстрируются фильмы, показывающие жизнь и быт китайского народа, историю его борьбы за национальную независимость.

В связи с месячником в Китай прибыла делегация деятелей советской культуры, а также Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии. Встречи советских писателей и артистов с трудящимися Китая выливаются в могучую манифестацию дружбы великих народов.

Миллионы и миллионы граждан нового Китая жадно изучают жизнь нашей страны, опыт социалистического строительства, перенимают методы советских новаторов, читают книги советских писателей.

Чем больше и лучше мы узнаем Китай, чем больше и лучше в Китае узнают нашу советскую жизнь, тем крепче советско-китайская дружба. Трудящиеся всех стран радуются братскому союзу Китая и СССР. Они связывают с этим союзом свои лучшие надежды.

«Великая дружба между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, — указывает товарищ Сталин,— является надежной гарантией против угрозы новой агрессии, мощным оплотом мира на Дальнем Востоке и во всем мире».

Месячник китайско-советской дружбы служит этой высокой, благородной цели, поэтому он встречен как большое и радостное событие не только советским и китайским народами, но и всем прогрессивным человечеством.

Китайские пионеры приветствуют советских делегатов.

Фото китайского агентства Синьхуа

СССР И КУЛЬТУРА НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

Профессор Ян ДЕМБОВСКИЙ,
маршал Сейма, президент польской Академии наук

В дни, когда в нашей республике с таким успехом проходит месячник польско-советской дружбы, я хотел бы поговорить о роли Советского Союза в культурной и научной жизни современной Польши.

Тесная дружба, которая установилась между Польшей и Советским Союзом, дала нам возможность во всю ширь использовать богатый опыт братского советского народа в строительстве социалистической культуры. Исключительно ценными для строительства народной Польши явились советские достижения в области естественных наук, техники, медицины.

Учение великого Павлова оказало свое плодотворное, революционизирующее воздействие на нашу физиологию, медицину, психологию, педагогику. Выдающиеся научные достижения Мичурина и Лысенко оказывают решающее влияние на деятельность польских биологов, агробиологов, зоотехников, бактериологов. Работы Лепешинской находят у нас применение в области эмбриологии и онкологии, указывая этим наукам новые широкие перспективы.

В польской технике широко применяются опыт и достижения советской технической мысли. Мы используем советские машины, механизмы, оборудование, которые облегчают нам осуществление многих важных задач промышленного и сельскохозяйственного развития. Непосредственный творческий контакт наших инженеров и техников с представителями советской технической интеллигенции, усвоение их огромного и многообразного опыта позволяют нам применять достижения техники Советского Союза, развивать их дальше в наших условиях.

Огромное значение имеет для польских ученых изучение произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина. Исторические труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и политической экономии вызвали в среде польских ученых широчайший отклик, новый творческий подъем, раскрыли перед ними широкие горизонты научных исследований.

На первом конгрессе польской науки в 1951 году мы подвели итоги наших достижений в деле творческого применения марксистского метода к различным областям науки. Советские ученые различных специальностей были гостями польских ученых на научных съездах и конференциях, готовивших Конгресс польской науки. Участие советских ученых в дискуссиях, знакомство с успешным применением диалектического метода в отдельных отраслях советской науки — все это во многом содействовало развитию научной марксистской методологии в польской науке.

Делом исключительной важности для Польской Республики является подготовка научных и технических кадров. Этот вопрос особенно остро стоит в результате огромных людских потерь, понесенных страной во время войны. Сейчас расширяется сеть высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, и уже через несколько лет вырастет достаточный контингент молодых научных и инженерно-технических работников. В нынешний переходный период помощь Советского Союза в этой области для нас особенно ценна. Ежегодно группы молодых людей уезжают в СССР с тем, чтобы завершить свое образование в советских вузах.

На первом конгрессе польской науки остро возникла проблема создания в Польше центрального государственного учреждения, которое стало бы высшим авторитетом в области науки и научно-исследовательской работы.

В довоенной Польше существовало несколько академий. Но все они являлись частными учреждениями, допускавшими в свой состав лишь избранных, и были организованы по средневековым образцам. Членство в таких академиях (среди них первое место занимала краковская Академия наук) не давало никаких прав и не возлагало никаких обязанностей. Исследовательская работа велась учеными вне стен академии.

Разумеется, такой тип академии ни в какой мере не отвечал нуждам развивающегося народного государства, строящего социализм. Пришло время, когда наука должна играть руководящую роль в восстановлении и перестройке всей хозяйственной жизни страны. Образцом послужила для нас Академия наук СССР. По инициативе Конгресса науки правительство Польской Республики создало в апреле этого года государственную польскую Академию наук. Академия не только ведет исследовательскую работу в своих собственных институтах, но и руководит всей научной работой страны. Опыт Академии наук СССР оказал нам в этом отношении большую помощь.

Всесторонняя помощь Советского Союза не только облегчает нашу восстановительную и организационную работу,— она дает нам гораздо большее: помогает развивать собственную национальную культуру. Тесная дружба с советским народом научила работников польской науки и культуры противостоять любым реакционным влияниям, отличать друзей от врагов в области идеологии. Научные и культурные завоевания Советского Союза — это завоевания друга всего человечества, который с готовностью отдает все свои достижения на службу человечеству. Именно поэтому особенно близка и дорога нам советская культура.

Еще больше укрепляя дружбу между нашими братскими народами, мы радуемся тому, что можем внести и свой вклад в эту дружбу. Польша имеет богатое культурное наследство, которое мы используем в строительстве новой жизни. Со стороны Советского Союза мы встречаем живейший интерес к польской национальной культуре.

В этом году правительства Советского Союза и народной Польши подписали соглашение о строительстве в Варшаве силами и средствами СССР высотного здания Дворца культуры и науки. В настоящее время работы уже продвинулись настолько, что начинается монтаж металлоконструкций основного каркаса здания. Во дворце разместится и польская Академия наук. Этот дворец, возводимый нашими советскими друзьями вместе с польскими рабочими, явится не только украшением нашей столицы. Он будет прекрасным символом нерушимой дружбы наших народов.

Тридцатипятилетие Великой Октябрьской социалистической революции многие страны народной демократии отметили проведением месячников дружбы с Советским Союзом. С большим патриотическим подъемом прошли такие месячники в Албании и в Румынии. Сейчас они продолжаются в Китае, Польше, Чехословакии и в Германской Демократической Республике. На снимке: митинг трудящихся города Знойма (южная Моравия). К началу месячника чехословацко-советской дружбы здесь состоялось открытие памятника советским воинам, погибшим в боях за освобождение Чехословакии.

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ!

Несмотря на все старания боннских властей и их вашингтонских покровителей, с каждым днем выходят наружу все новые и новые подтверждения существования на территории Западной Германии тайных фашистских террористических организаций. Как известно, первой получила широкую огласку организация, созданная под условным наименованием «Техническая служба Союза немецкой молодежи» (реакционная молодежная организация, действующая в Западной Германии). Эта организация насчитывает около двух тысяч членов, рекрутированных главным образом из офицеров СС — от подпоручика до полковника включительно. Местом обучения этой банды была деревня Вальдмихельбах в Оденвальде. Здесь террористы «практиковались» в стрельбе и гангстерской тактике. Не является секретом и то, что члены организации «Техническая служба» обучались на полигонах американской армии.

Проявляя большую заботу о террористической организации, американские оккупационные власти ежемесячно вручали ей около пятидесяти тысяч немецких марок (то есть около двенадцати тысяч долларов), причем отдельные террористы получали от 100 до 500 немецких марок в месяц.

«Техническая служба», как и другие тайные фашистские террористические организации, насажденные американцами и их боннскими марионетками, ставила своей целью убийство демократических деятелей Германии, выступающих против ратификации «общего договора» и воссоздания агрессивной армии. Публикуемые ниже фотографии взяты из западногерманской печати. Их появление, так же как и непрекращающееся разоблачение все новых и новых фактов деятельности тайных фашистских организаций,— лишнее свидетельство того, что американским оккупантам не удается и не удастся замести следы. Шила в мешке не утаишь!

«Частная вилла» в Вальдмихельбахе (Оденвальд). Здесь под руководством американских специалистов и офицеров СС обучались бандиты, убийцы и саботажники.

Этот фотоснимок опубликован 15 октября 1952 года в газете «Нюрнбергер Нахрихтен». Запечатлен момент, когда руководитель тайной группы террористов в Гессене Эрхард Петерс инструктирует группу террористов в замке, находящемся вблизи Сегбурга. (Как видно, двое из участников этого сборища, опасаясь разоблачений, позаботились, чтобы их лица были неузнаваемы. На фото у них зачерчены глаза.)

М. И. Авилов «Поединок на Куликовом поле. Единоборство Пересвета с Челубеем».

СОВЕТСКИЙ БАТАЛИСТ

Вот она, легендарная Первая конная армия. Зима. Морозно. Мчится всесокрушающая лавина красных кавалеристов, сильные кони взметают копытами снег. Красноармейцы в едином порыве приветствуют вождя, принимающего парад. Пар встает над летящими лошадьми, блестят взнесенные шашки, и будто слышится громкое и могучее «ура». А слева, возвышаясь над всеми, подняв руку, стоит в санях полководец и вдохновитель побед И. В. Сталин.

Такова хорошо всем знакомая и всеми любимая картина «Приезд товарища Сталина в Первую конную армию в 1919 году», написанная действительным членом Академии художеств СССР Михаилом Ивановичем Авиловым, чей семидесятилетний юбилей отмечает советская художественная общественность.

Этой картиной, созданной им в 1933 году, простой и отчетливой по замыслу и ясной по композиции, М. И. Авилов закрепил за собой славу яркого живописца.

М. И. Авилов родился в Петербурге в 1882 году. Еще мальчиком он начал посещать вечерние классы Общества поощрения художеств. Затем он поступает в училище при Академии художеств, которое успешно заканчивает в 1913 году, выступив с конкурсной картиной «Иван Грозный и бояре-воспитатели». Это полотно, отмеченное И. Е. Репиным, открыло в нем талант живописца, умеющего подметить в изображаемых событиях самое главное и донести его до зрителя.

С первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции Авилов отдает свой талант служению народу. Он пишет плакаты и портреты вождей, оформляет улицы и площади в дни праздников. Постепенно переходит он к работе над крупными вещами, изображающими события из истории гражданской войны. Таковы картины: «Ленин в Смольном накануне 25 октября 1917 г.», «Сибирские партизаны», «Сдача колчаковских войск под Красноярском», «Прорыв польского фронта под Казатином конницей Буденного в 1920 г.». И позднее: «1917 год. Агитаторы-большевики в «дикой дивизии», «Товарищ Сталин на позициях под Царицыном» и другие.

В годы Великой Отечественной войны он пишет «Поединок на Куликовом поле. Единоборство Пересвета с Челубеем». Два всадника, только что столкнувшиеся друг с другом, откидываются назад. Темные, тяжелые силуэты воинов, пересеченные горизонтальными линиями пик, ясно очерчиваются на фоне светлого неба. Мастерски нарисованные кони, храпя, поднялись на дыбы. В глубине поля расположились русские и татарские полки. В рядах татар смятение. Русские же воины в сознании своей силы спокойно ожидают исхода поединка.

За эту картину, написанную в 1943 году, Михаилу Ивановичу Авилову была присуждена Сталинская премия.

М. И. Авилов принадлежит к плеяде ведущих мастеров советского искусства.

Художник А. ГОНЧАРОВ

Радиоприемник «Мир»

Радиоприемник «Мир» проходит последнее испытание на столике контролера Курта Залюмса.
Фото С. Розенфельда

С конвейера рижского завода «ВЭФ» один за другим сходит семиламповый радиоприемник «Балтика», портативный, с хорошим звуком.

Ныне заводской коллектив начал выпускать еще один — мощный тринадцатиламповый радиоприемник с шестью диапазонами, большой чувствительностью и хорошей избирательностью. Приемник обладает отличными акустическими данными, имеет раздельную регулировку по высоким и низким частотам. Вэфовцы присвоили ему название «Мир».

Вместе с новыми приемниками на заводе выросли и новые кадры. Монтажницы Вера Напильникова, Анна Ирбите, Матильда Высоцкая передали свой опыт молодым работницам. Комсомолки Дзинтра Салдава и Люся Агафонова стали бригадирами, одновременно обучаясь в вечерней школе.

...Радиомонтажный цех. Шасси приемника движется по ленте конвейера, постепенно обрастая десятками деталей. Сойдя с конвейера и пройдя ряд испытаний, приемник попадает в кабину регулировщика Иманта Перконса, а затем поступает в ОТК, к контролеру Курту Залюмсу.

Залюмс долго слушает мелодичную симфонию, песню «Широка страна моя родная» на незнакомом языке, прозвучавшую откуда-то издалека...

— Хорошо сделан!— коротко отзывается контролер.

Обернутый гофрированным картоном, запакованный в нарядный ящик, радиоприемник «Мир» готов к отправке.

Р. АБРОВА

Географическая олимпиада

Оживленные группы мальчиков и девочек поднимаются по широкой лестнице Дома пионеров. Из комнат доносятся то звуки музыки, то голоса юных чтецов. Но самое интересное происходит сегодня в залах, где открылась Вторая географическая олимпиада. Сюда, поправляя на груди красные галстуки, спешат учащиеся седьмых и восьмых классов школ Щербаковского района.

Много занимательного видят они в своем Доме пионеров: карты, рисунки, фотографии, ребусы, гербарии. Они участвуют в географических викторинах, играх, отвечают на географические задачи-шутки.

Получив листки, в которые заносятся оценки за ответы, юные географы ходят от стенда к стенду, из зала в зал. Ответы принимают преподаватели географии, студенты географического факультета МГУ, аспиранты. В качестве «экзаменаторов» здесь можно встретить и самих учащихся — любителей географии, членов туристических кружков.

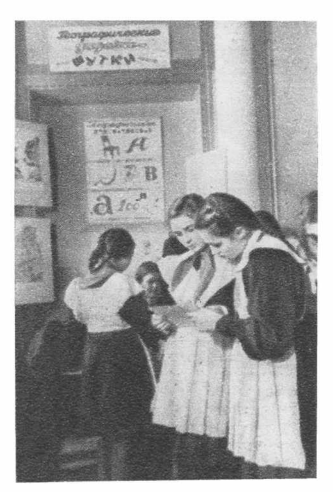
У одной из электрифицированных карт стоит группа девочек. На карте голубые линии каналов, разливы будущих морей. Отвечает Марина Юрушкина.

— Где пройдет Главный Туркменский канал?

Марина берет электрошнур и притрагивается концом его к одной из блестящих металлических кнопок, которыми усеяна карта. Зажигается лампочка. Ответ правильный.

Надолго задерживаются ребята перед рисунками причудливой формы. Один из них напоминает двух старух. Это скала. Она так и называется: «Сварливые старухи». Где же находится эта скала? Оказывается, такая скала имеется в Китае, в провинции Шаньдун.

Особенно оживленно у столика, на котором разложены билеты с вопросами. Чтобы правильно ответить, нужны не только знания по географии, но и смекалка. «Где холоднее: на крайнем севере или на крайнем юге?», «Какую реку можно срезать?», «Как совершить кругосветное путешествие в течение нескольких минут?» Не все знают, что на крайнем юге холоднее, что «срезать» можно реку Прут, а совершить путешествие... по глобусу или карте.

В одном из залов Дома пионеров.
Фото Г. Санько

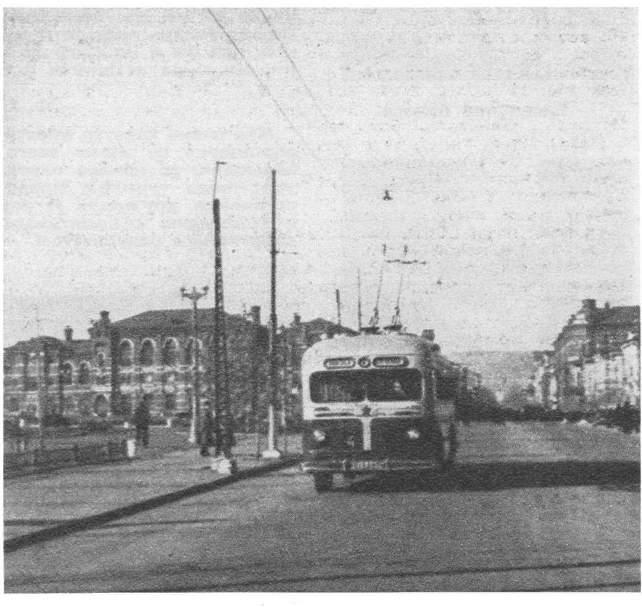
Чтобы заслужить высокую оценку, пионер должен найти город на немой карте, отыскать Полярную звезду, рассказать о трассах лесных посадок, разгадать, что за листья лежат под стеклом, разобраться в топографических знаках...

Но вот участники прошли по залам, ответили на вопросы и опустили листки с оценками в ящик. Пока шел подсчет очков, ребята успели прослушать интересную лекцию о стройках пятой пятилетки.

Так был дан старт Второй географической олимпиады. Впереди еще два тура: предстоит выполнить письменные работы по географии. Тогда будут выявлены победители олимпиады.

П. КОРЖ

Троллейбусы в Саратове

В ноябре в Саратове вошла в эксплуатацию первая троллейбусная магистраль по Ленинской улице — от вокзала до площади Революции. На линии курсируют пять машин.

В дальнейшем троллейбусная линия будет удлинена.

Фото М. Начинкина

УСПЕХ СОВЕТСКИХ ШАХМАТИСТОК

Елизавета Быкова.

Ольга Игнатьева.

Валентина Белова.

Кира Зворыкина.

Закончился Международный женский шахматный турнир в Москве. Необходимо отметить значительное повышение класса игры шахматисток по сравнению с прошлыми соревнованиями. Многие партии турнира в творческом отношении прошли на весьма высоком уровне.

Были моменты, когда зрители, восхищенные хорошей игрой, аплодировали даже отдельным красивым ходам. Так, москвичи аплодировали, когда чешка Грушкова-Бельска сделала красивый неожиданный ход ладьей в партии с Рубцовой или когда Кира Зворыкина жертвой ферзя эффектно заматовала англичанку Тренмер... После окончания турнира все иностранные участницы благодарили советского зрителя за его исключительную объективность.

Спортивная задача турнира заключалась в том, чтобы выявить сильнейшую шахматистку, которая в будущем году будет играть матч с чемпионкой мира Людмилой Руденко. Этой шахматисткой оказалась москвичка Елизавета Быкова.

Проиграв партию в первом туре советской шахматистке Беловой, в дальнейшем Быкова спокойно и уверенно набирает очки. После 7-го тура она захватила лидерство и уже перед последним туром, набрав 11½ очков, обеспечила себе победу в этом состязании.

В первую шестерку победителей вошли четыре советские шахматистки и две зарубежные.

Голландка Хеемскерк, поделившая с Игнатьевой 2-е и 3-е места, и немка Келлер-Германн, поделившая 4—6-е места с Беловой и Зворыкиной, показали хорошую игру, и их успех вполне закономерен.

Белова, если бы не случайные неудачи ее в двух турах, могла, безусловно, претендовать на более высокое место. Явно не выдержали нервы и у Ольги Рубцовой. Зато дебютантка в международных встречах Ольга Игнатьева показала хорошую игру и заслуженно заняла высокое место. Неудачный старт Киры Зворыкиной лишил ее возможности бороться за первое место, хотя многие ожидали видеть ее лидером турнира. Улучшила свою игру немецкая шахматистка Келлер-Германн. Серьезно, вдумчиво играет представительница Англии Тренмер.

Наши гости высоко оценили блестящую организацию турнира, огромный интерес к соревнованию сильнейших шахматисток мира со стороны советской общественности, большое гостеприимство москвичей. И это не простые слова вежливости!

Международный шахматный турнир — замечательный фактор культурного сближения людей разных национальностей. Весь турнир прошел в дружеской обстановке.

Большое международное шахматное состязание окончено. Оно принесло новый успех советскому шахматному искусству. Если в 1951 году матч Ботвинник — Бронштейн превратился в схватку между советскими спортивными обществами «Энергия» и «Динамо», то матч Руденко — Быкова будет «более спокойным». Обе шахматистки являются членами спортивного общества «Искра».

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Говорят участницы

ЕЛИЗАВЕТА БЫКОВА

Неизбежные для такого ответственного соревнования волнения лично для меня окончились благополучно, и главная борьба теперь предстоит мне в будущем году. Но самое важное: как бы я ни сыграла с Людмилой Руденко, звание чемпионки мира останется у советской шахматистки.

Ф. ХЕЕМСКЕРК

Мне очень хочется отметить исключительно дружественную обстановку во время всего турнира. Мы выигрывали, проигрывали; до начала партии и после окончания ее все мы, участницы турнира, представительницы 10 стран, были и останемся друзьями. Я рада, что возвращаюсь из Москвы в Голландию с приятными воспоминаниями и с хорошим спортивным результатом.

Э. Келлер-Германн и Ф. Хеемскерк.
Фото Н. Смирнова

Зимний бассейн в Баку

До Октябрьской революции эта часть Баку называлась Черным городом. Хибарки рабочих, закопченные дымом нефтеперегонных заводов, узкие, кривые улочки, непролазная грязь — таков был ее облик. Даже голуби — единственное развлечение заводских ребятишек — возвращались на голубятню черные от копоти.

Ныне район, носящий имя Степана Шаумяна, имеет другие приметы: светлые дома для рабочих, лучший в республике Дворец культуры, парк имени Низами, два стадиона, широкие, красивые магистрали.

Теперь здесь выросло новое здание — первый в Баку зимний плавательный бассейн. Внешний и внутренний вид его радует взор изяществом отделки, нежными тонами окраски.

Над ванной бассейна размером 25 на 10 метров расположены трехъярусные ложи, отделанные бархатом: они рассчитаны на 500 мест. В вестибюле, двух фойе, многочисленных комнатах мягкая мебель, ковры, тяжелые занавеси, картины. В бассейне установлены две вышки и трамплин для прыжков. В ванну, ниже уровня воды, вмонтированы 24 цветных прожектора, которые дают возможность тренеру улавливать каждое движение пловца.

Зимний плавательный бассейн создан по инициативе молодежи нефтеперерабатывающего завода имени Андреева, при ее широком участии и при активной помощи общественности Шаумяновского района. Специальным пунктом коллективного договора между рабочими и администрацией завода на 1950 год предусматривалось начало строительства. На сооружение бассейна было выделено более 2 миллионов рублей.

Открытие зимнего бассейна вылилось в большой спортивный праздник. В этот вечер ложи и балконы заполнили нефтепереработчики и их многочисленные гости.

Прыгнув с восьмиметровой вышки, чемпион Азербайджана И. Талышханов рассек грудью алую ленту, протянутую над водой. Затем начались показательные соревнования с участием лучших бакинских пловцов. Состоялись заплывы на разные дистанции, прыжки с вышки и трамплина, игра в водное поло.

Бакинские пловцы получили возможность тренироваться круглый год, систематически совершенствовать свое мастерство.

Н. СПИЦЫНА
Фото С. Кулишова

Первые лимоны Узбекистана

Обычно фруктовый сезон в Узбекистане начинается в мае созреванием клубники и завершается в октябре сбором поздних сортов яблок, айвы и винограда. Впервые в нынешнем году лимоны удлинили этот сезон еще на месяц. В первой декаде ноября, на 3—4 недели раньше, чем в Грузии, в Самаркандском районе, Самаркандской области, в колхозе имени 23 февраля начали сбор лимонов.

К радостному этому часу победы человека над природой готовились давно. В грунтовые сараи, где два с половиной года назад были высажены крохотные саженцы лимонов и апельсинов, частенько наведывались колхозники. Садоводов и виноградарей интересовали невиданные до того в республике посадки. Колхозники с удовлетворением отмечали, как день ото дня наливаются темнозеленые плоды, как начинает желтеть их плотная кожура.

Опытник-селекционер Василий Семенович Панин много лет отдал выведению нового местного сорта лимона «Узбекистан». И Панин и его помощник Р. Сабиров были уверены: деревца нового сорта не подведут. И вот десятки крупных ароматных золотистых лимонов отягощают тонкие ветви лимонных деревцев. Полторы тысячи лимонов — таков первый урожай колхозного сада.

Больше ста колхозов Узбекистана осваивают сейчас цитрусовые культуры. В траншеях и грунтовых сараях растут более 30 тысяч деревцев цитрусовых. Одни прислала братская Грузия, другие выращены на селекционных станциях республики.

Н. СОЛОВЬЕВА

Ранним утром выходят пчеловоды на пасеку. На снимке: Евдокия Алексеевна Носкова (в центре) с практикантками из школы пчеловодов Машей Королихиной (слева) и Раей Стрижовой (справа). Хорошо видно введенное Носковой групповое расположение ульев.

Фото Б. Кузьмина

В СЕЛЕ НАСУРОВЕ

Владимир СОЛОУХИН

1

Стояла осень. Давно опустели поля. Оттрубили журавли свои тревожные прощальные песни. Сошли грибы. Молодой липовый лес, что неподалеку от деревни, осыпался. Только дубы хранили прочную забуревшую листву да кое-где ярко горели рябины. Засохшие травы, стерня, опавшие листья по утрам покрывались изморозью, становились хрустящими.

Дуся Носкова возвращалась из Рязани, куда ходила за покупками. Прошла путь она быстро, ни разу не присела отдохнуть. Вот и Насурово, от него до Вешек не больше двух километров.

На выходе из села Дусю догнал шустрый черномазый паренек:

— Тетенька, дядя Степа зовет!

Не дожидаясь согласия Дуси, паренек схватил ее за рукав и потянул обратно в Насурово.

— Что же ты меня тянешь? Может, я не хочу идти к твоему дяде Степе...

— А я все равно не отпущу! Раз председатель сказал привести,— значит, пойдем.

— Боек ты очень! Да уж ладно, пойдем.

Дядя Степа, или Степан Григорьевич Филатов, был председателем колхоза. Дуся отлично знала, зачем он ее зовет. Последнее время от него никакого отбою не было: семь записок получила, три раза сам заходил, а теперь вот паренька послал вдогонку.

— Вы уж извините, что вернуться пришлось,— начал Степан Григорьевич, когда паренек втянул в правление и не думавшую упираться Дусю.— До Вешек я вам лошадь дам.

«Ишь, как подмазывается! — мелькнуло у Дуси. — Только все равно ничего не выйдет».

— Ну, так как же, Евдокия Алексеевна, неужели опять отказ?

— Не пойду! Сказано, не пойду!

— Так ведь неправильно это, поймите! У вас же образование по этой части, золотые руки, семь лет практики, а вы ходите картошку копать да на прочие работы.

— Все лучше, чем хозяйство вашего Леонтьича принять. Нет, Степан Григорьевич, я привыкла работать на хороших пасеках.

— А вот вы и сделайте хорошую пасеку. На готовеньком любой работать сможет.

Видя, что собеседница хмурится и вот-вот уйдет, председатель решил ударить последним козырем.

— Ну, хорошо,— заговорил он жалобно.— Леонтьич без души к этому делу относится, да ведь пчелы-то не виноваты! Мы сейчас разговариваем, а они там, может, сразу десятками умирают. Падают и, знаете, этак лапки кверху. Пчелы-то чем виноваты, Евдокия Алексеевна?

Дуся вдруг встала:

— Пойдемте посмотрим ваших пчел!

— Вот я и говорю: посмотреть надо,— поддакнул председатель. Он-то твердо знал, что если Дуся увидит хозяйство Леонтьича во всей его «красе», не устоит, примет пасеку. На выходе из правления Степан Григорьевич успел шепнуть пареньку:

— За Леонтьичем беги. Одна нога здесь, другая там. Ну!

...Домой Дуся вернулась часа через два. Мавра Даниловна, мать Дуси, встретила дочь на крыльце:

— Заморилась, небось?

— Председатель задержал. Опять с пасекой пристает!

— И-и, дочка, не связывайся ты с этой пасекой, послушай мать. Помрут пчелы-то, не доживут до весны. Да и то рассуди: десять семей. Много ли заработаешь? Маята одна.

— А ведь я, мама, пасеку приняла.

У старушки покачнулось блюдечко, чай выплеснулся на чистую скатерть, на фартук.

— Когда же ты успела, негодница?

— Шла сейчас через Насурово, да и приняла.

— Ну, и делай, как знаешь! А я тебе больше не указ, не подмога!

Мать ушла на кухню и что-то там ворчала. Потом из-за перегородки донеслось:

— Как хоть они, пчелы-то, живы ли?

— Не знаю, мама. Тревожить я их не решилась. Словно бы шумят,— значит, живы.

— Ох, грехи, грехи!..

2

...Наутро кончилась золотая осень. За ночь нагнало невесть откуда низких грязносерых туч, заткало окрестности пряжей мелкого холодного дождя. Померкли все краски.

Нехорошо было на душе у Дуси.

«Дернуло меня под горячую руку!..» — думала она, хлюпая по грязи.

Вот и омшаник. Да разве это омшаник? Заставить бы самого Леонтьича здесь зимовать! Сердито толкнула дверь. Из темноты пахнуло сыростью. Что-то зашуршало по всем углам — мыши!

Весь омшаник был завален изломанными ульями, рамочным хламом. В углу в три этажа — десять несчастных семей. Прикладывая ухо к стенке то одного, то другого улья, Дуся слышала: пчелы гудели сердито, встревоженно.

Опустилась молодая пасечница прямо на земляной холодный пол и заплакала.

В квадрате низенькой двери все та же серость, тот же дождь, и нет ему ни конца, ни краю. Лужица у входа в омшаник копилась-копилась и потекла внутрь, поднимая крошки воска, костру, разные щепочки. Этот ручеек вывел из оцепенения плачущую Дусю. Накидала земли, отвела ручеек в сторону. Это — первое, что она пока сделала, приняв пасеку.

К вечеру пасечница пришла к омшанику с корзиной, завязанной мешком. В корзине ворочались и скреблись четыре разномастных кота.

— Ну, пошли, пошли!— напутствовала пасечница свой «истребительный отряд».— Хватит вам тут работки!

Утром, едва Дуся приоткрыла дверь, все четыре кота стремглав выскочили наружу, точно всю ночь только и ждали, когда же дверь приоткроется.

Мышеловки тоже не помогли. Пришлось обратиться к более решительному средству — мышьяку.

Между тем время шло. На рязанские поля нанесло снегу. Раскаляясь день ото дня, входили в силу морозы.

— Плохи мои дела, мама,— издалека начинала Дуся. — Помрут пчелы.

— А я тебе что баила? Не принимай! Не принимай! Да уж говори, что нужно-то?

— Одеяло, что лоскуточками, старое уж. Отдала бы его мне...

— Ишь ведь, что придумала, одеяло!..

Подобные разговоры происходили часто. Старое пальто на вате, несколько мешков, теперь вот одеяло — все это Дуся распарывала, потрошила, кроила. Получались подушки для утепления ульев. Из правления Дуся принесла подшивку старых газет. Шила из них холстики. Председатель колхоза выделил плотника. Так и сказал:

— Иди в ее, дусино, распоряжение.

Работа была скорее столярная, чем плотницкая: ремонтировать запасные ульи, делать рамки да магазинные гнезда.

— Гляжу я на тебя и думаю,— говаривал плотник, присаживаясь на остро пахнущие стружки и сворачивая козью ножку,— десять семей у тебя, а холстиков понашила, словно тут в самом деле пасека. Опять же ульи чинить. А что их чинить? Весной последние выбросишь. Ай, думаешь, выживут?

— Не знаю, может, и выживут. А ульев мне много нужно. Было бы из чего, заставила бы сто штук сделать.

— Эх-хе-хе! — задыхался махорочным дымом плотник.— Веселая ты девка! — И, задумавшись, добавлял: — Однако работящая...

3

...Кабинет заведующего областной конторой пчеловодства Ильи Ивановича Кудряшева сотрудники в шутку называли ульем. Был он небольшой, уютный, пропитанный ароматом воска.

Сам Кудряшев, склонный к полноте мужчина, с тяжелыми руками крестьянина и умными спокойными глазами образованного человека, сидел за своим столом. Напротив на диванчике расположился районный агроном по пчеловодству.

— Так что у нас с «Парижской Коммуной»? Вымирает пасека?

— Нет, Илья Иванович, теперь не вымрет. Ее Носкова приняла.

— А кто такая, разрешите вас спросить, Носкова?

— Обыкновенная девушка. Окончила школу пчеловодов. Лет семь работала в Московской области. В совхозе, кажется.

— А если она обыкновенная девушка, так почему же вы уверены, что дело пойдет?

— Илья Иванович, я не точно выразился. Она, конечно, и обыкновенная и в то же время необыкновенная. Носкова ко мне за зиму раз пять приходила советоваться по разным вопросам. Я успел к ней приглядеться. Неужели она у вас еще не была?

— Представьте, нет.

— Значит, придет... Еще сто раз придет. И так возьмет в работу, что только держитесь. Если ей помочь, я уверен, «Парижская Коммуна» года через три загремит на всю область.

— Твоими устами да мед бы пить,— пошутил Кудряшев.— Пожалуй, завтра же я к ней съезжу. Нужно посоветовать ей применить ускоренный метод размножения, а то она так и будет с десятью семьями возиться!

Илья Иванович снял было трубку, чтобы договориться о машине назавтра, но вошла сотрудница.

— Носкова, из «Парижской Коммуны», пришла. Вы ее примете?

Заведующий с агрономом переглянулись и весело захохотали. Такими их и застала вошедшая Дуся Носкова.

4

...В середине апреля зацвел орешник — пора выставлять пчел. Цветение орешника считается у пчеловодов своеобразной отправной точкой. Дуся хорошо знала, что на третий день после орешника вспыхнут на глинистых пригорках яркие огоньки медуницы, на шестнадцатый день зацветут одуванчики, на семнадцатый распустится ива. А там пойдут сурепка да желтая акация, дикая редька да васильки, донник да кипрей. Царица всех медоносов — липа — зацветет на семидесятый день после орешника.

День выдался погожий, и хоть воздух был прохладен, солнце грело упорно и ласково. Едва Дуся открыла летки, как пчелы одна за другой начали выползать на «крылечко», подниматься в воздух, кружиться. Вот одна из них, возможно, привлеченная каким-то зовущим ароматом, а может, просто наугад, пустилась за вишневые кусты и дальше в поле, в свое первое путешествие.

При осмотре семей пасечница установила: три семьи совсем слабы — их нужно спасать.

Председатель даже руками замахал:

— Что ты, что ты! Откуда я возьму столько сахару? Что у меня, сахарный завод?

Однако на другой день он пришел чуть свет на пасеку и сбросил к ногам Дуси мешок.

— Вот, разорительница, десять килограммов! Хватит?

— Хватит, Степан Григорьевич, хватит!

И в виде особой благодарности повела председателя показать пчел. Понравились председателю пчелы. Три дня ходил потом с заплывшим глазом.

— Ничего,— смеялась Дуся.— Это они с голоду! Сахару поедят, признавать будут. Захаживайте, Степан Григорьевич!..

Прошло три года.

В хмурый августовский вечер Дуся по привычке села записать, что было сделано за день. На этот раз, прежде чем вывести первую букву, Дуся начала перелистывать свои записки — толстую тетрадь.

«16 апреля 1949 года. Вчера выставила пчел. Все десять семей перезимовали. Три семьи показали себя совсем слабыми. Установила особый уход: пополнила кормовые запасы, хорошо утеплила гнезда...

14 мая. Приезжал Илья Иванович. Он у меня на пасеке частый гость. Не знаю, как благодарить и его и агронома за помощь...

20 июня. Твердо решила все силы и знания отдать любимому делу. Встаю в четыре, ложусь в двенадцать. Мама ругается. Говорит: надолго ли меня хватит?..

15 ноября. Поставила на зимовку 22 сильные, хорошо обеспеченные пчелосемьи...

Ноябрь 1950 года. Поставила на зимовку 82 сильные и хорошо обеспеченные семьи.

Февраль 1951 года. Выступила на областном совещании передовиков-пчеловодов. Никак не могла начать. Агроном все подсказывал из президиума. Илья Иванович переживал больше меня. Дала слово довести пасеку в этом году до 150 семей, меду собрать по 100 килограммов с семьи.

Апрель 1951 года. Принятая расстановка ульев в шахматном порядке не верна. Пчелы плохо ориентируются, наблюдается массовый слет. Матки после спаривания залетают в чужие ульи, а там их убивают.

Нужно ставить ульи группами, по три штуки, и чтобы от группы до группы было не менее 10 метров.

Май 1951 года. Добилась от правления, чтобы гречиху сеяли в три срока. Теперь цвести она будет дольше. Председатель долго упирался насчет фацелии. Все же посеял три гектара.

Июнь 1951 года. Постановка второго корпуса не представляет большой трудности. А результат — 20 килограммов лишнего меду с каждой семьи. А что если ставить и третий корпус?..

Июль 1951 года. Начался главный взяток — пять — шесть килограммов ежедневно. По мере заливки медом средних рамок переставляю их на края. Это активизирует работу пчел.

Сентябрь 1951 года. Кое-чего я добилась. У меня 150 пчелосемей. Меду я собрала по 107 килограммов с семьи. Колхоз получил доход в 50 тысяч рублей. Мне начислили 1 437 трудодней, а в виде дополнительной оплаты дали 66 пудов меду.

Январь 1952 года... Вызывает министр сельского хозяйства.

Февраль 1952 года. Необходимо построить в 1952 году стандартный зимовник на 200 семей, выбрать место для третьей точки, выделить на постоянную работу двух помощников из колхозников, любящих пчеловодство».

За сухими записями фактов и цифр вставали перед Дусей выплывающие из памяти картины. И тот ручеек, когда она плакала в омшанике, и ласковый взгляд министра, когда он, прощаясь, сказал ей: «Благодарю, хорошо работаете». Как бы встряхнувшись от задумчивости, Дуся придвинула чернила и начала писать:

«Август 1952 года. Говорила по телефону с Ильей Ивановичем. Обещал завтра приехать».

...Ночью прошел дождь, и утро было туманное. Машина, пролетающая по проселку, не поднимала никакой пыли.

— Серый денек-то будет. Как думаешь, Анатолий? — обернулся Илья Иванович Кудряшев к сидевшему сзади агроному.

— Разгуляется. Около Насурова обещаю вам кусочек синего неба.

— Зачем так далеко? — вмешался в разговор шофер.— Вон оно, голубое небо!

И действительно, над дальней рощей, слева, лопнула сырая масса облаков, и в образовавшуюся щель хлынули на землю синева и солнце. Как проясняется на бумаге детская переводная картинка, так прояснились окрестности. Линии приобрели четкость, формы — выпуклость. Вскоре всю землю залило ровным августовским солнцем.

Встречать машину вышли все: и сама Дуся и две девушки-практикантки из школы пчеловодов, Маша и Рая. Вышла и Мавра Даниловна.

— Ну, чему научились? — обратился Илья Иванович к девушкам.— Скоро школа на экзамены отзовет.

— Экзамены у нас Евдокия Алексеевна приняла. Так директору и скажем.

— Работали они хорошо,— поддакнула Дуся.— Только вот с комбайнерами беда. В колхоз ли едут, в поле ли — все мимо нашего дома норовят...

— Так их же к меду тянет,— засмеялись девушки,— а что кусаются пчелки-то, про это они забыли!

— Сначала посмотрим, как вы дымари умеете раздувать.

— Чайку бы, Илья Иванович, а то уж сразу и за пчел!

— Пока у Мавры Даниловны самовар поспевает, как раз и успеем.

Через несколько минут запахло душистым дымом гнилушек, смешанных с прополисом. Все надели сетки.

Илья Иванович приподнимает рамку, а Дуся смахивает с нее пчел гусиным пером. В два дымаря дымят девушки.

В рамке ни одной незапечатанной ячейки. Она толстая, «пузатая» — килограммов пять, не меньше.

— Качать пора,— говорит Кудряшев.— А эту рамку отложите для сельскохозяйственной выставки. Пусть посмотрят, как наши рязанские пчелы работают!

— Что вы, Илья Иванович, на выставку у меня разве такие рамки приготовлены!..

На другой день Маша, гордая доверенным делом, зарядила центробежку.

Еще бы! Она дает первый мед 1952 года с пасеки Евдокии Носковой. Вокруг собрались все. Маша взялась за ручку, чтобы качать. Рая, вынимая из кипящей кастрюли то один, то другой нож, распечатывала соты. Илья Иванович и Дуся подкладывали под центробежку клин, чтобы не качалась. Мавра Даниловна наблюдала...

Тяжело набирая быстроту вращения, закрутились крылья. Комната наполнилась ни с чем не сравнимым ароматом цветочного меда. На внутренние стенки центробежки брызнули бесчисленные янтарные капли. Сливаясь в ручейки, капли стекали вниз. День за днем будут течь и течь эти ручейки, образуя килограммы, тонны тягучей солнечной жидкости.

Шахтерская водолечебница

На одной из живописнейших улиц города Сталино, ведущей к Центральному парку культуры и отдыха имени Щербакова, появилось красивое трехэтажное здание. Это новая водолечебница, открытая при поликлиническом отделении больницы комбината «Сталинуголь».

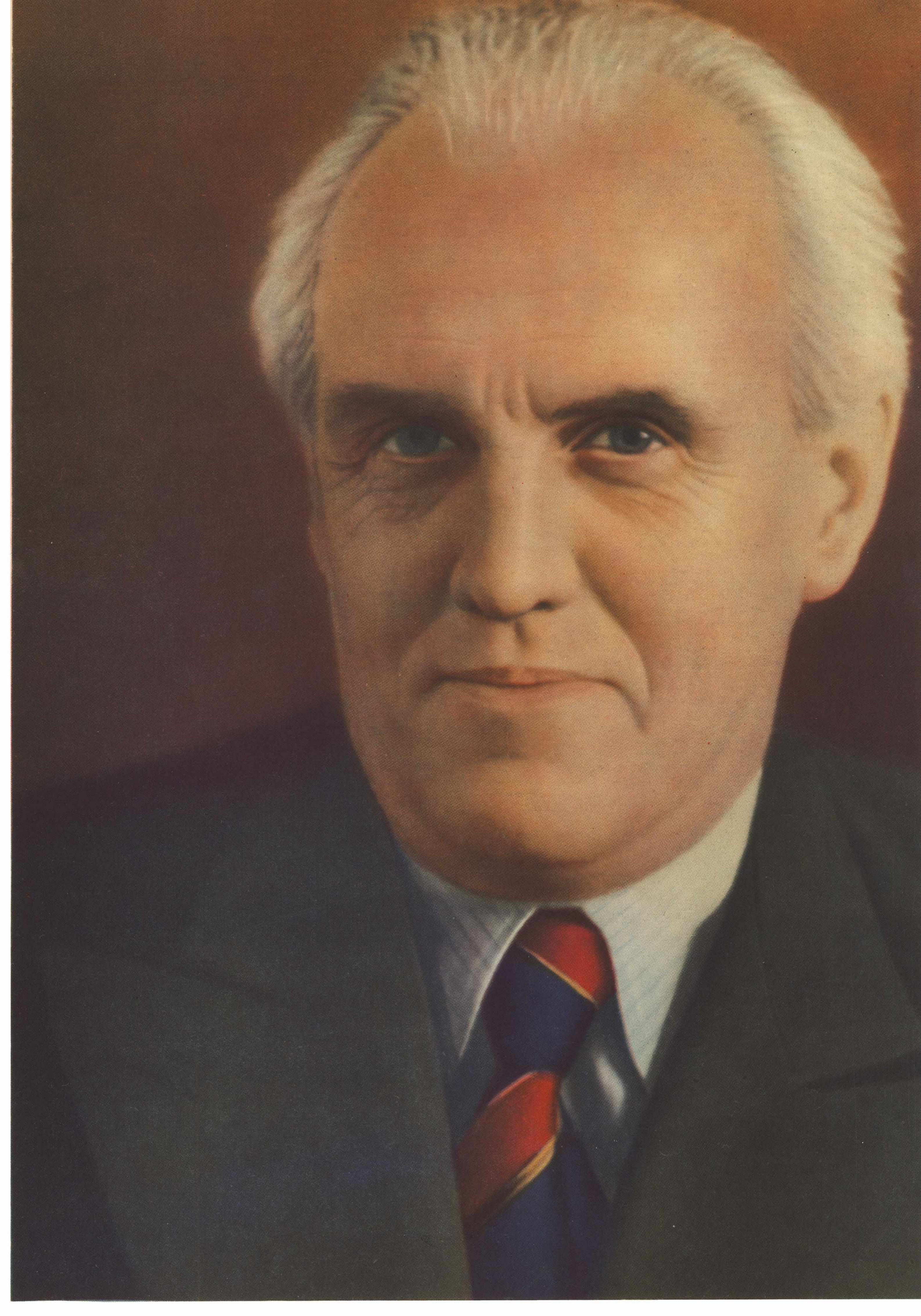
Донецкие шахтеры могут, не выезжая за пределы родного края, пройти курс лечения целебными грязями, привозимыми сюда со знаменитых рапных озер Славянска. К услугам горняков хвойные, пресные, углекислые, кислородные, жемчужные ванны. Здесь же «Донецкая Мацеста», как называют шахтеры сероводородные ванны, для которых с лечебной целью используются обыкновенные шлаки коксохимического завода.

Новая лечебница быстро завоевала уважение шахтеров. Здесь уже прошло курс лечения более тысячи человек, приехавших из Чистякова, Зуевки, Снежного и других угольных районов Донбасса.

И. ПОПОВ

На снимке: Водолечебница комбината «Сталинуголь».

Фото Н. Козловского

Председатель Советского Комитета защиты мира, писатель Н. С. Тихонов.

Фото Я. Рюмкина

Вице-председатель Всемирного Совета Мира, лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Пьетро Ненни.

Фото Дм. Бальтерманца

Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени И. В. Сталина (Львовская область) Ульяна Даниловна Баштык. Выступая на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве, У. Д. Баштык сказала: «Мы говорим о мире потому, что чувствуем могучую силу нашего народа, советского строя, потому, что мы от всей души желаем счастья человечеству, заботимся о его безопасности».

Фото Б. Кузьмина

Член Всемирного Совета Мира, профессор Генрих Брандвейнер (Австрия).

Фото Б. Дмитриева

ПУСТЫНЯ

Рассказы

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки В. Высоцкого

Убитая гордость

Никто толком не понимал, за что старший буровой мастер Криница не взлюбил молодого радиста.

До назначения Слезкина Василий Михайлович сам исполнял обязанности радиста. Каждый раз, когда он садился за рацию, можно было услышать:

— Нашли лошадь! Обещают радиста, обещают, а Криница вывози! Порядочки!

И вот в конце августа появился Петя Слезкин. Его доставил в буровой отряд главный геолог экспедиции Афанасьев.

— Чтоб больше не плакался. Вот тебе новая штатная единица — радист. Прошу любить и жаловать!

Старший мастер поблагодарил Афанасьева и придирчиво осмотрел новичка. Новая штатная единица выглядела довольно неубедительно: щупленький паренек с коротко остриженными рыжими волосами и с веснушками такой яркости, что даже кара-кумская пыль не смогла их прикрыть во время поездки из колхоза, где разместился штаб экспедиции, в буровой отряд. Радист представился:

— Слезкин.

Криница удивленно переспросил:

— Чего?

Паренек покраснел и замигал огненными ресницами:

— Фамилия такая...

Больше Криница ни о чем не расспрашивал Слезкина и тут же передал ему радиостанцию:

— Здесь подшивка радиограмм, здесь журнал учета. Следующая связь со штабом экспедиции в семь часов вечера по ашхабадскому времени. Все!

Афанасьев и Криница ушли на буровую вышку, а Слезкин остался в палатке.

Как только перед глазами Криницы возникал кто-либо из начальства, он всегда находил повод для жалоб. Вытирая рукавом пот с лысоватой головы, Василий Михайлович грустно объяснял Афанасьеву:

— Опять буровых труб не хватает. Всего на три дня осталось...

Афанасьев трогал своими длинными сухими пальцами образцы пород и посмеивался:

— На базе труб сколько хочешь. Ты машину посылал?

— Нет еще.

— Пошлешь, и будут трубы.

Криница вздыхал и грустно соглашался:

— Это верно. Трубы будут...

После минутного молчания буровой мастер начинал все сначала:

— В общем, дела плохи, Николай Николаевич...

Главный геолог уже более десяти лет работал вместе с Криницей и хорошо знал его характер. Он поддерживал разговор:

— Куда хуже! Ты ведь месячную норму перевыполнил?

— Вроде так...

— И по всей экспедиции твоя бригада на первом месте.

Криница сердито сопел и грубовато отвечал:

— Что вы меня утешаете! Я ж не жалуюсь!

Когда Афанасьев и Криница вернулись в лагерь, солнце уже пошло к горизонту, жара заметно спала, близились короткие кара-кумские сумерки.

Афанасьев забрался в палатку и принялся переписывать последние данные о залегании пород, а Криница прошелся по лагерю, спросил у шофера, как с бензином на завтра, заглянул на кухню и поторопил с ужином.

Потом Криница взглянул на часы и направился в палатку радиста. И сразу же Афанасьев услышал возмущенный бас Василия Михайловича.

Геолог выбежал из палатки и ворвался на радиостанцию.

Там происходило следующее: на столе белела алюминиевыми столбиками конденсаторов разобранная чуть не до последнего винтика рация; перепуганный насмерть Слезкин часто-часто мигал ресницами, а Криница потрясал над его головой грозно сжатыми кулаками:

— Да ты понимаешь, что ты наделал, или нет?!

Слезкин чуть слышно отвечал:

— Сейчас соберу, честное слово...

— К семи не будет готова, — отдам под суд!

Криница круто повернулся и вышел из палатки.

Афанасьев догнал старшего мастера:

— Чего ты испугался? Его специально этому учили.

— А я вам говорю, рация погибла. Только инженеры имеют право ее разбирать.

До половины седьмого Криница работал на буровой. Он сам помогал обсаживать трубы, придрался к сменному мастеру из-за какого-то пустяка, и все поняли, что Михалыч не в духе.

Без пяти семь Криница официально заявил Афанасьеву:

— Прошу присутствовать. Перед начальником экспедиции удостоверите, что в сорванной передаче я не виноват.

Но, конечно, все опасения Криницы оказались напрасными.

За столом перед собранной рацией сидел Петя Слезкин. Рация весело поблескивала ручками настроек, отсвечивала стеклышками приборов. Лицо у Слезкина было сосредоточенным и серьезным.

— Никакого фона. Можете проверить сами, Василий Михайлович.

Криница недоверчиво покосился на Слезкина, надел наушники и отчетливо услышал знакомые позывные штаба экспедиции.

Афанасьев спросил:

— Ну как?

Молча, не поднимая головы, Криница снял наушники и направился к выходу.

Слезкин встревоженно спросил:

— Василий Михайлович, а как же сводка?

— Сводка у Афанасьева, а я на буровую...

Пристроившись поудобнее на трехногом самодельном стуле, напряженно закусив нижнюю губу, Петя выстукал свою первую радиограмму в Кара-Кумах и сразу почувствовал себя очень полезным человеком на трассе будущего канала.

Перед отъездом Афанасьев сказал Слезкину:

— На Криницу не обижайтесь. Есть у него причуды, но человек он хороший, правильный человек. Он двадцать лет в Арктике работал. Я думаю, вы подружитесь.

* * *

Все попытки Слезкина подружиться с Криницей не увенчались успехом.

Утром на вежливое петино «здравствуйте» Василий Михайлович молча кивал головой, а к семи часам вечера, ни слова не говоря, приносил сводку.

В начале декабря в Кара-Кумы пришла зима. По утрам на барханах лежал голубой иней и ослепительно блестел под солнцем, а после полудня таял. Песок темнел и набухал влагой.

Часто налетал морозный северный ветер. Взметенные ветром твердые песчинки хлестали по лицу, обжигали руки. Возле буровых вышек день и ночь горели костры, чтобы рабочим можно было погреть озябшие руки.

Изыскатели из брезентовых палаток переселились в просторные землянки с чугунными печками. В печках звонко постреливал саксаул, раскаляя до красноты массивные стенки.

В буровом отряде Криницы все шло по-старому. В углу самой большой землянки стояло переходящее знамя. Криница жаловался Афанасьеву на неполадки и не разговаривал со Слезкиным. Петя уже не делал никаких попыток к сближению и смирился с мыслью, что ему никогда не завоевать сердца старшего бурового мастера.

Тридцать первого декабря Афанасьев приехал из штаба экспедиции, выскочил из машины и весело подмигнул Кринице:

— Собирай людей! Есть объявление!

Тесновато стало в землянке, когда в нее набились изыскатели в тулупах и пропыленных, обгоревших у костров ватниках. На стене висело написанное от руки объявление: «Курите на воздухе»,— но все нещадно дымили.

Афанасьев снял ушанку и, опершись руками о стол, сказал:

— Начальник экспедиции отдал приказ: всем прибыть в штаб на встречу Нового года. Будет доклад, выступления артистов и, конечно, буфет.

В землянке раздались радостные возгласы, кое-кто начал двигаться к выходу.

Афанасьев поднял руку:

— Минуточку, товарищи! Одному человеку нужно остаться в буровом отряде на случай песчаной бури или другой неожиданности. Разумеется, на добровольных началах.

Сразу стало тихо. Отчетливо было слышно, как потрескивает в самокрутках махорка и ударяет в гребни барханов ветер.

Изыскатели украдкой поглядывали друг на друга, никто не хотел провести новогоднюю ночь в одиночестве.

— Я, пожалуй, останусь...

Криница шагнул вперед и твердо посмотрел в глаза Афанасьеву.

— Узнаю старую закалку! — сказал Афанасьев. — При надобности включай рацию. Надеюсь, еще не забыл?

Машина с людьми ушла. Порыв ветра отнес в сторону уютный гул мотора.

До вечера оставался примерно час, и Криница пошел на ближайшую буровую вышку. Шел он медленно, не торопясь, с удивлением замечая, что в пустыне стало слишком тихо. Он привык к тому, что здесь всегда ревут грузовики, пыхтят двигатели, кричат люди... Теперь он впервые остался один на один с

тысячекилометровым, пока еще мертвым пространством пустыни.

На буровом станке кое-где выступила смазка, осела пыль. Мастер взял паклю и аккуратно вытер станок.

Делать больше было нечего, и он, закурив, присел на пустой бидон из-под горючего.

Со всех сторон по горизонту тянулась волнистая линия барханов, чернели на барханах разлапистые кусты саксаула.

«В первый раз пустыню вижу», — подумал Криница и усмехнулся.

Раньше он, приходя со своим отрядом в тундру или тайгу, всегда ощущал, в какие необжитые края занесла его беспокойная профессия. Всегда тундра была тундрой, тайга — тайгой. Приходилось экономить горючее и продукты. Зато впоследствии, когда по образцам пород, добытых Криницей из глубин земли, инженеры определяли, что здесь можно сооружать электростанцию или рыть канал, старший буровой мастер любил говорить:

— А я эти места без единой живой души помню...

Совсем не то увидел Криница на изысканиях трассы Главного Туркменского канала. Вся пустыня оказалась исчерченной автомобильными колеями, с попутной машиной можно было попасть на любую точку, а буровые вышки стояли иногда так часто, что рабочие ходили в гости друг к другу.

«Мне бы в молодости столько техники, — подумал старший мастер, — горы бы двигал!..»

Начало темнеть.

«Наши уже подъезжают к штабу, — решил Криница и с теплым участием подумал о людях, ради которых он остался.— Пусть веселятся. Заслужили...»

Даже Петя Слезкин показался теперь очень приятным человеком.

«И правда, ни за что обижаю парня. Самолюбие на старости лет обострилось».

Еще в начале тридцатых годов, когда с отрядом советских изыскателей Криница пришел на дальнюю чукотскую землю, радист Елагин обучил его работать на ключе.

Ему не легко далась азбука Морзе. Круглая головка телеграфного ключа беспрерывно выскальзывала из негнущихся, окоченевших пальцев, терялся ритм, и вспотевший Криница категорически заявлял Елагину:

— Хватит! Все равно не одолею!

Потом Елагин простудился, к простуде прибавилась цынга. Когда ему стало совсем плохо, Криница сам связался со штабом экспедиции. Что ответили на его три тревожные буквы «SOS», он не понял. Да это и не имело значения. Главное, что свои услышали...

Через месяц он получил от Елагина письмо. Оно кончалось словами: «Вот видишь, как хорошо, что ты «одолел». Тренируйся, отрабатывай четкость. Но предупреждаю: в нутро рации не забирайся. Эта работа не для твоих пальчиков. Обязанный жизнью — Елагин».

Шли годы. Криница научился обращаться с новыми системами раций, но неприкосновенной тайной оставалось для него слово «ремонт». И вдруг какой-то мальчишка за полтора часа все разобрал, распотрошил и даже исправил...

Долго сидел возле бурового станка старый мастер. Думал, вспоминал и слушал тишину пустыни...

Пора было встречать Новый год.

Лагерь выглядел молчаливым и покинутым. Только брезентовые двери одной из палаток отвязались и гулко хлопали. Поворчав на поднимающийся ветер, Криница по-хозяйски привязал дверь и пошел к палатке радиста.

Хотелось услышать, как будут бить Кремлевские куранты.

Криница распахнул дверь и попятился: за радиостанцией в наушниках сидел Петя Слезкин. Он вскочил, торопливо стянул наушники, от него на затылке поднялся петушиный хохолок давно не стриженных волос.

— Ты здесь? — глухо спросил мастер.

— Ага! Я тоже решил остаться. Встретить в пустыне Новый год — это очень интересно!

Петя умолк, с тревогой ожидая ругани, но Криница присел и тихо сказал:

— Слушай, Слезкин, сейчас собирайся и уходи...

Отшатнувшись, Петя, заикаясь, переспросил:

— Уходить? Как уходить?

— Ногами. К утру дойдешь, а веселье еще будет в самом разгаре.

— Да я даже дороги не знаю. Я только на машине ездил...

Криница встал и похлопал Петю по плечу:

— Дорогу я тебе объясню. Все время по колее, возле развалин старой крепости повернешь налево, а там...

Но тут радист оборвал Криницу:

— Никуда я не пойду!

— Напрасно упрямишься. Ничего страшного нет. Я в твои годы по сотне километров пешком отмахивал.

— Я не пойду, Василий Михайлович!

— А я тебе говорю: уходи! Приказываю! Понятно?!

У Пети голос срывался до самых высоких нот:

— Не пойду!..

Разъяренный Криница метался по палатке:

— А я тебя выгоню! Палкой выгоню! Нашелся герой!

— Не выгоните! Не имеете права! — Петя собрал все свое мужество и одним духом выпалил: — Вы просто жадный человек, вы решили, что пустыня только для вас одного существует!

Криница растерянно остановился:

— Как ты сказал? Для меня одного пустыня существует?

И Криница громко захохотал, закинув назад голову, вытирая ладонью набегавшие слезы.

Перепуганный Петя тормошил Криницу:

— Что с вами? Воды дать?

— Водку наливай, а не воду! Новый год начинается!

Из наушников еле слышно раздались первые удары курантов.

Человек при деле

Змея грелась на солнце. Свернувшись кольцами, она лежала на могильной плите из гладко отполированного гранита. Утро только начиналось.

Закрыв желтоватые крохотные глазки, она чувствовала себя в полной безопасности. Вокруг молчал город.

Он молчал уже семьсот лет, покинутый и забытый людьми, задавленный зыбучими барханами. Орды Чингиз-хана разрушили систему орошения, истребили жителей, и с тех пор песок стал здесь полновластным хозяином. Семь веков не входили в город караваны верблюдов, не собирались здесь шумные базары...

Солнце поднималось все выше, вечно холодная кожа змеи с жадностью впитывала густое тепло.

Беда пришла так неожиданно, что змея даже не успела расправить кольца: палка с железным наконечником прижала ее к надгробной плите, и через мгновение цепкая рука человека сдавила ей шею чуть пониже плоской треугольной головы.

— Великолепный экземпляр эфы! — Женя Зайцев потряс в воздухе своим извивающимся трофеем и обрадованно объяснил: — Укус смертелен!

Геолог Мэрэт лукаво прищурился:

— Совсем не понимаю. Ты специалист по анализам воды, зачем змей ловишь, жизнью рискуешь?

Женя покраснел и, запихивая змею в брезентовый мешок, ответил:

— Интересуюсь...

Полную ясность внес Егор Макарыч:

— Интерес зовется Ниной Ветровой, главным зоологом экспедиции.

Мы рассмеялись. Смех прозвучал необыкновенно глухо, казалось, он наткнулся на древние стены и затих.

Почему-то все почувствовали себя неловко, и Женя задумчиво произнес:

— Пожалуй, здесь давненько никто не смеялся...

— Поедем дальше,— начальник отряда старший геолог Рудаков распахнул дверцу трехтонного грузовика-вездехода и жестом попросил нас в кузов.

Егор Макарыч взялся за баранку, машина заскрежетала коробкой скоростей и медленно тронулась. По обе стороны из-под гребней барханов торчали островерхие остатки стен, выгоревшие на солнце до ослепительной белизны.

Песок плотно набил пустующие коробки домов. Золотистыми куполами он поднимался на месте давным-давно обвалившихся крыш, сыпучим потоком вытекал из уцелевших квадратных окошек.

Висело над Мертвым городом дрожащее марево, и стремительно ввинчивались в яркосинее небо сероватые ленты песчаных смерчей.

Машина затормозила у развалин караван-сарая. Внутри караван-сарая от стены до стены протянулось несколько рядов барханов.

— И сюда проклятый забрался! — Егор Макарыч ткнул носком сапога в крутой склон — поток песчинок со злобным шипением пополз книзу.

Невольно подумалось, что, может быть, на месте этого бархана разгружали когда-то купцы свои товары. Потягивая ядовитый дымок кальяна, предлагали бухарцы яркие с ласковыми ворсинками ковры, у причудливых кувшинов с длинными горлышками сидели торговцы из далекого Багдада, а в стороне отдыхали верблюды после многодневного перехода через пустыню...

Из норы выскочил суслик, поднялся на задние лапки, смешно пошевелил усиками и, удивленно присвистнув, юркнул обратно.

— Вот они, здешние жители! Поехали дальше!

Егор Макарыч снова включил мотор, и мы направились к полуобвалившемуся куполу мечети.

В воздухе не было ни малейшего признака ветра. Поднятая задними колесами пыль накрывала нас плотным, удушливым облаком. Мы поругивались и сплевывали черную слюну. Спускаясь с высокого бархана, машина наконец на несколько минут обогнала пыль, и Женя Зайцев, схватив меня за плечо, истошным голосом завопил:

— Человек!

Навстречу нам неторопливо двигалась человеческая фигура.

Человек в Мертвом городе! В городе, где нет ни капли воды, а ближайший колодец за триста километров!

Вконец растерявшись от такого необыкновенного явления, Егор Макарыч дал задний ход, машина попятилась, и мотор заглох.

Человек подошел к нам. Он оказался стариком в стеганом халате. На голове его белела аккуратными складками чалма.

Он степенно протянул каждому из нас руку и так же степенно произнес слово привета:

— Салам!

Все еще не опомнившись, мы молча смотрели на его смуглое лицо с глубокими морщинами и седую бороду, острым клином спадавшую на грудь.

Мэрэт почтительно спросил о чем-то старика по-туркменски. Тот начал отвечать, и я увидел, как Мэрэт изумленно замигал ресницами.

Нетерпеливый Зайцев затормошил геолога:

— Переводи быстрей!

Но Мэрэт обвел всех нас отсутствующим взглядом и пролепетал испуганно:

— Нет, вы только послушайте, что он говорит!

И тут же, забыв о нашем существовании, Мэрэт опять начал объясняться со стариком, что-то яростно ему доказывая, явно нарушая восточный обычай вежливой беседы младшего со старшим.

Старик оставался невозмутимым и отвечал ровным, тихим голосом.

У Зайцева окончательно лопнуло терпение:

— Да что здесь происходит?!

Мэрэт сказал несколько фраз старику и, повернувшись к Жене, выпалил:

— Пустынник!

У нас вопросительно вытянулись лица, а Мэрэт, захлебываясь, торопливо заговорил:

— Совсем не понимаю! Я сам туркмен, отец — туркмен, прадед — туркмен, но такого туркмена первый раз вижу! Он мне сказал, что в этом городе уже сорок лет живет. И знаете почему? Уверяет, что в мечети похоронен какой-то троюродный племянник Магомета. Вот он сорок лет и сторожит его гробницу.

Мэрэт на секунду умолк и жалобно спросил:

— А может, это просто жара? Может, никакого пустынника и нету? Вы мне прямо скажите!

Но пустынник был. Он стоял, склонив чуть набок голову, терпеливо ждал, когда Мэрэт кончит с нами разговаривать.

Егор Макарыч деловито поинтересовался:

— Где же он берет воду? Что ест?

— В трех километрах от города караванная тропа.

— Завозят, значит. Не забывают человека. Это хорошо.

— Чего тут хорошего? — Мэрэт неожиданно набросился на Егора Макарыча: — Мы канал строим, пустыне смерть делаем, а он работу нашел — могилу охраняет. Совсем непонимающая личность.

Шофер усмехнулся:

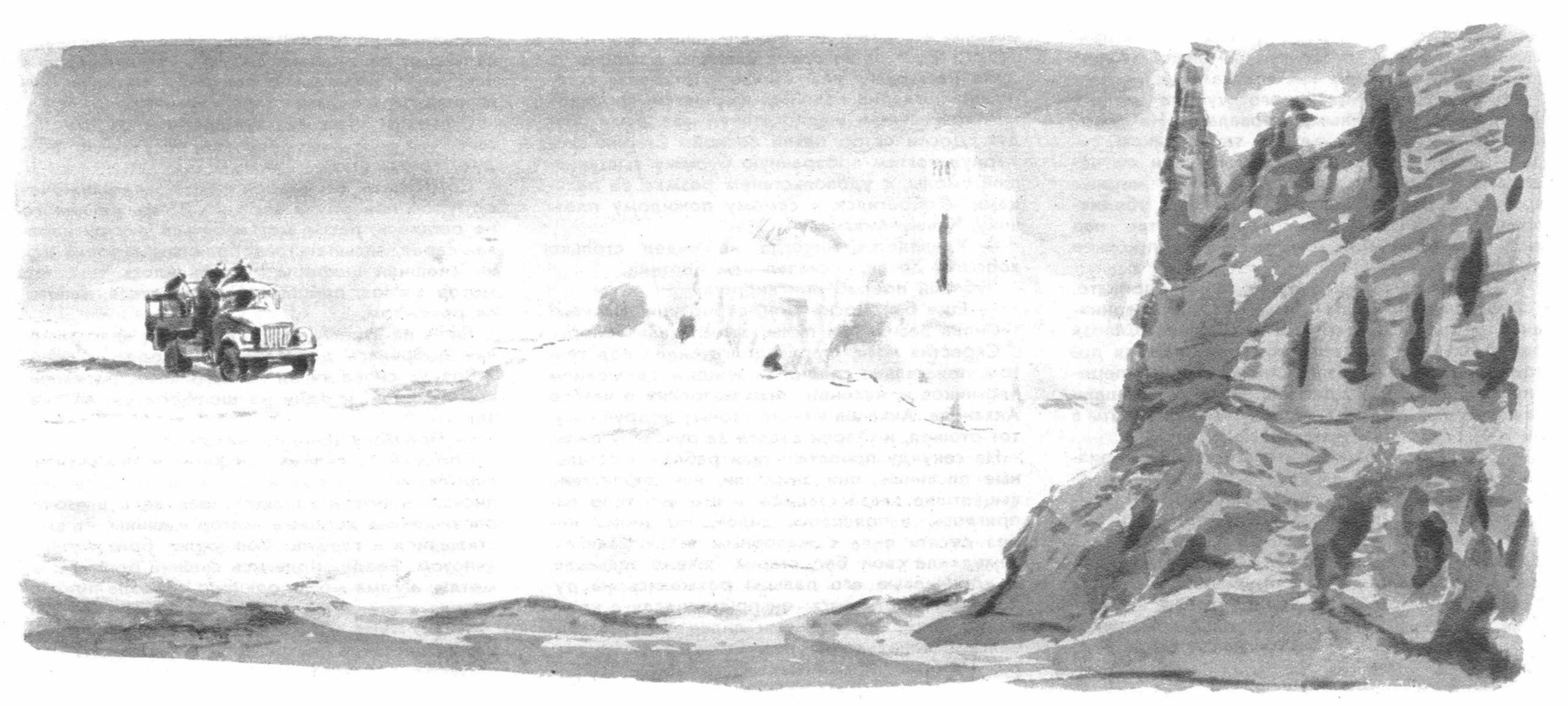
— Брось кипятиться, Мэрэт. Ему, поди, на девятый десяток перевалило. Как его величать?

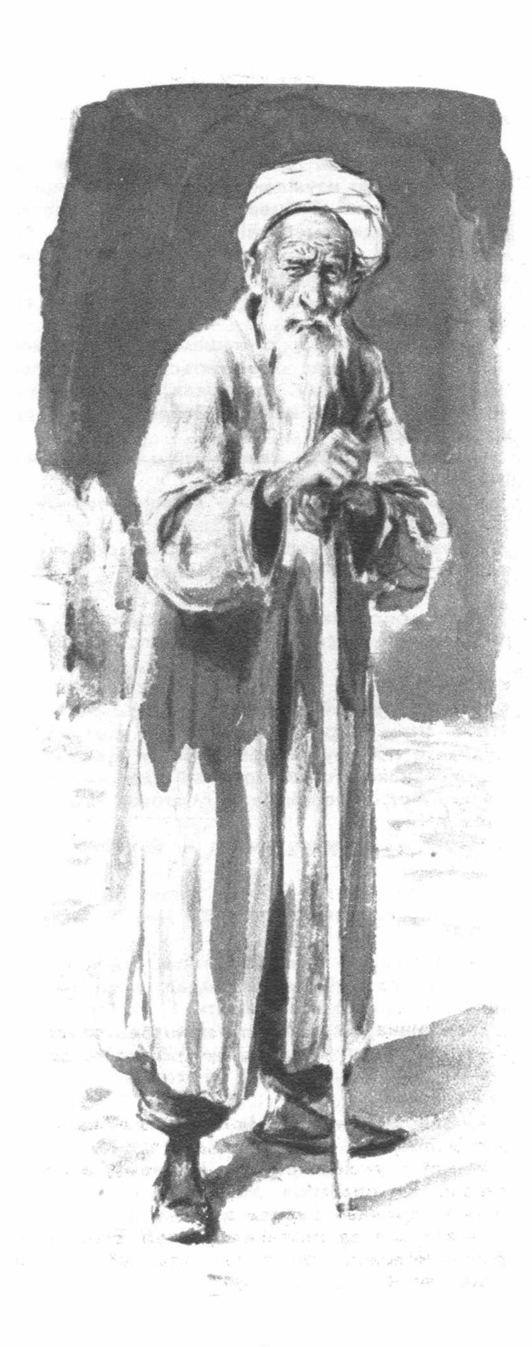
— Ата... Отец по-туркменски.

При слове «ата» старик показал рукой в сторону мечети и снова обратился к Мэрэту.

— Зовет нас в гости...

Оставив машину, мы направились к мечети. Впереди шел пустынник. Вернее, не шел, а как бы скользил. Его остроносые туфли из сыромятной кожи почти не оставляли на

песке следов. Можно было подумать, что сухонькое тело, столько лет обжигаемое каракумским солнцем, уже не имеет никакого веса.

За пустынником, черпая голенищами песок, грузно переваливался Егор Макарыч. Мэрэт старался не отстать от шофера и беспрерывно бормотал себе под нос:

— Ничего не понимаю, ничего не понимаю...

Замыкал шествие Петр Степанович Рудаков. Начальник нашего отряда до сих пор не принимал участия в разговоре. Только трубка его дымила сильнее, чем всегда.

Крутые бока яйцевидного купола мечети зияли многочисленными провалами. На самой верхушке, поросшей мелким терновником, сидел беркут. При нашем приближении он нехотя взлетел, расправил зубчатые черные крылья, сделал один круг и, словно убедившись в полном своем превосходстве над людьми, спокойно опустился на прежнее место.

В мечети было прохладно и даже сыровато. Верхняя кромка стен, там, где они соединялись с куполом, пестрела мозаикой. Сквозь проломы в куполе врывались дымящиеся потоки солнечного света, мозаика играла, переливалась яркими цветами. Краски дышали такой свежестью, что трудно было поверить в их многовековое существование.

— Человек работал! — торжественно произнес Егор Макарыч.

Посредине мечети лежал плоский, продолговатый камень зеленоватого цвета. Это и была гробница, которую охранял старик.

Потом пустынник показал нам свое жилище. К задней стене мечети прилепилась крохотная мазанка. На полу ее, покрытом выцветшим ковром, стояла нехитрая утварь: узкогорлые кувшины, несколько пиал, у входа чернел очаг.

Осмотрев хозяйство старика, Егор Макарыч посочувствовал:

— Небогато живешь, папаша.

Старик, улыбнувшись, кивнул головой и поставил перед нами полную миску риса с кусками жирной баранины. Шофер удивленно протянул: «Ого», — а Мэрэт язвительно объяснил:

— Еще бы! Караваны все-таки ходят, колхозные, райпотребсоюза...

Мы подогнали к мечети машину, позавтракали и, поблагодарив старика, ушли бродить по Мертвому городу. Но надо признаться, что нас больше не интересовали остатки архитектуры и черепки древних сосудов. Весь день мы говорили только о пустыннике.

Мэрэт горячо доказывал, что пустынник в наше время — глубоко паразитический элемент и что он позорит пустыню, в которой начинается строительство небывалого в мире канала.

— Ты только подумай! — кричал он на Егора Макарыча. — Шагающий экскаватор — и пустынник. Это же бред!

Шофер посмеивался и разглаживал ладонью свои запорожские усы:

— Подходящий дед! Перевоспитывать его поздно. Сколько там ему жить осталось?! Считанное время...

Когда спор достиг наивысшего напряжения, мы обратились к Рудакову с просьбой высказать свою точку зрения.

Петр Степанович, свертывая рулетку, пожал плечами:

— В этом вопросе не компетентен. А вот в том, что караван-сарай можно оборудовать под полевой гараж, вполне убежден...

* * *

Покрытый пушистым налетом сероватой пыли, медленно вполз в Мертвый город гусеничный трактор-тягач. Он притащил два прицепа, груженных строевым лесом. За прицепом двигалась машина Егора Макарыча с бочками питьевой воды.

Возле стен караван-сарая выросли штабели бревен и досок.

Разбрызгивая фонтанчики золотистых опилок, пронзительно завизжали пилы; отсекая пружинящую щепу, въелись в дерево топоры.

В самый разгар работ плотники заметили человека, неподвижно стоящего на отдаленном бархане, опершись о посох. На пригласительный жест Егора Макарыча он не тронулся с места.

— Стесняется. Мешать не хочет, — объяснил молодой прораб с косым чубом, слипшимся и потемневшим от пота. — Ну, да и нам не досуг. Нажимай, ребята!

Только во время обеденного перерыва, когда под наскоро растянутым тентом забряцали алюминиевые тарелки, старик подошел к плотникам. Ему предложили густых щей из квашеной капусты, он съел несколько ложек и сердечно поблагодарил. Плотники-туркмены попытались завязать с ним беседу, но старик отвечал неохотно: все его внимание было приковано к штабелю досок свежего распила.

Он несколько раз обошел штабель, осторожно погладил ладонью шершавые ворсинки на плоскостях и жадно втянул ноздрями воздух. Доски остро пахли сосной. Старик сковырнул ногтем прозрачную бусинку выступившей смолы, с удовольствием размял ее пальцами и обратился к самому пожилому плотнику, Клычу Акханову.

— Удивляется, никогда не видел столько хороших досок, — сказал нам плотник.

Чубатый прораб присвистнул:

— Еще бы! Доски мои, сибирские! Начнем?

Снова завизжали пилы, замелькали топоры.

Скрестив ноги, старик долго сидел под тентом, пристально следил за каждым движением плотников и, наконец, тихо попросил о чем-то Акханова. Акханов кивнул своему подручному, тот отошел, и старик взялся за рукоятку пилы.

На секунду приостановили работу и остальные плотники, они заметили, как заблестели выцветшие глаза старика, а все его тело напряглось, наполнилось силой. Но минут через десять пила с жалобным всхлипыванием замедлила свой бег, старик тяжело задышал, и коричневые его пальцы разжались на рукоятке. Пошатываясь, он приподнялся с колена, по лицу его ручьями лился пот, смешиваясь с капельками слез. Втянув голову, старик побрел к мечети. Остроносые туфли оставляли теперь на песке глубокие следы...

В наступившей тишине тоскливо вздохнул Егор Макарыч:

— Эх, не дали в молодости человеку свое отработать! Вот и болит у него душа...

Вечером пустынник не появлялся у караван-сарая.

Мы разожгли костер, и впервые вместо саксаула горела в костре настоящая сосновая щепа.

Прораб запел сипловатым тенорком про Ермака. Над Мертвым городом стояла огромная медная луна. От лунного света стены караван-сарая окрасились в голубой цвет. Голубыми стали развалины домов, барханы и купол мечети.

Там, в тесной мазанке, не спал седобородый человек. О чем он думал в эту ночь?

Может, вспомнил, какими сильными и ловкими были его руки, как болели и лопались на ладонях мозоли и как никогда не покидало его чувство голода?

Может, всплыло в памяти обрюзгшее лицо муллы, который сорок лет назад предложил ему, безземельному батраку, поселиться у гробницы и жить на подаяния караванщиков?

Может, со щемящей тоской припомнилось, как люди в островерхих шлемах с красными звездами приглашали его когда-то переехать в кишлак, а он отказался: был уже стар, растерял всех своих родных и близких, привык к глухому одиночеству?..

А может, просто слушал, как плывет над Мертвым городом неторопливая человеческая песня?..

* * *

Два человека ошиблись в своих расчетах: безымянный зодчий караван-сарая и геолог Петр Степанович Рудаков. В дни, когда к гаражу со всех буровых точек собирались грузовики, в древних стенах становилось тесновато.

В гараже занимались текущим ремонтом автомашин, развозящих по трассе буровые трубы. Синеватым пламенем шипели паяльные лампы, гулко стучали молотки, по-городскому пахло бензином и горячим железом.

Каждый день пустынник приходил к гаражу, садился под тентом и молча сидел до вечера.

Шоферы прозвали его «наш дед», угощали обедом, поили свежей водой.

Не доезжая до караван-сарая, шоферы высовывались из кабин и махали ему рукой:

— Наш дед на месте, полный порядок!

Два раза в месяц гараж затихал. Это случалось в знаменитые «вторые субботы», когда ремонтные рабочие и шоферы уезжали в штаб экспедиции за получкой. Уезжали на «пассажирке», обыкновенном грузовике-вездеходе, но только с приделанными вдоль бортов скамейками. Впрочем, из-за крутых подъемов и тряски на скамейки все равно никто не садился.

Выходной день проходил весело. С утра толкались на колхозном базаре, щелкали пальцами по звонким арбузам, заглядывали в чайную и обязательно покупали билеты в кино, как бы ни была стара картина.

Однажды «пассажирку» застиг в дороге афганец — сухой, горячий ветер, несущий по воздуху тонны песка.

Сотрясаясь от ударов ветра, «пассажирка» с трудом повернула обратно. В гараже никого не осталось, песок мог набиться внутрь караван-сарая, засыпать разобранные моторы. Как ни спешили шоферы, но кончилось тем, что мотор заглох, пришлось остановиться, заняться ремонтом.

Лишь на вторые сутки, к вечеру, «пассажирка» добралась до Мертвого города.

Воздух снова висел неподвижной, раскаленной пеленой, и один из шоферов уныло сказал:

— Придется лопатой махать...

Подъехав к гаражу, шоферы и ремонтники спрыгнули с кузова и растерянно остановились: к воротам караван-сарая вела широкая расчищенная дорожка, мотор машины, не вместившейся в гараже, был укрыт брезентовым капотом. Везде виднелись свежие борозды от метлы, а сама метла одиноко чернела прислоненная к стене.

— Вот тебе и дед! — воскликнул Егор Макарыч. — Пойду за всех спасибо скажу.

Пустынник лежал на своем коврике, укрыв-

шись халатом. Когда Егор Макарыч шагнул в мазанку, он с трудом приподнялся на локте.

Егор Макарыч осторожно пожал маленькую сухую руку:

— Спасибо, дед! Ты молодец, честное слово!

Старик быстро-быстро заговорил, объясняя жестами, как он действовал метлой.

— Конечно, трудно,— понимающе кивал шофер.— Песок здесь, как вода, сколько ни размахивай метлой, гуще не станет.

Потом старик приложил к сердцу руку, и Егор Макарыч посочувствовал:

— Умаялся. Тебе бы сейчас граммов сто пятьдесят для бодрости, да годы не те. Лежи, отдыхай...

Расстались они крайне довольные друг другом, и после этого события пустынник каждое утро деловито брался за метлу.

Несмотря на возраст, у него оказались удивительно зоркие глаза. Он сразу же замечал тоненькие струйки песка, сползавшие на дорогу к воротам гаража, ретиво набрасывался метлой на холмики металлических стружек и опилок.

Шоферы спокойно уезжали во «вторые субботы», никто не волновался даже при самом сильном ветре.

На халате пустынника залоснились бурые пятна автола, часто пятна переходили на лицо, и все заметили, что он не очень охотно стирает эти приметы рабочего человека.

* * *

Как-то утром я приехал в Мертвый город и заметил, что все шоферы и рабочие беспрерывно посматривали то на часы, то на солнце, выбегали на колею, ведущую в штаб экспедиции, и многозначительно переглядывались.

Егор Макарыч покусывал кончик уса, Мэрэт мелькал в разных углах гаража, а Женя Зайцев, отправившийся было на окраину Мертвого города за змеями, вернулся с пустыми руками.

— Гады шоферского духа не выносят,— заявил Егор Макарыч и возмущенно добавил:— Что же он не едет? Волнуются люди!

Кассир нашей экспедиции приехал после полудня.

Был он самым обыкновенным кассиром: прижимистым, ворчливым и совсем не питавшим никакой симпатии к поездкам по пустыне. Он и теперь был не в духе, все время держался за голову, повязанную мокрым носовым платком. Сойдя с машины, кассир официальным голосом спросил:

— Где я могу видеть нашего сторожа?

Пустынника вел под руку Егор Макарыч.

Кассир раскрыл портфель, вынул какие-то бумаги и протянул старику:

— По распоряжению начальника экспедиции вы зачислены штатным сторожем полевого гаража. Вам причитается очередная зарплата. Вот деньги. Пожалуйста, пересчитайте.

Пустынник растерянно посмотрел по сторонам. Ему ободряюще закивали, кто-то весело выкрикнул:

— Смелей, дед! Смелей!

Старик хотел что-то сказать, но лишь вздохнул и закрыл рукавом халата лицо.

Мэрэт и Женя бросились к нему, а кассир сказал невпопад:

— Очередная зарплата...

— Первая зарплата! — крикнул Егор Макарыч.— Человек при деле жить начал. Понимать надо!

Чинар

Гафар МИРЗОЕВ

Листвой увенчан горделивой,
Красив, могуществен и стар,
На берегу реки бурливой
Стоит, как памятник, чинар.

Кто посадил его, желая
Оставить память о себе!
Таджик-бобыль, чья доля злая
Была сродни его судьбе!

Хранитель тайн, в уединеньи
Чинар молчал. И шли года,
Как ветер, дующий всегда
В одном и том же направленьи.

От бурь, как любящий отец,
Ветвями юность укрывал он,
И двух тоскующих сердец
Нередко тайну узнавал он.

Быть может, раненый орел
В его листве искал спасенья
Иль странник под зеленой сенью
На краткий миг покой обрел.

Иль бедняки, в беде великой,
Лишившись крова и земли,
Преследуемые владыкой,
В его тени приют нашли.

Свидетель горя, не однажды
Он видел: скудною водой
Поил его таджик седой,
Который сам сгорал от жажды.

Молчал хранитель тайн. Года
Над ним прошли в уединеньи,
Как ветер, дующий всегда
В одном и том же направленьи.

Зачем его таджик-бобыль
В безводной посадил пустыне,
Где были только зной и пыль!
Быть может, он ответит ныне!

Не для того ли, чтоб тревожил
Пустыню одинокий цвет!
Не для того ли, чтоб он дожил
До новых, до желанных лет!

Они явились, как река,
Что создана рукой России,
И окружили старика,
Деревья наши молодые.

Чинар как бы родился вновь,
Собратьев юных осеняя.
Вокруг него и жизнь иная,
И речь, и новая любовь.

Долину видит он воочью,
Что с каждым днем цветет
пышней,
И, может быть, сегодня ночью
Услышит тайну двух друзей.

Услышит он в краю цветущем
Дыханье сада, плеск волны
И передаст годам грядущим
Он тайну счастья и весны.

Перевел с таджикского
С. ЛИПКИН

Мысли о главном в живописи

В. ЯКОВЛЕВ,
народный художник РСФСР

К чему должен стремиться художник? Каковы цели искусства, цели неустанных творческих поисков? Этот вопрос не может не встать перед каждым живописцем, но решается он по-разному. Художники буржуазной школы полагают своим назначением копаться в собственных переживаниях, в собственных настроениях. Естественно, для советского мастера только субъективные его ощущения никак не могут стать целью творчества.

Сама жизнь вторгается сегодня во все области искусства. Мы живем в эпоху великих сталинских преобразований, и наша живопись призвана народом-преобразователем верно и широко выражать эту эпоху и прежде всего создавать типические, яркие образы наших современников. Создавая типические образы, мы сможем показать советского человека во всей красоте его созидательного бытия, раскрыть самый дух нашей истории. Именно это подсказывает нам исторический доклад товарища Маленкова на XIX партийном съезде.

Между тем, если окинуть взором художественные выставки последних лет, то много ли насчитаем мы произведений, запечатлевших типические образы наших современников, образы, вызывающие мысль о подражании? Во многих картинах, правда, действуют стахановцы, колхозники, ученые, писатели. Картины эти в большинстве своем пишутся с натуры, немало полотен могут порадовать профессиональным умением. И все же по этим картинам далеко не всегда можно составить представление о жизни советского человека, о его дерзаниях и мечтах.

Я позволю себе сказать, что очень многие наши художники еще не умеют создавать типические образы. Типический образ — редкость в картине нашего художника. Типичность чаще всего подменяется актуальностью сюжета, машинами на заднем плане, или панорамами колхозных полей, или — тоже распространенный прием — линией высоковольтных передач.

В этом отношении мы, живописцы, очень отстаем от нашей литературы, давшей «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Далеко от Москвы» В. Ажаева или «Журбиных» В. Кочетова. У Полевого рассказывается о случае экстраординарном, вовсе не распространенном, но в истории с Мересьевым раскрываются типические черты советского человека. У Кочетова в основе романа лежит повседневная, будничная жизнь советских людей, но и в ней тоже раскрываются типические черты нашего человека, героя нашего времени. Книги — и хороше — получились!

Успех картины А. Лактионова «Письмо с фронта» прежде всего объясняется типичностью избранной художником ситуации. Но и Лактионову не удалось создать достаточно глубокие образы избранных им людей. Когда мы вспоминаем его картину, то, как правило, представляем себе общую ситуацию, а не отдельных действующих лиц. Но Лактионов глубоко прочувствовал тему, сроднился с нею, и поэтому получилось значительное произведение.

Почему картина одаренного мастера С. Григорьева, рассказывающая о молодых людях, едущих на строительство Каховской гидроэлектростанции, слабее прежних произведений этого художника? Потому что Григорьев пытался общей романтической приподнятостью, бравурностью подменить глубокий смысл события. Герои Григорьева радуются тому, что едут на стройку, это даже не радость, а юношеская восторженность, но за этой восторженностью не чувствуется сознания ответственности перед страной, перед народом. Так можно ехать на интересную экскурсию, но не на трудовой подвиг. Отличный живописец, хорош замысел, а картина не получилась.

Картину «Заседание Президиума Академии наук СССР» А. Грицая, В. Ефанова, Л. Котлярова, К. Максимова, Б. Ставицкого, П. Судакова, Б. Щербакова сравнивали в печати с репинским «Государственным советом». Сравнение это необоснованное. Посмотришь репинский холст, и ясно все, комментариев не надо никаких: это победоносцевы, это витте всех мастей и рангов, — художник их пригвоздил к холсту навек!

Смотришь «Заседание Президиума Академии наук СССР» и видишь отлично написанные головы и фигуры, превосходный интерьер, узнаешь Зелинского, Несмеянова, многих других. Но не видишь, не ощущаешь в этой картине того, что должен видеть и ощущать: глубины мысли советских ученых, их служения Родине, великого значения их работ.

Это тем более обидно, что отдельные портреты, выставлявшиеся рядом с картиной, как раз и дают нам типические образы советских ученых, дают то, чего недостает в картине. Такие портреты академиков, как М. А. Павлова — работы А. Грицая, А. И. Абрикосова — В. Ефанова, А. М. Терпигорева — К. Максимова, А. Е. Арбузова — Б. Щербакова, делают честь советскому портретному искусству.

Основной порок наших живописцев коренится в недостаточном знании жизни и людей. Ни жизнь, ни люди не познаются на заседаниях и даже в двухнедельных командировках в колхоз или на стройку. Мы, к сожалению, чаще гастролеры. Ни Суриков, ни Репин, ни Крамской гастролерами не были.

Мы исполнены желания каждый год выпускать в свет картину, пусть даже в ущерб качеству. Мы зачастую довольствуемся штатными натурщиками и называем их после героями труда, знатными доярками или экскаваторщиками. Не надо этого!

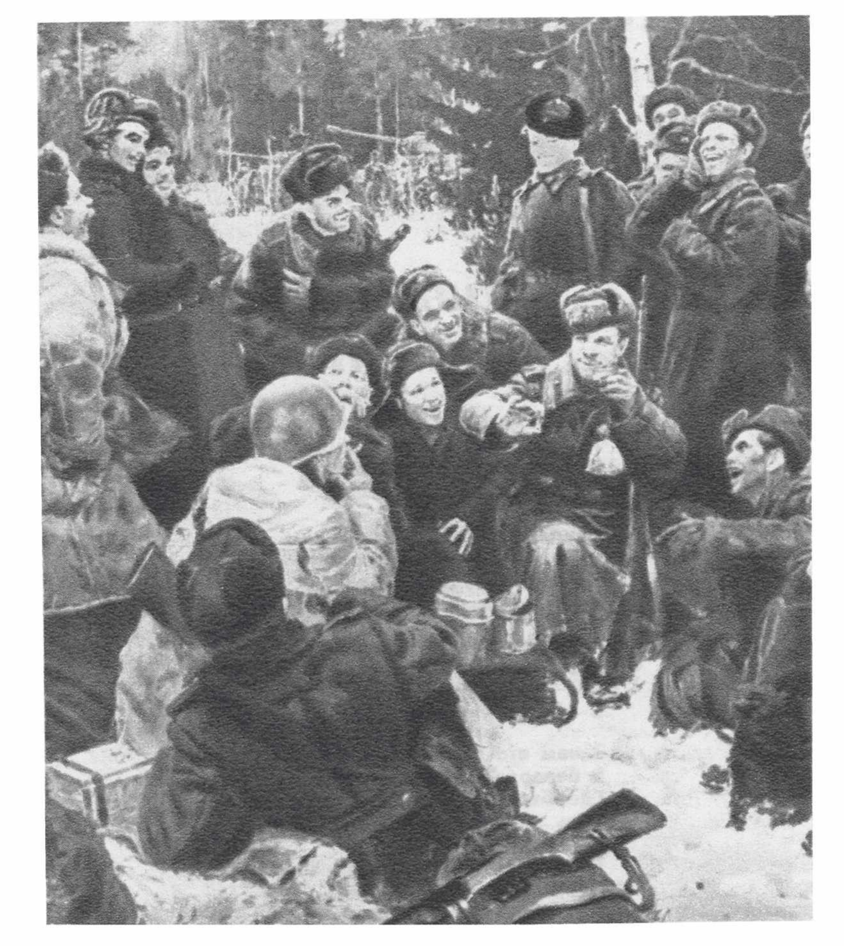
На прошлогодней выставке появился многолетний труд Юрия Непринцева «Отдых после боя (Василий Теркин)». Картина с первого дня пользовалась и до сих пор пользуется огромным успехом. Причина ее успеха в том, что на картине изображены наши люди, наши друзья и товарищи, мы их узнали, мы их любим. Это скромные советские труженики, которые и на войне и в тылу с равным успехом совершают большие патриотические дела и не кичатся этим.

Непринцев создал типический образ советского солдата, дал его в сюжете интересно, ярко. Это в лучших традициях русского искусства: герои картины именно такие, каких мы встречаем в жизни.

Мы можем назвать сегодня немало произведений, правдиво отображающих жизнь советского народа, создающих не просто правдивые, но и типические образы: «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола» Б. Иогансона с бригадой молодых художников, портреты сталеваров Г. Горелова, «На плоту» Я. Ромаса, жанровые полотна В. Серова, «Хлеб» Т. Яблонской, «Прием в комсомол» С. Григорьева, «Подруги» С. Рянгиной и многое другое.

Последнее время в нашей живописи начал утверждаться жанр. Это хорошо. Но в жанре мы зачастую идем от безобидности Константина Маковского, от приятности К. Лемоха. Наша живопись еще во многом бесконфликтна. Одно из редких пока исключений составляет известная картина С. Григорьева «Обсуждение двойки». Через конфликтно острое решение — обсуждение неуспевающего товарища на комсомольском собрании — художник сумел передать атмосферу новой, советской школы. Здесь неудовлетворительная отметка перестала быть личным делом учащегося — это предмет заботы всего коллектива.

В центре смело построенной картины сам провинившийся. Он понурился, ему неприятна головомойка, он, вероятно, очень хочет, чтобы поскорее окончилось собрание. Но художник сумел в то же время передать волнение юноши, смешанное со стыдом. Видно, что школьник понимает свою вину и полон желания загладить ее. В картине девять действующих лиц, и в каждом из них Григорьев показал свое, особенное отношение к событию. В этом смысле примечателен мальчонка-пионер, которого пригласили сюда, видимо, с назидательной целью. Он немного сочувствует провинившемуся: подумаешь, мол, двойка —

Ю. Непринцев. ОТДЫХ ПОСЛЕ БОЯ. 1951 год (фрагмент).

эка беда!.. Но в то же время и в нем рождается чувство гражданской ответственности советского школьника.

Произведения, подобные этой картине Григорьева, имеют принципиальное значение для нашего искусства, поскольку вредная теория бесконфликтности заметно просачивается в живопись.

В докладе Г. М. Маленкова упомянуты великие русские писатели Гоголь и Салтыков-Щедрин. Их творчество рассматривается как пример, достойный подражания. Это не случайно. Партия всегда неустанно подчеркивала необходимость учиться у классиков. Советские живописцы смогут создавать крупные художественные произведения, достойные нашего великого народа, только тогда, когда в полной мере овладеют замечательным художественным наследием классиков, станут действительными продолжателями Федотова, Брюллова, А. Иванова, Крамского, Репина, Сурикова, Левитана, Серова.

Советская живопись располагает сегодня прекрасным образцом сатирического искусства — картиной Кукрыниксов «Конец». Но эта сатира, как говорится, на «международную» тему. Позволительно спросить: почему коллектив блестящих сатириков Кукрыниксов не работает на наши, внутренние темы? Пусть придет в искусство сатира! Дело за нами, художниками. Пусть живописцы вместе с писателями приравняют к штыку не только перо, но и кисть! Пусть появятся сатирически-огненные произведения советских мастеров, продолжающие прекрасные традиции федотовского искусства, помогающие нашему народу идти вперед.

«Проблема типичности, — разъясняет товарищ Маленков, — есть всегда проблема политическая». Именно поэтому передовое искусство передвижников было тенденциозно, как говорил о нем Крамской. Оно было тенденциозно потому, что изображало типическое и не могло остаться равнодушным его свидетелем. И поэтому художники-передвижники творили во имя будущего.

Передовые русские художники страстно хотели искоренить общественное зло, хотели видеть Россию иной — свободной и счастливой. Могучим оружием в их талантливых руках была сатира. Не случайно рядом с Гоголем и Щедриным работали Федотов, Шмельков, Соломаткин — сатирики в большинстве своих произведений. А сколько сатирических работ у Перова, Прянишникова, Репина, Неврева, П. П. Соколова, Журавлева, В. Маковского! И, конечно, в этом списке нельзя не назвать блестящих русских иллюстраторов Агина и Боклевского.

Федотовские «Свежий кавалер», «Сватовство майора», «Завтрак аристократа», «Молодой человек с бутербродом», иллюстрации Агина, Боклевского, Соколова к «Мертвым душам», «Купец перед фотографом» или «По носкам» Шмелькова, «Славильщики-городовые» Соломаткина, «Жестокие романсы» Прянишникова, рисунок Репина «В ложе»—это уже не легкая шутка, не добродушная насмешка, а типическое изображение чиновничье-помещичьей, мещанской России. Именно так их определял и В. В. Стасов. В обзоре «Двадцать пять лет русского искусства» он характеризовал федотовские образы как «болячки старинной нашей России», подчеркивая их типичность. «Славильщики-городовые» Соломаткина, по словам того же Стасова, — «чудесный, свежий отпрыск федотовской школы», беспощадная сатира на царскую полицию. Вот они, блюстители самодержавного порядка, во всем их обличии!

С. Григорьев. ОБСУЖДЕНИЕ ДВОЙКИ. 1951 год

И, конечно, вспоминая лучшие произведения русской сатиры, нельзя обойти молчанием «Сельский крестный ход на пасхе» Перова, картину, за которую автору грозили Соловецким монастырем. Если Федотов создал классический образ чиновника, то Перову его «Крестным ходом» и «Чаепитием в Мытищах» удалось увековечить типический образ церковного служителя. Вместе с репинским «Протодьяконом» эти полотна бичуют церковь — один из столпов романовской России.

«Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее» (Г. М. Маленков). И мы видим, что русские художники-сатирики не боялись преувеличивать, заострять и не теряли при этом типичности, а глубже, полнее подчеркивали ее. Такие художники были в русском искусстве, нужны они и нам. Нет сомнения, что художественная сатира помогала бы выжигать из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее — все то, что тормозит движение вперед. Но где они сегодня, такие художники?

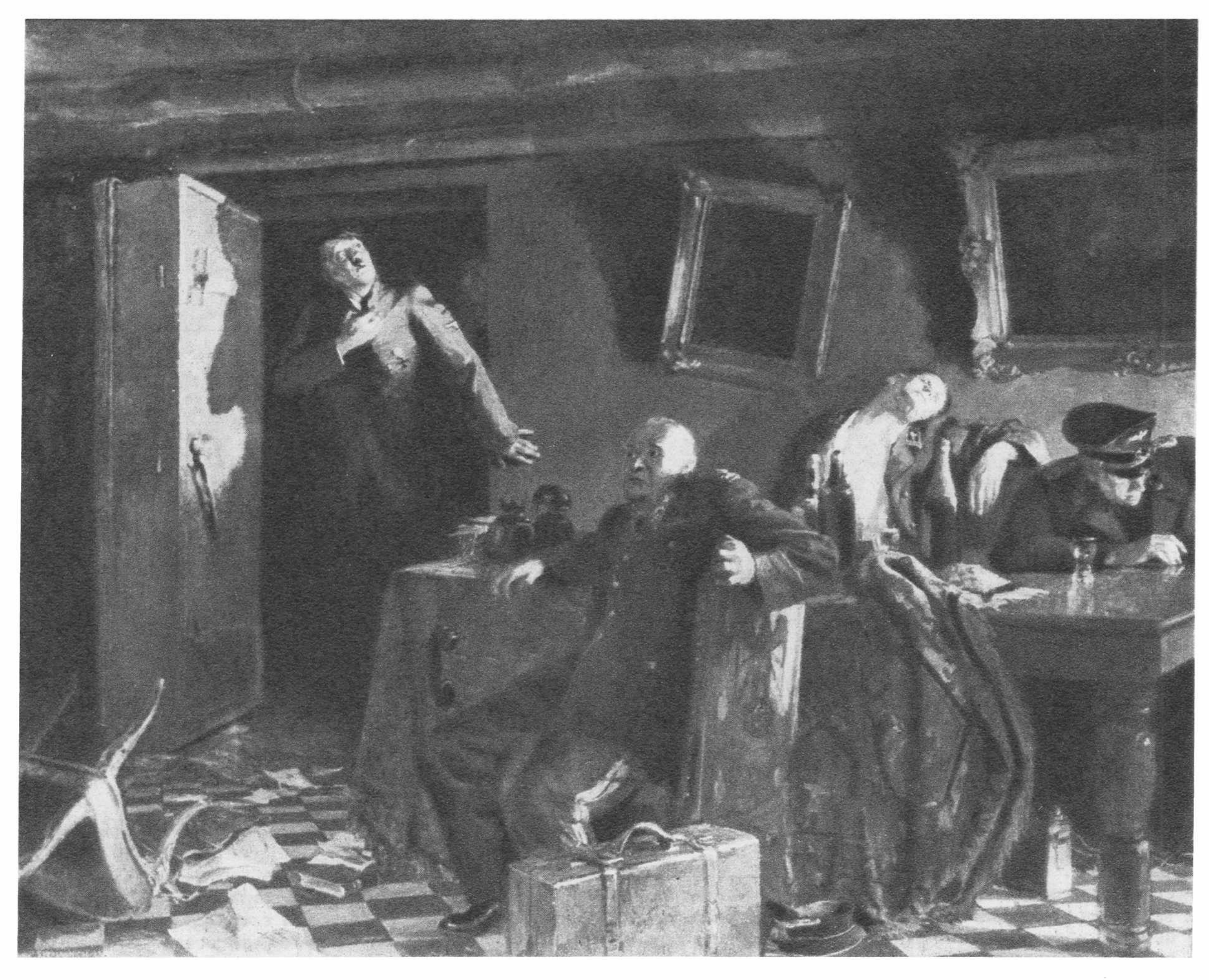
Определение типичности, данное в докладе Г. М. Маленкова — «Типичность соответствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто является наиболее распространённым, часто повторяющимся, обыденным»,— позволяет по-новому оценить все сделанное нами, советскими живописцами.

Снова и снова обдумывая великолепные мысли, высказанные Г. М. Маленковым о художественном творчестве, мы не можем не вспомнить, как работали наши великаны живописи, с тем, чтобы их опыт, их гениальный труд помогали выработке нашего опыта, помогали нашему труду.

У Василия Ивановича Сурикова есть известная всем и каждому картина «Переход Суворова через Альпы». По зову Суворова бесстрашные русские солдаты, переваливая горный хребет, спускаются в пропасть. Отчего избрал Василий Иванович такой сюжет? В военном деле не часто случается одолевать такие вершины, и, казалось бы, художнику, желающему изобразить Суворова в ратном деле, проще всего было бы писать «Штурм Измаила». В сражениях характер полководца, его дружба с солдатами раскрываются выгоднее всего.

Меж тем Суриков избрал совсем иное. С детства приметил Василий Иванович великую черту русского солдата — смелость, для которой нет на земле ничего недоступного. Эта тема нашла место во многих произведениях мастера. «Покорение Сибири Ермаком» — это подлинная симфония во славу храбрости русского человека. Первыми зрителями суриковской картины были солдаты, художник звал их в мастерскую. Картина была и для них и о них!

С. Рянгина. ПОДРУГИ. 1946 год.

Кукрыниксы. КОНЕЦ. 1947 год.

«Ермак» вызвал в русском обществе бурю восторга. Это был триумф. Не удовлетворен был один человек — сам Суриков. Наверное, лучше других понимал он достоинства картины, и вместе с тем его мучило другое: атмосфера боя, хорошо переданная напряженность исторического момента, слитность воинов-дружинников в едином порыве не позволили ему приковать внимание зрителя к героическому поведению отдельных воинов. Главным для художника был показ массового героизма. И Суриков решает написать полотно, в котором храбрость рядового русского солдата раскрывалась бы более отчетливо, и именно храбрость его стала бы основной темой. Отсюда пришло решение изобразить суворовских чудо-богатырей в Альпах, и изобразить их вместе с Суворовым, ибо эта самая черта русского солдата лучше всего сконцентрирована в самом полководце. И вот, даже не показывая боя, Суриков сумел убедить зрителя в том, что в предстоящих им сражениях суворовские солдаты непобедимы. Многолетний труд привел великого живописца к созданию произведения, где типические черты русского воина — беззаветная смелость и любовь к Родине — нашли глубокое и яркое воплощение. Сумев раскрыть в картине сущность явления, сущность характеров, Суриков создал произведение, исключительное по своей силе воздействия.

А. Грицай. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА М. А. ПАВЛОВА. 1951 год.

Стремление отобразить внутренний смысл событий, создать типический образ вообще — в традициях русского демократического искусства.

Глубокий ум, редкий знаток живописи, Иван Николаевич Крамской так писал о репинских работах:

«Репин обладает способностью сделать русского мужика именно таким, каким он есть. Я знаю многих художников, изображающих мужичков, и хорошо даже, но ни один из них не мог никогда сделать даже приблизительно так, как Репин. Разве у Васнецова еще есть эта сторона».

Отмечая типичность репинских образов, считая ее главным признаком настоящего мастерства, Крамской не раз возвращался к мыслям о ней. Типичность не дается одним наблюдением, утверждает он. Надо сжиться с описываемым миром, проникнуться психологией изображаемых людей. Это — одно из основных положений в эстетике Крамского, помогающее правильно решить вопросы: как же художник должен искать типическое и, найдя, как воплощать его в своих произведениях?

Федотов, работая над «Сватовством майора», долгое время искал подходящую купеческую комнату, обошел десятки купеческих домов, проникая туда под разными предлогами, долгим и пристальным осмотром сердил хозяев. Он искал и искал, пока не нашел то, что удовлетворило его вполне.

Корзухин писал однажды сценку из крестьянской жизни. Образ героя не удавался ему. Художнику рассказали, что в деревне за десять верст живет пчеловод — человек удивительной красоты и силы. Корзухин не поленился, прошел с этюдником десять верст, поглядел на пчеловода, поговорил с ним и... не написал его. Показался ему пчеловод «сладеньким, будто мед, лицо, вроде бы, подходящее, а характер... нет, не стал писать его...» Корзухин вернулся к себе и после этого еще две недели продолжал упорные поиски натуры.

Крамской только тогда понял, как написать своего «Полесовщика», когда узнал его заветные думы, которые позволили художнику сравнивать этого человека с Пугачевым. На полотне у полесовщика зло блестят глаза, лицо нахмурено, за спиною спрятана жердь. Многое говорит этот образ!

От натуры следует прежде всего требовать внутреннего соответствия задуманному образу, а не только внешних данных. Это, конечно, трудно, но совершенно необходимо. Только в жизни может черпать художник силу: как бы ни был он талантлив, как бы ни работала его фантазия, — жизнь всегда окажется богаче и, что главное, мудрее его. Но чтобы разбираться в той жизни, которую художник собирается изображать, надо эту жизнь познать глубоко, всесторонне. Репинские мужики потому и выходили на холсте живыми, что были Репину близкими людьми. Репин понимал их нужды, знал их чаяния...

Неврев, автор картины «Протодьякон, провозглашающий многолетие на купеческих именинах», — одной из лучших сатирических картин в нашем искусстве, — вырос в купеческой семье. Сцена, изображенная мастером, была им, наверно, не раз видена в жизни.

Всестороннее изучение предмета рождает его понимание. Василий Иванович Суриков, написав «Боярыню Морозову», героем картины сделал народ. Он и написал народ раньше, нежели боярыню. «Толпа раньше определилась», — говорил художник. Суриков отлично понимал, что тут народ — главное, в народе сила, в народе будущее. Можно сказать, что такое толкование само по себе должно было привести художника к успеху. А вот и другой пример: известный русский художник, тоже передвижник, Александр Литовченко несколько ранее Сурикова написал одноименную картину — «Боярыня Морозова». У Литовченко истинный герой картины — сама боярыня, толпа второстепенна. Это привело художника к неудаче.

Известно, что Репин, готовясь писать «Запорожцев», изучил материал так, что стал без всякого преувеличения одним из знатоков истории Запорожья. Репин вообще являл собой образец подлинно творческого, страстного подхода к изучаемому предмету. Для каждой картины он поднимал горы материала. Только для «Крестного хода» Репин провел такую подготовительную работу, что другому ее хватило бы на целую жизнь. В итоге каждое действующее лицо «Крестного хода» имеет свой жизненный прототип, причем это не случайный подбор типажа, а продуманный, осмысленный, основанный на глубочайшем знании жизни. А зато и какой результат!

Помните эту серую пыль, которая, кажется, обнимает картину и не дает дышать, и в этой плотной пыли торжественное шествие... В шествии этом любой человек своей походкой, взглядом, одеждой, жестом выражает и свое индивидуальное существо и главную идею картины: вот она, Россия, вся перед вами! Вот властители сельской жизни: держиморда-урядник, важно шествующая коротышка-помещица с потным, бездумным, тупым лицом; и тут же в драных лаптях бредут мужики, не по летам сгорбилась молодая крестьянская девушка...

Репин говорил когда-то: «Наша задача — содержание. Лицо, душа человека, драма жизни и самый дух истории — вот наши темы...»

Все помыслы художника должны быть направлены к написанию произведений, которые в законченной живописной форме отражали бы жизненно важные проблемы. Картины должны отвечать эпохе и выражать эпоху. В этом цель советской живописи.

Б. В. Корнеев. ШКОЛЬНИКИ НА КОНЦЕРТЕ.

В. Е. Артамонов. ПУШКИН И ЖУКОВСКИЙ У ГЛИНКИ.

Молодые мастера

Д. А. НАЛБАНДЯН,

член-корреспондент Академии художеств СССР

Десятки молодых людей покинули стены художественных институтов и вышли в жизнь. Закончив учение, они написали дипломные картины и теперь с полным правом называются художниками. Их дипломные картины, выставленные в Академии художеств СССР, видели тысячи москвичей.

На бронзовых табличках вслед за фамилией автора, названием вещи, именем профессора были выведены отметки, полученные дипломниками: «отлично» и «хорошо». И это радовало.

На выставке экспонировалось более пятисот произведений на самые различные темы. И темы, как правило, подсказывались жизнью: «За мир», «На стройку», «На колхозном стадионе», «Румынская делегация на Харьковском тракторном заводе», «Обучение молодых стахановцев» и так далее.

Но, рассматривая картины, не раз приходилось убеждаться в том, что далеко не все еще молодые живописцы владеют методом художественного обобщения. На полотнах немало случайного, многое следовало изменить и в композиции картин, от чего они стали бы лучше. А главное, композиции казались виденными ранее, сделанными как бы по стандарту. Это тем более обидно, что по рисунку, по умению передать форму, закончить картину нынешняя выставка дипломных работ несравненно выше предыдущих. Она, безусловно, свидетельствует об улучшении постановки художественного воспитания.

Д. Беляев написал жанровое полотно на тему «За мир». Молодой живописец, видимо, умеет зорко примечать детали, придающие картине жизненность: отъезжает телега, и на ней как-то особенно хорошо закуривает колхозник; мальчонка-пионер пришел к сельсовету со всеми рыболовными принадлежностями,—видно, что ему тоже хотелось бы поставить свою подпись под Обращением. И образ Героя Социалистического Труда правдивый, и пейзаж написан убедительно. Но в картине все же недостает взволнованности самого художника.

Полотно москвича С. Шильникова могло бы стать на выставке одним из самых значительных, если бы автор успел или, быть может, сумел его довести до конца. С. Шильников решил изобразить студентов вечером у себя в комнате: они смотрят на Москву, смотрят и мечтают. Шильникову удалось скомпоновать картину оригинально, по-своему, и передать романтическую взволнованность юности, и выбрать для картины симпатичных, славных ребят. И пейзаж за окном — пейзаж новой Москвы — интересен, но полотно в целом несколько не закончено.

Картина Л. Гудскова «Отдых» по замыслу близка к работе Шильникова, но она явно уступает ей в выборе типажа, очень случайного. Шильников распахнул студентам окно в жизнь, окно в сегодняшнюю Москву, а Гудсков запер их в маленькой, душной комнате. Но в то же время Гудсков хорошо рисует и подготовлен неплохо. Жаль, что ему не помогли в подходе к теме.

Среди авторов жанровых картин выделяется В. Рутштейн. Ему принадлежит картина «В родной школе». Сюжет ее прост: летчик пришел в школу, где когда-то учился. По тому, как растрогана учительница, видно, что летчик пришел в дом, где он свой, любимый человек. И сам летчик взволнован и малыши, которые пытаются заглянуть в дверь. Художник написал правдивую сцену, жаль лишь, что живопись в картине несколько вялая.

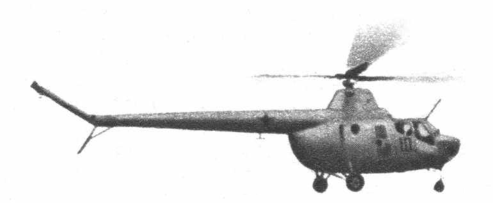
Привлекает яркая, жизнерадостная картина ленинградца Б. Корнеева «Школьники на концерте».

Едва ли не лучше других на выставке «Харьковский тракторный завод. Проба стали» молодого харьковчанина Е. Данилевского. Чувствуется, что картина написана с натуры, правдиво передана атмосфера цеха, отлично написаны рабочие.

У отдельных живописцев ощущается недостаточность работы с натуры, порождающая и незавершенность произведения и некоторый холодок. Работа с натуры — одна из главных задач учащегося в стенах художественного вуза. Не все еще и ученики и учителя поняли важность обязательного правила: писать картину уже после эскиза, каждую ее фигуру проработать по натуре и в нужной позе...

Особый раздел выставки занимают произведения на историческую тему. Из них наиболее серьезное принадлежит кисти В. Артамонова — «Пушкин и Жуковский у Глинки». Отличная по насыщенности колорита картина радует удачным образом композитора. Меньше удался автору Пушкин.

В последние годы стало хорошей традицией лучшие дипломные работы показывать на всесоюзных выставках. И ныне некоторые картины молодых живописцев появятся на всесоюзном смотре, свидетельствуя об успехах наших художественных институтов.

НА ВЕРТОЛЕТЕ

Е. РЯБЧИКОВ

На Тушинском аэродроме в День Воздушного Флота СССР тысячи и тысячи москвичей уже не раз видели летательные аппараты самой необычной конструкции — без крыльев. На их металлических, золотистого цвета фюзеляжах лежали аккуратно сложенные многолопастные винты. Издали вертолеты были похожи на фантастических насекомых.

По команде начинали работать моторы вертолетов, поднимались воздушные винты, и стаи машин взмывали без пробега, прямо с места, в воздух. Вертолеты то летели по горизонтальной линии, то вертикально поднимались все вверх и вверх, то останавливались на одном месте.

Однажды вертолет показался над футбольным полем стадиона «Динамо» и «завис» в воздухе. Открылась дверца кабины, выбросили веревочную лестницу, и по ней спустился на поле спортсмен с букетом цветов.

Наше первое знакомство с вертолетом состоялось в Москве, а позже — на строительстве Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина.

В Москве летчик Анатолий Кривошей подвел нас к вертолету.

— Вот ваше место, — показал он на удобное сиденье в остекленной кабине. — Здесь просторно, светло, как в автомобиле «Победа».

Кривошей был прав: в вертолете можно расположиться с комфортом.

Запустили мотор. Пришел в движение воздушный винт. Плавно, без толчков, вертолет отделился от земли. Трудно было засечь мгновение, когда машина строго по вертикали поднялась в небо.

Летчик в коричневой кожаной куртке и в таком же коричневом шлеме сидел впереди, управляя аппаратом. Он разговаривал по радио с диспетчером, следил за приборами.

Высоко поднялся вертолет. Взору открылась чарующая панорама Москвы с ее высотными зданиями, парками, проспектами. Внезапно подъем прекратился, и... машина остановилась. Никогда еще не испытывали мы такого странного ощущения: аппарат тяжелее воздуха «висел» на одном месте и не падал. Еще в аэроклубе нас учили: скорость есть основа устойчивости самолета в воздухе, без скорости невозможен полет, и если потеряешь скорость,— беда. А здесь машина не развивала никакой скорости и не падала. Казалось, что нарушены законы притяжения, машина утратила свой вес.

«Постояв» на одном месте, вертолет ожил, вертикально поднялся еще выше и остановился. Затем так же вертикально он спустился на землю.

— Воздушный лифт,— пошутил летчик.

Как в лифте, мы то поднимались в небо, то опускались.

Устойчивость машины была поразительна. Но может ли она летать по горизонтали?

Словно отгадав наши мысли, летчик повел машину на хорошей скорости по горизонтали. Вертолет превратился в обычный самолет.

Остановились. Под нами крыша дома.

— Открывайте дверь, сбрасывайте лестницу! — приказал летчик.

На любом пассажирском самолете обычно дверь кабины прочно запирают. Если попытаться ее открыть, то удастся это лишь с трудом. Поэтому мы напрягли все силы, чтобы открыть дверцу вертолета. Но открылась она совершенно легко, как в «Победе».

В кабине находилась веревочная лестница. Мы сбросили ее вниз. Конец ее коснулся крыши. Мы спустились по лестнице на крышу, а потом поднялись в кабину вертолета.

Через несколько минут вертолет «повис» над полем. Вновь сбросили трап.

— Спускайтесь! — сказал летчик.

Захватив с собой чемодан мы спустились на тонкую ступеньку. Над головой неподвижно «висел» вертолет, а под ногами виднелась земля. Несколько движений, и вот поле. Мы сошли, поставили чемодан, потом, захватив ношу, вновь поднялись по веревочной лестнице. Спуск и подъем прошли просто и легко.

Закончив полеты, мы разговорились с летчиками о будущем новых машин. Недалеко время, когда эти необычные летательные аппараты станут необходимой принадлежностью геологических партий, работающих в тайге и горах, почтальонов, действующих в горной и лесной местности, врачей, спешащих к больным в труднодоступные районы. По лестницам будут спускаться врачи из вертолетов на землю, где нет посадочных площадок.

Пассажир поднимается в кабину вертолета с земли по лестнице.

Фото Дм. Бальтерманца

Человек, стоящий поперек пути

Рассказ

Дешиэл ХЭММЕТ

Дешиэл Хэммет — американский писатель, примыкающий к прогрессивным кругам, автор детективных романов. Активно выступал в защиту гражданских прав, против преследований американской реакцией прогрессивных деятелей. Был одним из инициаторов создания денежного фонда, предназначенного для внесения залога за освобождаемых на поруки политических заключенных. За отказ сообщить властям имена лиц, вносивших пожертвования в этот фонд, Хэммет был в 1951 году подвергнут тюремному заключению.

Рисунки Г. Балашова

Сенатор покусывал губу, словно его одолевали неразрешимые сомнения. Это был грузный человек, вся внешность которого говорила о том, что он привык властвовать. Вместительное кожаное кресло, в котором он сидел, казалось слишком легким: массивные плечи и руки выпирали по обеим сторонам кресла подобно тесту, готовому вытечь из квашни.

Голова сенатора с гривой жестких, седых волос тоже была массивной, а лицо с крупными, резкими чертами было прорезано линиями, характерными для властолюбцев.

Когда он встал и прошел через библиотеку, чтобы принести виски и сигар для своего гостя, огромная комната как бы уменьшилась в размерах. Стены и потолок словно сдвинулись, а блестящий пол, казалось, вот-вот заскрипит под его тяжелой поступью, хотя пол и был слишком добротен, чтобы заскрипеть. Пустое кресло, напоминающее собой обитую материей пещеру, немедленно потеряло всю свою внушительность, как только сенатор снова опустился в него.

Резким контрастом сенатору был человек, неловко примостившийся на кончике одного из самых неудобных стульев, стоявших в комнате. Пренебрегая импортными сигарами, поставленными перед ним хозяином, он искривленным пальцем запихивал грубый черный табак в трубку из серовато-желтого кукурузного ствола.

На вид гостю было лет шестьдесят пять, хотя, возможно, он и был лет на десять моложе. Прожитые годы скорее иссушили, чем смягчили его. Его нечесаные волосы,— вернее, то, что от них осталось, — в молодости были, вероятно, песочно-желтого цвета, а теперь стали желтовато-белыми и тусклыми; усы того же оттенка, местами окрашенные табаком в более темный цвет, торчали над его увядшими губами. Лоб у него был низкий, узкий и плоский, почти как у пресмыкающегося; бесцветные глаза были унылы и лишены блеска, а длинный и тонкий нос нависал над резко срезанным подбородком.

В своих грубых башмаках на толстой подошве он едва достигал пяти с половиной футов, то есть был чуть повыше плеча сенатора, а стрелка весов, если б он вздумал узнать свой вес, вряд ли показала бы больше ста пяти фунтов. На нем был мешковатый костюм табачного цвета, на полу рядом с ним лежала мягкая черная шляпа. Набив трубку, он повернулся к столу, налил виски в стакан и осушил его с безразличным видом, без гримасы отвращения или удовлетворения, которой обычно сопровождается поглощение чистого виски. Затем, не обращая внимания на спички, лежавшие возле него, он обшарил карманы и вытащил свои, чиркнул спичкой о подметку и зажег трубку.

Его взгляд ни на секунду не задерживался на роскошной обстановке комнаты; время от времени он переводил глаза с сенатора на трубку, затем на шляпу, лежавшую на полу, и снова на сенатора.

Этот маленький человечек явно не привык к такой изысканной обстановке и чувствовал себя в ней неловко, но все же почтения к окружающему его великолепию не испытывал. Скорее он не одобрял этой сибаритской квартиры и поэтому решил ни на что не обращать внимания.

Сенатор жевал сигару, хмуро смотрел себе под ноги и говорил. В политических кругах его считали сдержанным человеком, одним из тех, кто выражает свои мысли кратко и весьма редко. В данный момент его речь явно не соответствовала общепринятому мнению.

Он говорил бессвязно, не заканчивая начатых фраз, не заботясь об их логической связи. Человечек отвечал время от времени вяло и односложно сухим, пронзительным голосом. Слова хозяина, повидимому, не производили на него ни малейшего впечатления. Было совершенно очевидно, что сенатор послал за ним не для того, чтобы обсуждать виды на урожай или политическое положение в Садлоу Каунти.

В таком нервозном словоизлиянии сенатор потерял три четверти часа. Затем он бросил потухшую сигару в камин, придвинул кресло к стулу своего гостя, наклонился к нему ближе; морщины на его лбу обозначились еще резче.

— Но я хотел видеть вас совсем не для этого, Инч, — сказал он. Его низкий голос звучал внушительно, хотя он и произносил эти слова полушепотом. — Я попал в трудное положение, и мне нужна помощь.

Джин Инч слегка кивнул головой.

— Могу я рассчитывать на вас? — И, получив в ответ бесстрастный кивок, продолжал:— Помните? Я помиловал Тома, когда я был губернатором!

Это помилование было вызвано, правда, чисто политическими причинами, но что с того? Он помиловал Тома Инча.

Джин Инч вынул трубку изо рта и сказал:

— Да, я знаю, что вы помиловали Тома. Вы можете не напоминать Инчам об их долгах.

— Следовательно, вы мне поможете?

— Угу! Кого нужно убить?

Сенатор вздрогнул.

— Убить? — повторил он в ужасе. — Убить?

Инч ощерил темные, сломанные зубы в зловещей усмешке.

— Я думаю, что к более сильным средствам прибегать не придется, — сказал он. — Но, пожалуй, вам следует рассказать мне, что к чему.

Сенатор положил дрожащую руку на костлявое колено своего собеседника.

— Меня шантажируют. Это продолжается уже много лет и началось вскоре после того, как я приехал в Садлоу Каунти. Все эти годы я работал в законодательных органах штата. С тех пор, как я стал губернатором, я плачу̀. И с каждым годом плачу̀ все больше и больше. А теперь я решил положить этому конец. Инч, с тех пор, как я поселился здесь, в Вашингтоне, я приобрел много друзей, и они собираются выставить мою кандидатуру в президенты. Но я не могу продвинуться, пока не сброшу со своей шеи этого шантажиста. Я должен его сбросить, иначе я конченый человек! Чем выше я поднимаюсь, тем наглее он становится. Да, ему все наруку. И если меня изберут президентом нашей страны... нет, я не смогу даже добиваться этого, пока не избавлюсь от него!

Упоминание о шантажисте и сенаторские мечты о президентстве не изменили выражения лица Инча. Его глаза не заблестели.

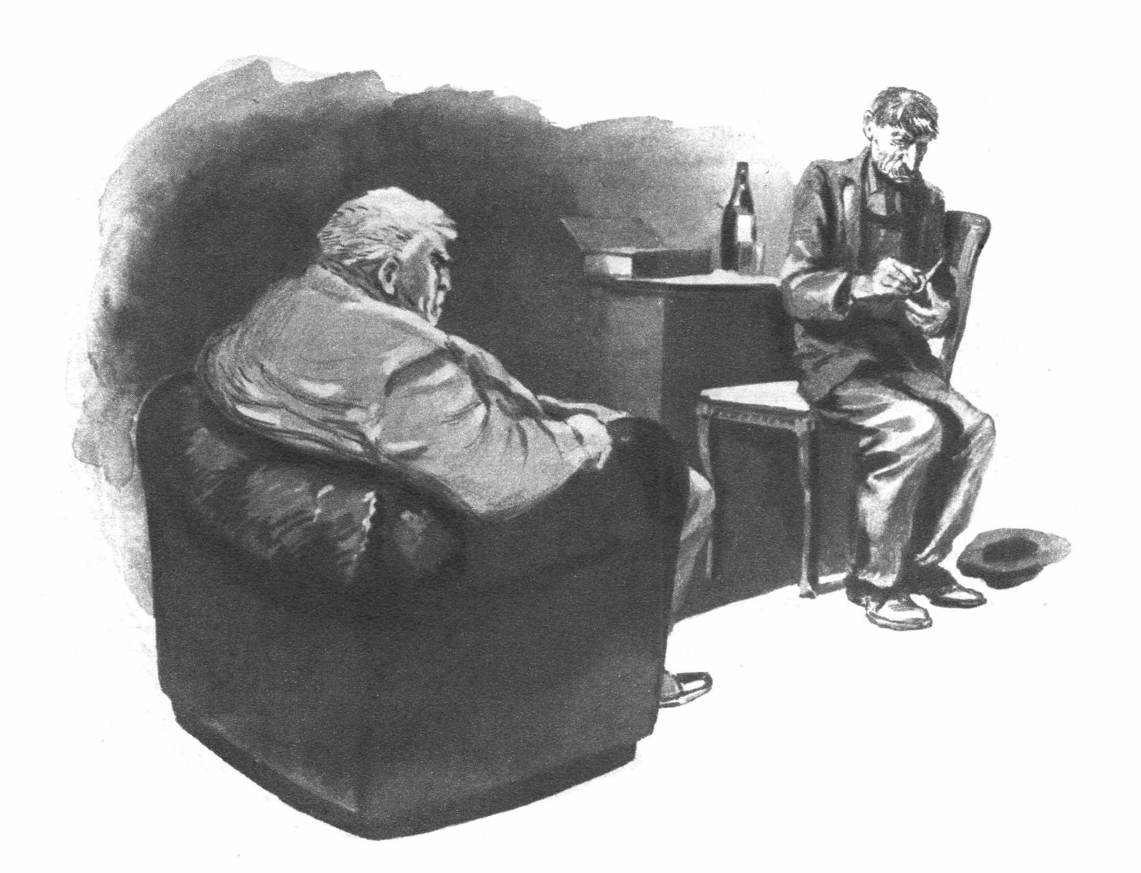
— Где я смогу найти этого типа? — спросил он лаконично.

— Постойте, Джин, — сказал сенатор. — Мы должны быть осторожны. Нужно, чтобы все обошлось тихо, без скандала, иначе мое положение станет еще хуже. Нужно устроить так, чтобы он перестал беспокоить меня, но при этом следует избегать всего, что может вызвать какие-либо осложнения.

Уголки губ у Инча дрогнули в легкой презрительной усмешке (единственное, что он себе позволил в ответ на эти тонкости). Затем он сказал:

— Ладно. А теперь расскажите мне лучше обо всем подробнее.

Сенатор прищурился и громко заговорил:

— Я помиловал вашего парнишку Тома, когда он отбывал пожизненное заключение за убийство Дика Хэни... Прекрасно! Я приехал в Садлоу Каунти почти двадцать лет тому назад. Помните? Я приехал сюда, бежав из калифорнийской государственной тюрьмы в Сан-Квентине. Однажды ночью в Оклэнде я участвовал в драке и убил человека. Меня не знали в Оклэнде, и когда меня арестовали, я назвался чужим именем. После того, как я бежал, я снова взял свое прежнее имя. Нет такого человека, который пошел бы на это. Я был осужден на тридцать лет, а провел в тюрьме полтора года. Через два года после того, как я обосновался в Садлоу Каунти, человек, который был со мной в Сан-Квентине, узнал меня. Его звали Фрэнком Макфайлом, но теперь он известен под именем Генри Буша. С тех пор я отдаю ему каждый цент, который в состоянии наскрести.

Инч в размышлении теребил свой длинный нос:

— Есть ли шансы вывернуться из этого дела? Я имею в виду: сможет ли он что-либо доказать?

— Отпечатки пальцев — они все еще в картотеке в Сан-Квентине.

— Как вы думаете, знает ли об этом кто-нибудь, кроме Буша?

Сенатор покачал головой.

— У меня есть все основания быть уверенным в том, что он никому ничего не говорил. — И добавил с горечью: — Иначе я знал бы об этом.

— Где живет этот Буш и как он выглядит?

— Погодите, Джин, — взмолился сенатор.— Вы не можете придти и застрелить его. Его хорошо знают здесь, в Вашингтоне. Известно также, что он мой друг. Он достаточно хвастался своей дружбой со мной! Как бы вы ни были осторожны, если вы его убьете, что-нибудь да обнаружится, и мое положение станет еще хуже. А кроме того я не переношу убийств!

Инч снова задумчиво потеребил нос и уставился унылыми глазами на свою грязную трубку.

— Какой здесь поблизости город? — спросил он.

— Балтимора. Всего в сорока милях.

— Как вы считаете: Буша хорошо знают в Балтиморе?

— Не думаю. Почему вы спрашиваете?

Инч засунул трубку в карман и поднял с пола свою шляпу.

— До завтра, — сказал он.

На следующий вечер Инч снова пришел к сенатору. Он пробыл у него всего лишь несколько минут. Разговор происходил в приемной сенатора.

— Сообщите этому Бушу, что вы хотите с ним встретиться завтра в Балтиморе. Что вы будете ждать его в Стрэнд-Отеле от десяти до одиннадцати вечера в комнате 411. Что он должен пройти прямо в комнату, не справляясь о вас у портье, так как вы якобы не хотите регистрироваться в гостинице под своим настоящим именем. Сможете ли вы заставить его поверить всему этому?

— Я думаю, что смогу, — ответил неуверенно сенатор. — Но он может заподозрить что-то неладное и быть настороже. Что вы собираетесь с ним сделать, Джин? Не хотите же вы...

— Оставьте меня в покое, — сказал сварливо Инч. — Я взялся обстряпать это дело. Делайте то, что я вам говорю. Мне безразлично, что́ он думает, что́ он подозревает. Заставьте его явиться туда, и я избавлю вас от вашей беды.

Мускулистая рука сенатора дрожала, когда он открывал дверь, провожая своего посетителя. Костлявая же рука Инча, надвинувшая на глаза черную шляпу, была тверда, как камень.

* * *

Тусклый свет проникал в комнату № 411 из коридора. Сквозь закрытое окно просачивался слабый отблеск уличных огней, превращавший мглу комнаты в искусственный голубоватый полумрак.

Джин Инч сидел в углу на стуле, лицом к дверям. Он был в нижнем белье из грубой, тяжелой ткани, которая нескладно топорщилась на его угловатой фигуре.

В зубах его была зажата погасшая трубка, в руке он держал старый револьвер большого калибра. Босые ноги его на покрытом ковром полу замерли в терпеливом ожидании.

Часы где-то пробили десять. Прошло двадцать минут. Затем ручка незапертой двери повернулась, дверь отворилась, и на пороге возникла коренастая фигура. Черное дуло автоматического револьвера уставилось в комнату.

Револьвер Инча скользнул вперед и уперся коренастому человеку в бок. Тот вздрогнул, но не изменил положения. Его правая рука медленно разжалась, и автомат с глухим стуком упал на пол. Инч подался назад и сказал:

— Войдите и закройте за собой дверь.

Затем он жестом показал пленнику на стул, а сам пересел на кровать.

— Вы Буш, я полагаю?

— Да. И если вы думаете...

— Молчите и слушайте!

Буш утих перед угрозой, звучавшей в пронзительном голосе этого странно одетого человечка, глаза которого зловеще уставились на него в полутьме.

— Снимите пальто!

Буш послушно выполнил приказание.

— Бросьте его на кровать.

Буш колебался. Может быть, бросить пальто в голову этого старого человека и покончить с ним? Но глаза его уже привыкли к тусклому свету: он видел, что взведенный курок мог быть спущен в любой момент и только лежавший на нем большой палец придерживал его.

Буш осторожно бросил пальто на кровать. Инч обыскал левой рукой карманы, вынимая все, что в них находилось. Потом он бросил пальто на пол.

— Выверните остальные ваши карманы.

Буш вынул все из карманов брюк и пиджака: нож, два ключа, несколько монет, пачку ассигнаций, часы, носовой платок.

— Костюм куплен готовым? — спросил Инч.— Значит, должны быть ярлыки на брюках и пиджаке, а также и на пальто. Берите нож и спорите их. Дайте мне вашу шляпу.

Пока пораженный шантажист, не подозревая намерений человека, захватившего его в плен, отпарывал со своей одежды все метки, Инч осматривал шляпу. На ней не было никаких инициалов.

— Наденьте пальто и шляпу, — приказал Инч. — Вложите все вещи, за исключением денег и часов, обратно в карманы. Ярлыки можете бросить на пол. А теперь отойдите к стене.

Инч подобрал деньги и положил их в карман своих брюк, висевших на спинке стула. Часы, ярлыки с одежды и вещи, извлеченные им из пальто Буша, он завернул в носовой платок и положил в свой саквояж.

— Послушайте-ка... — начал Буш.

— Заткнитесь! — раздраженно огрызнулся Инч, угрожая шантажисту револьвером.

Затем он тщательно осмотрел комнату и с удовлетворением ухмыльнулся. Пятясь, он подошел к кровати, свободной рукой откинул одеяло и забрался в постель, продолжая держать Буша под дулом револьвера. Полулежа на подушке, Инч натянул простыню на грудь. Затем он медленно подтянул револьвер к себе. Дуло револьвера исчезло под простыней.

Буш следил за ним с открытым ртом. Лицо его выражало крайнюю степень удивления. Когда оружие исчезло под постельным бельем, он напряг мускулы ног, собираясь прыгнуть. Но, прежде чем он успел согнуть колени, в комнате раздался грохот выстрела. На белой поверхности простыни появилась дымящаяся дыра, которая стала быстро увеличиваться. Буш упал на пол. Комната наполнилась запахом дыма и спаленной материи.

Инч выбрался из постели, вынул из ящика туалетного стола ручной фонарик и черную самодельную маску и положил их возле трупа. Затем ударом ноги он перебросил лежащий у дверей автоматический револьвер к безжизненной руке мертвеца.

Пятнадцатью минутами позднее гостиничный сыщик и полицейский осматривали останки Генри Буша и выслушивали рассказ Джина Инча о том, как он рано улегся спать, как, проснувшись, увидел человека, склонившегося над его одеждой, висевшей на стуле; как он тогда стал осторожно вытаскивать свой револьвер из-под подушки, но вор заметил его движение, и ему пришлось стрелять через постельное белье.

Сыщик и полицейский закончили обследование и стали обсуждать результаты.

— Никаких примет для опознания преступника.

— Ничего. Нет даже часов или чего-либо другого...

— Нет никакого смысла выяснять, откуда он взял оружие. Воры не приобретают его обычным путем.

Полицейский обратился к Инчу:

— Приходите в полицейский участок утром, часов в десять.— И добавил с восхищением: — Вы здорово попали в него, учитывая, что вам пришлось стрелять из-под этих чортовых простынь!

* * *

— Сенатора нет, — заявила девушка в приемной.

— Ну-ка, красотка, поди, скажи ему, что его хочет видеть Джин Инч.

— Но он...

— Пойди, пойди, скажи ему, красотка.

Сенатор встретил Инча в дверях своего кабинета и сам впустил его. Сенатор был бледен и тяжело дышал. В глазах его, когда он встретился взглядом с Инчем, было странное выражение надежды, смешанной со страхом.

Оставшись вдвоем с сенатором в кабинете, Инч холодно кивнул головой.

— Дело сделано. Все в полном порядке.

— И он...

— Я читал в газетах о том, что неопознанный грабитель был убит при попытке ограбить фермера в одной балтиморской гостинице.

Сенатор со вздохом облегчения откинулся в кресле.

— Вы уверены, Джин, что все в порядке?

Инч презрительно усмехнулся:

— Ничего не может случиться.

Сенатор встал и протянул обе руки своему спасителю.

— Я никогда не смогу в полной мере отблагодарить вас за все, что вы для меня сделали, Джин. Но, что бы...

Инч повернулся своей сутулой спиной к изливающемуся в выражениях благодарности сенатору и направился к двери. Уже поворачивая ручку, он со злорадством покосился на сенатора и сказал:

— Я рассчитываю на получение чека первого числа каждого месяца и надеюсь, что вы станете президентом: это будет иметь для меня огромное значение.

Сенатор долго стоял, тупо глядя в унылые, безжизненные глаза маленького человечка. Наконец он понял. Колени его подогнулись, и он, как подкошенный, упал в кресло.

— Но, Джин...

— К чорту «но»! — рявкнул Джин. — Первого числа каждого месяца!..

Перевела с английского
Т. ОСИПОВА

Первая колхозная

Украинская футбольная команда спортивного общества «Колгоспник» — победительница всесоюзных состязаний колхозных коллективов.

Фото Е. Шулепова (ТАСС)

В краснодарский Дом колхозника необычайно много в эти дни приносили телеграмм-молний. В Доме разместились футболисты, прибывшие на первые всесоюзные состязания сельских коллективов.

Телеграммы были адресованы игрокам команды Украины.

Большая радость царила среди спортсменов.

Да и как не радоваться! Вот, например, какую телеграмму получили футболисты:

«Колхозники и физкультурники колхоза имени Кирова поздравляют команду с праздником Великого Октября и желают выйти победителями состязаний... Председатель колхоза Платонов».

Столь же теплыми были и другие весточки с праздничным поздравлением и пожеланием успеха. Пятнадцать телеграмм получила в эти дни команда; они прибыли, когда футболистам Украины предстояли две решающие встречи.

В солнечный ноябрьский день команды Украины и Азербайджана вышли на поле. Первая после трех игр имела 6 очков, вторая — 4.

Живой, темпераментной игре азербайджанцев команда Украины противопоставляет точный расчет, целеустремленные коллективные действия. И они приносят успех: украинские колхозные футболисты побеждают с большим счетом, не пропустив в свои ворота ни одного мяча.

Остается последняя игра, которая должна определить победителя. Встречаются колхозные коллективы Украины и Грузии. Это достойные противники. Перед завершающей встречей грузинские футболисты имели три победы и одну игру закончили с ничейным нулевым счетом, а украинские — выиграли все четыре встречи, забив в ворота противников 26 мячей и пропустив в свои лишь один.

...Проходит несколько минут состязания, и ворота команды Грузии спасает от гола способный вратарь Гулико Одишария. После хорошо пробитого углового удара под угрозой и ворота украинцев. Но футболисты этой команды хорошо играют головой и умело отводят опасность.

На щитах все еще значатся нули, однако заметно преимущество украинцев. Их отличают корректная игра, точная пассовка, умение пользоваться любой возможностью для атаки ворот. Вполне заслуженно стали любимцами зрителей полузащитники украинской команды — бригадир колхоза имени Калинина Адальберт Сабо и помощник бухгалтера колхоза имени Молотова капитан команды Петр Молнар.

На 33-й минуте украинцам удается открыть счет. Проходят 30 минут второй половины игры, и счет становится 2 : 0.

Грузинская команда не прекращает борьбы: она защищается и при первой же возможности переходит в атаку. За несколько минут до конца одна из таких атак завершается голом — 2 : 1. С этим счетом команды покидают поле.

...Шесть коллективов участвовали в финальных состязаниях колхозных футболистов: Украины, РСФСР, Грузии, Азербайджана, Литвы и Киргизии. Длителен был их путь к финалу.

Сборные команды республик боролись за первенство в зональных соревнованиях, которые были проведены в Кишиневе, Баку и Сталинабаде. И лишь два лучших коллектива из каждой зоны оспаривали в Краснодаре впервые учрежденный приз Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта для колхозных команд. Этот почетный трофей заслуженно завоевала команда Украины. Она набрала 10 очков из 10 возможных при соотношении забитых и пропущенных мячей 28 : 2.

Трудно в этом дружном коллективе выделить коголибо из игроков. Назовем лишь имена двоих: тренера команды колхозного бухгалтера Б. Б. Вейга и лидера атак левого полусреднего — бондаря, плотника колхоза «Комсомолец» Иосифа Пинцеша. Две трети забитых мячей приходится на его долю.

Команда-победительница в основном составлена из игроков физкультурных коллективов колхозов Береговского округа, Закарпатской области, где футбол — любимая народная игра. В каждой сельхозартели имеется по 2—3 команды.

Колхозная деревня — неисчерпаемый источник спортивных талантов: здесь растет достойная смена нашим мастерам. В этом убеждаешься, когда видишь грузинских футболистов: центра защиты Тенгиза Отарашвили, нападающих Карло Кохреидзе и Малхаза Цихистави; когда видишь защитника Константина Дятлова из команды РСФСР, азербайджанцев Нагиева и Касумова, литовца Кондратаса и других.

Первые всесоюзные состязания колхозных футбольных команд — замечательное свидетельство неуклонного культурного роста колхозной деревни.

Гр. ТИНОВИЦКИЙ

Краснодар.

На перевале

Чем ближе вершина, тем чище воздух, тем синее небосвод, но тем отвеснее скалы, тем круче вьется тропа. Но вот вершина взята. Ты втыкаешь флагшток. Какой прекрасный вид раскрывается перед глазами! Какая высота! И, вспоминая пройденный путь, ты ясно представляешь, сколько раз мог оступиться (и оступался!), сколько опасностей подстерегало тебя на каждом шагу...

В жизни каждого человека есть дни, а иногда часы и минуты, когда в высшем напряжении сознания и воли познается самое главное, самое существенное в жизни. Этот «перевал чувств» совпадает с душевным созреванием человека. Искусство жадно фиксирует эти драматические моменты в судьбах человека и общества, ибо в них «соль» искусства, зерно подлинного, глубокого конфликта.

Дорога на Клухор в одноименной поэме Вероники Тушновой — это не только живописная дорога через горный перевал. Нет, это и трудный путь восхождения к иной вершине, путь сурового и беспощадного воспитания бдительности.

Сюжет поэмы целен в своем напряженном развитии. Агент иностранной державы, «человек в потрепанной панаме», сумевший влезть в душу доверчивым советским людям, выдав себя за «специалиста альпийской флоры», на горной дороге во-время был схвачен пограничниками.

Но вот (об этом повествует вторая глава поэмы) дорога на Клухор стала «тропой войны». И на высокогорном лугу, на месте былого привала беспечных туристов, разыгралась кровавая драма: фашистские убийцы уничтожили группу больных детей тебердинского санатория. Под покровом ночи сквозь ледяную пургу уходит к своим другая группа детей. Их ведут старый врач и санитарка:

Впереди, светясь сияньем млечным,
грозным валом наплывают льды...
В плотный снег впечатаны навечно
детские, неверные следы.
У меня они перед глазами...
Тяжело на сердце у меня:
человек в потрепанной панаме
отдыхал у нашего огня.

Этот мотив жгучей вины перед этими детьми, перед народом, перед будущим волнующе звучит и в третьей, последней главе поэмы, когда автор и ее теперь уже «совсем большая» дочь мысленно проходят по той же дороге на Клухор:

Живое сердце, не остынь,
не позабудь свой день вчерашний,
ведь эти села, эти пашни —
на месте выжженных пустыни!
Хлебами прах земной пророс,
цветами кровь людская стала,
на эту землю море слез
дождями теплыми упало.

Ведь по нашим дорогам бродят еще не пойманные «лазутчики лагеря войны». Они ищут «спутников в пути, бездумных, легковерных», но они не должны их найти! Слишком много выстрадали наши люди, слишком дорого обходится эта «граничащая с преступленьем доверчивая простота».

«Дорога на Клухор» — произведение, в известной мере принципиальное для современной поэзии. Поэма эта просто и строго сюжетно организована, лаконична, чем выгодно отличается от некоторых многословных, аморфных, мнимолирических произведений этого жанра. Мысль поэмы реализована в конкретных образах, не дробится, не растекается ручейками в ложно понятом стремлении «говорить обо всем».

Воспитание бдительности — обширная тема, которая может быть выражена и глубже, нежели это сделано в поэме В. Тушновой. Поэтически смелее, выразительнее, драматичнее, вероятно, было бы развитие поэмы, если бы шпион **не был** схвачен в самом начале. От этого собирательнее стал бы образ незнакомца «в потрепанной панаме», который воспользовался доверчивостью благодушных людей, с которым связаны случившиеся затем несчастья, который и поныне ходит где-то еще не узнанный и не разоблаченный и напоминает о себе то «миллионным чеком» из-за океана, то коварным выстрелом в спину пограничника, то взрывом в научной лаборатории, то сорванным графиком строительных работ...

Больше того: разве бдительность — это только разоблачение шпиона? Разве для большинства из нас, тех, кому, возможно, никогда не представится случай разоблачить шпиона,— разве нам не представляются каждый день иные случаи: быть бдительным к проявлению темных сторон, чуждых качеств у людей, с которыми мы встречаемся, живем бок о бок,— у людей слабых духом, самоуспокоенных, инертных, фальшивых, у тех, кто не прочь за громкими словами о коммунизме упрятать свою маленькую подлость или большое равнодушие к общему делу? Бдительность — это постоянное горение, это верность, это жестокая непримиримость ко всему, что в большом и малом мешает нашей борьбе за новую, красивую и честную жизнь, о которой мечтали лучшие люди всех времен и народов.

Владимир ОГНЕВ

Вероника Тушнова. Дорога на Клухор. Поэма. «Знамя» № 9. 1952.

Осетинские рассказы

Простые люди, горцы и горянки,— главные герои произведений, опубликованных в сборнике «Осетинские рассказы». Читая его, можно проследить, как изменились облик, судьба и самая жизнь маленького кавказского народа.

«Охота за турами» — рассказ выдающегося осетинского писателя Коста Хетагурова, чей талант созрел под непосредственным влиянием Чернышевского, Добролюбова, Некрасова; очерки И. Канукова «В осетинском ауле», рассказы А. Коцоева «Друзья», «Охотники», «Пасха Гиго», «Двадцать четыре дня», рассказ Б. Туганова «Пастух Баде» повествуют о прошлой жизни осетин.

В подзаголовке рассказа С. Гадиева «Азау» значится: «Быль». Да, так и впрямь было когда-то. Больше жизни любили друг друга Таймураз и Азау. Но Таймураз был почти нищий, а родители Азау богаты, и ее должны были отдать замуж за другого, нелюбимого. Но накануне свадьбы любящие сбежали. Началась погоня, обстоятельства их разлучили. И тогда вступил в силу жестокий обычай предков: «Тот, кто пустит их к себе в дом, тот, кто даст им воду и пищу, кто пустит их скотину пастись рядом со своим стадом, того постигнет гнев покровителя святилища — Ломис». И началась скитальческая жизнь. В конце концов Таймураз так и скончался одиноким, а Азау пришлось выйти замуж за другого. Она тосковала о возлюбленном и, узнав о его кончине, умерла.

Совсем иная судьба у Замират из одноименного рассказа Д. Мамсурова. Уж если молодые колхозники Замират и Урусхан любят друг друга, то никто их не разлучит — ни сплетни, ни пересуды тех, кто еще остался в плену предрассудков,— потому что та типическая среда, которая их окружает, самая жизнь, весь уклад и быт — за молодых героев. И не ленивый сплетник Кош, а Замират и Урусхан с их трудолюбием и чистотой чувств побеждают.

«Бедная осетинка! Скоро ли ты избавишься от положения рабыни?» — спрашивал в названных очерках И. Кануков. Героини многих рассказов сборника — и колхозница Надика, запрудившая с соседками реку и давшая воду колхозным полям («Источник жизни» В. Хацаева), и Сона, одной из первых вступившая в комсомол («Честь предков» Ц. Гадиева),— все они могут ответить: мы уже не рабыни.

Лучший из рассказов, посвященных советскому периоду,— «Седьмой сын» Е. Уруймаговой.

Большой внутренней силы исполнен образ старой Сафиат — матери шести сыновей, ушедших на фронт.

Есть в сборнике и серьезные недостатки, которые ясно обнаруживаются при последовательном чтении. Герои некоторых рассказов обрисованы схематично, поверхностно, например, в «Станке отца» Г. Агузарова, где в результате главным действующим лицом, по существу, является не человек, а станок, в «Песне» Д. Мамсурова, «На улице Свободы» и «Ошибке матери» Т. Джатиева. Отсутствие глубокой психологической характеристики персонажей зачастую делает и конфликт поверхностным, легко разрешимым.

В предисловии к книге писатель Ю. Либединский говорит: «Действительность сегодняшней Северной Осетии дает богатейший материал для того, чтобы осетинские писатели дали нам образы героев, которые живут и действуют на предприятиях Дзауджикау и Садона, на полях Ногира и Гизели». Остается только поддержать пожелание автора предисловия и выразить надежду, что в следующем сборнике таких рассказов появится значительно больше.

Е. УСЫСКИНА

«Осетинские рассказы». «Советский писатель». 1952. 412 стр.

Памяти Поля Элюара

Умер Поль Элюар.

Творческий путь этого выдающегося поэта характерен для интеллигенции современной Франции, история которой в течение последнего двадцатилетия ознаменована все большим ростом сил подлинной демократии, героически отстаивающих свободу и независимость отчизны в борьбе с фашизмом, американскими оккупантами, предателями. Участие в этом широком патриотическом освободительном движении привело Поля Элюара на верный путь.

Начавший печататься в годы первой мировой войны, поэт в ранний период своего творчества был далек от народа. Но и тогда его поэзия отличалась от стихов буржуазных поэтов, которые **восхваляли** буржуазный индивидуализм. Элюар **задыхался** в атмосфере одиночества. Перелом в сознании поэта совершился во время фашистской интервенции в Испании. А в пору Сопротивления Поль Элюар нашел свое настоящее место—среди патриотов, среди народа, и его поэзия нашла своих настоящих героев, таких, как Габриэль Пери. «Я переродился»,— писал тогда поэт. В 1942 году Поль Элюар вступил в коммунистическую партию. В самое тяжелое для Франции время его поэзия звучала оптимистически:

Мужчины, умирающие в тюрьмах,
И женщины, плененные врагами,—
Товарищи, которых истязают,
Верят, что мы народа грозный гнев
В сталь переплавим, и тогда к победе
Придут они — плененные герои...

«В течение четырех лет,— заявил в 1945 году П. Элюар,— каждый из нас говорил «мы», а не «я», и мы гордились этим и будем гордиться, повторяя «мы, люди» и говоря это вместе со всеми, кто отказывался жить подло, кто жизни на коленях предпочел умереть стоя».

Поэзия П. Элюара последних лет выражает все более нарастающее возмущение французского народа против распоясавшейся реакции. «Терпению конец приходит»,— говорит поэт в стихотворении, посвященном героической забастовке французских шахтеров в 1948 году. Если в прошлом в стихах П. Элюара чаще всего встречалось слово «одиночество», то в последние годы сквозь всю его поэзию проходит слово «надежда». В стихотворениях «Иосиф Сталин», «СССР — великая надежда», в стихотворении, клеймящем правителей Франции, незаконно арестовавших Жака Дюкло, и в других произведениях поэт выразил самые благородные чаяния французского народа.

Братья! Советский Союз
Нас ведет по широкой дороге
К миру и счастью...—

уверенно восклицал Поль Элюар. «Кто говорит правду о Советском Союзе, тот защищает мир»,— напоминал современникам поэт-патриот, поэт-интернационалист.

О сестры надежды, бесстрашные женщины,—

писал Поль Элюар, обращаясь к миллионам женщин, борющихся за мир,—

Жизнью своей
Вы приближаете жизни победу...

Эти строки Поля Элюара мы вправе вспомнить, говоря о нем самом: своей неустанной творческой и общественной деятельностью поэт помогал приблизить победу народов над силами реакции.

Я. ФРИД

ЦЕЛЬ ПОЭЗИИ — ПОЛЕЗНАЯ ПРАВДА

Поль ЭЛЮАР

Когда я говорил, что этот день дождливый
Струится и звенит в любовной нашей лени,—
Вы мне поверили, вы подчинились мне.

Когда я говорил, что на плетеном ложе
Свил гнездышко птенец, не говорящий «да»,—
Вы мне поверили, деля мою тревогу.

Когда я говорил, что в родниковой влаге
Ключ от большой реки, несущей людям зелень,—
Вы мне поверили еще сильней и глубже.

Но если я пою об улице моей,
О всей моей стране, об улице без края,—
Вы мне не верите, вы прячетесь в пустыню.

Бесцельна ваша жизнь! Забыли вы, что людям
Необходима связь, надежда и борьба,
Чтоб этот мир познать и переделать мир.

Всем сердцем бьющимся хочу я вас увлечь!
Я слаб, но я расту, и я живу еще!
Мне странно говорить о вашем пробужденье,

Когда хочу вам дать единство и свободу
Не только в тростнике свирели заревой,
Но рядом с братьями, построившими правду!

Перевел с французского Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Вода идет в недра

Я. КОРШ

Что случилось на промысле? Почему скважина, почти уже отслужившая свой век и дающая все меньше нефти, привлекает всеобщее внимание? Люди частенько подходят к старой буровой и прислушиваются к ритмичному дыханию насоса. Скважина, находившаяся на грани полного увядания, внезапно омолаживается.

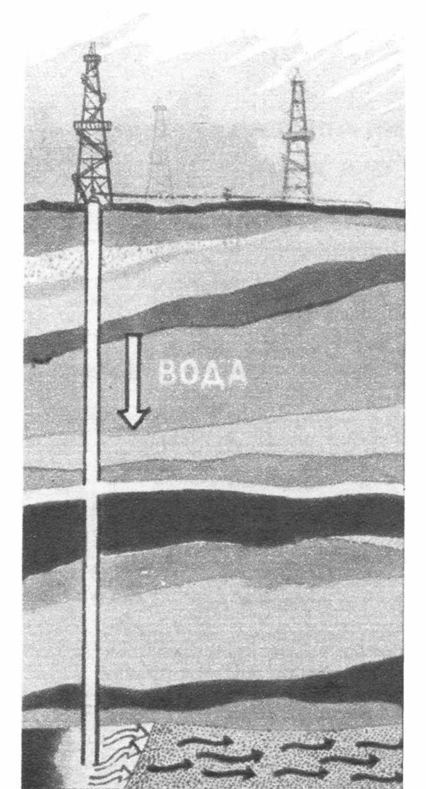
Черная кровь земли снова течет по трубам обильной, непрекращающейся струей. Казалось, залежь кто-то ворошит изнутри, гонит сохранившуюся нефть. Вскоре она появилась в других скважинах, недавно бездействовавших и угасавших. Какая сила вырвала нефть из глубины?

Вода.

Вода? Разве не ее единодушно проклинают с тех пор, как вблизи Баку с громовым гулом вырвались первые могучие нефтяные фонтаны?

Бывало, над лесом вышек чудовищным грибом вздымался фонтан, обрушивавшийся теплым маслянистым дождем. Черный поток, выбрасывавший сотни, тысячи тонн нефти в сутки, неожиданно светлел, изрыгал воду, лишь одну никому не нужную воду. Или другое: в залежь, откуда усердно добывали нефть, длинными неукротимыми лентами врезались водные струи, отталкивая ее от скважин.

На промыслах и поныне остерегаются воды, как огня. Много ее в пластах, расположенных над нефтью. Она может просочиться в залежь между наружными стенками трубы и пробуренными породами. И если незримые ручьи прорвутся в месторождение, то они оттеснят нефть, и скважина станет давать только воду. Чуть ли не полдюжины вагонов цемента вгоняют в межтрубное пространство, непроницаемой коркой закрывают щели.

Вода — враг, но вода и друг... Разве разрушительные наводнения, смывающие плодородный слой почвы, не прекращаются, когда реку перегораживают плотиной, а вода, та же вода, раньше причинявшая бедствия, орошает поля, вращает турбины гидроэлектростанций?

Нет ничего удивительного и в том, что подземная вода, повинуясь умелым рукам советских ученых и инженеров, исцеляет угасающие скважины, приносит огромную пользу промыслам. Удостоенный Сталинской премии труд коллектива научных сотрудников институтов, работников Министерства нефтяной промышленности СССР, а также промыслов покоится на крепком фундаменте высоких достижений нашей науки. Ей принадлежит честь открытия законов движения воды, нефти и газа в недрах земли.

Громадную площадь пористой породы на глубине полутора — двух километров занимает залежь, как губка, пропитанная нефтью. Она залегает в бесчисленном множестве пор и трещин. За ее границами в том же пласте — вода. Приносит ли вода пользу? Да, огромную. Со всех сторон она с колоссальным напором давит на нефть. Но последней, пока нет скважин, уйти некуда.

Потолок залежи пробит. В нем появилась отдушина — круглое окошко скважины. Струя нефти поднимается по трубе вверх. Что вытолкнуло ее? Напор воды. Она переходит контуры месторождения, вытесняет нефть и сама занимает освободившееся место.

Напор воды полезен. Его энергия велика, но не бесконечна. В старину, когда сразу же открывали нефти беспрепятственный выход наружу, бушевали фонтаны и чересчур быстро вода растрачивала свою исполинскую силу. Пятнадцать—двадцать процентов, то есть ничтожно малую долю, нефти черпали из месторождения, а остальная навсегда оставалась в глубине.

В наши годы не наугад, а с тонким знанием дела, расчетливо расходуют драгоценную энергию воды. И все же 40 процентов нефти, редко больше — вот что было недавно узаконенным пределом добычи.

Такая залежь считалась истощенной — ее бросали. Истощенной? В ней сохраняется вдвое, иногда втрое больше нефти, чем добыли: миллионы тонн! Но силы, двигавшей ее к скважине, уже нет.

Можно ли возродить эту силу в целом пласте, простирающемся на десятки, сотни квадратных километров? Об этом говорили раньше как о весьма заманчивой, но далекой перспективе.

Точным языком расчетов и формул советские ученые, инженеры и практики обосновали метод оживления старых промыслов, равносильный их второму рождению. В залежах вблизи Баку, Грозного удалось искусственно возобновить напор воды. Насосы под большим давлением накачивают ее в скважины. Она внедряется в пористые породы и очень медленно разливается, продавливается сквозь лабиринт пор, трещин и оттуда вытесняет нефть.

Вода отлично промывает залежь, словно чеканит каждую песчинку, снимая с нее тончайшую пленку нефти.

Бывают и другие месторождения, очень плотные, с мельчайшими порами, в сотни и тысячи раз более узкими, чем ушко иголки. Здесь уже не вода, а газ выталкивает нефть, подобно тому, как из только что откупоренной бутылки боржома хлещет струя, вынесенная сжатыми пузырьками воздуха.

Нет газа — нет и добычи. На Майкопских месторождениях полным ходом заработали промыслы. Сжатый воздух входит в недра, под сильным напором поступает в пласт, вытесняет нефть из трещин, проталкивает ее к скважинам.

Но болезнь лучше предотвратить, нежели лечить. И разве неизбежное падение пластовой энергии — напора воды или газа — не хроническое, непрерывно обостряющееся заболевание? Быстротечная юность скважин, сопровождаемая обильными фонтанами, сменяется растянутым на долгие годы затуханием добычи. Такой порядок существовал везде.

А нельзя ли, чтобы промыслы неизменно работали с высокой производительностью, чтобы из скважин все время били фонтаны, взятые в стальные трубы?

Можно, если устранить падение напора, поддерживать его на постоянном уровне. И осуществить это следует не на старом промысле, а на молодом, только вступающем в строй.

Убежденные в этом, советские люди предприняли грандиозный эксперимент в Туймазах — одном из крупнейших месторождений мира.

Здесь отошли от старой, принятой мировой практикой теории — бурить скважины поближе друг к другу — и сделали то, что никогда и нигде не делалось: за пределами нефтяной залежи, там, где недра насыщены водой, провели нагнетательные скважины, расположив их по кольцу. Сюда потекла вода — носительница энергии.

Спустя некоторое время вода неожиданно остановилась, хотя попрежнему работали насосы. Тревожно было в эти дни на промысле. Неужели так старательно подготовленный штурм недр не удался? Неужели в теории о непрерывном возобновлении пластовой энергии пропущена какая-то важная деталь?

Оказалось, что мелкие поры пласта забивала ржавчина: нагнетаемая вода содержала много кислорода. Это он окислял металлические трубы, вызывал появление тонкой пленки ржавчины, уносимой сильной струей вниз. Из воды удалили растворенный в ней кислород. Вновь пошла вода и вновь остановилась. В воде были тончайшие примеси; они закрывали поры. И только после того, как все это было устранено, вода проникла в недра. Поодаль, из других скважин, поднялись заключенные в трубы фонтаны, которые не угаснут, пока почти вся нефть не выйдет наружу.

Заводнение месторождений, нагнетание сжатого газа, воздуха свидетельствуют о все возрастающей власти советских людей над природой. Новый способ добычи нефти, самый совершенный, открывает пленительные горизонты.

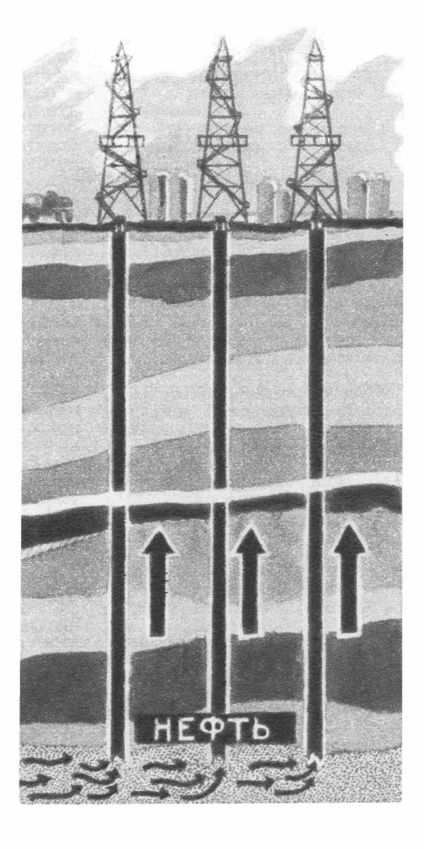
Сразу как бы удвоилось число месторождений в нашей стране, великой нефтяной державе, хранящей в своих глубинах больше половины мировых запасов этого сырья.

Залежь, которую называли кладовой нефти, никогда не отдавала всех своих богатств. Ныне, на новых промыслах, при меньшем числе скважин — сохранятся сотни миллионов народных средств! — будут извлекать гораздо больше нефти.

Перед тем, как приступить к бурению нефтяных скважин, на электрическом стенде, сложном аппарате, воспроизводят модель залежи. Модель внешне не похожа на естественный пласт. Слабый, текущий по проводам ток воссоздает явления, присущие месторождению. Сколько нефти добывать каждые сутки из скважины: 50 тонн, 100, 200? Сколько для этого нагнетать воды? Модель быстро дает ответ.

В Москве, во Всесоюзном нефтяном институте, лаборатория электрических моделей решает дела большой государственной важности, научно обосновывает строительство промыслов в пятой сталинской пятилетке. Столь же важные работы производятся и в других научно-исследовательских учреждениях.

В нашей стране сделан самый крупный шаг к овладению нефтяными сокровищами. Сейчас, когда на промыслах уже претворяется в жизнь лучший способ добычи, наука не считает свой долг выполненным. Она стремится извлечь из недр всю нефть, до последней капли, с самыми минимальными затратами.

НОВЫЕ МАРКИ ВОСТОКА

Китайские марки выпущены в ознаменование открытия в Пекине Конгресса сторонников мира стран Азии и Тихого океана 2 октября 1952 года (1 и 2), 3-й годовщины со дня провозглашения народной республики (3) и 25-й годовщины со дня создания Народно-освободительной армии Китая (4).

Марка Корейской Народно-Демократической Республики — в честь 6-й годовщины со дня освобождения страны Советской Армией (5).

Марки Пакистана — в честь провозглашения независимости (6 и 7).

Марки Индонезии (8) и Демократической Республики Вьетнам (9).

УРАЛЬСКИЙ МАГНИТ

Свыше ста лет держит груз в 50 килограммов кусок магнитного железняка, найденный близ Нижнего Тагила.

Этот интересный экспонат сейчас находится в Нижне-Тагильском краеведческом музее на Урале. Ранее он был в музее Демидовых при Выйском заводе.

В материалах музея говорится: «Естественный магнит удерживает груз весом в 50 килограммов. Он представляет ограненный кусок руды магнитного железняка, к которому приставлены с боков стальные накладки. Эти накладки сгущают магнитные силовые линии у полюсов».

Н. РОЗИНА

Фото Я. Кунина

Песчаный удавчик и его потомство.

В ЗООПАРКЕ

Коллекция Московского зоопарка значительно пополнилась. Особый интерес представляют впервые демонстрируемые птицы: птица-секретарь и гарпия.

Птица-секретарь получила свое название, повидимому, из-за пучка перьев, растущих у нее на затылке (напомним, что в старину писаря имели привычку затыкать гусиные перья за уши). Секретарь — горделивая, стройная птица с ногами журавля и клювом хищника. Родина ее — обширные равнинные пространства Африки, где она славится как истребитель змей. В зоопарке, получая в корм живых белых мышей, секретарь предварительно убивает их сильными ударами ног, после чего заглатывает целиком.

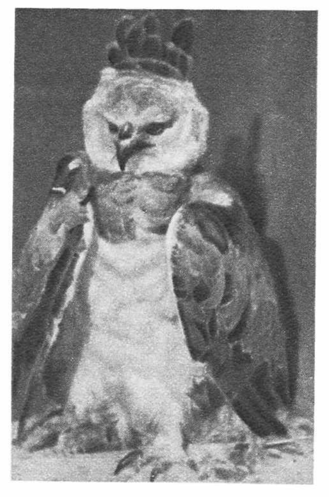
Гарпия—обитательница сырых лесов Южной Америки. Исключительно красиво у этой птицы мягкое оперение: в нем сочетаются черный цвет с белым. Голова гарпии увенчана короной из перьев, что придает ей очень эффектный вид. Питается гарпия добычей, зачастую превосходящей ее по размерам: оленями, лисицами, различными птицами. За хищнический нрав ее называют «крылатым волком».

Птица-секретарь.

Среди новых пресмыкающихся, полученных парком, наиболее интересен щитомордик водяной, распространенный в Северной Америке. Он достигает длины до полутора метров. Боковые и брюшные щитки окрашены в яркие желтый и черный цвета. Эта змея — одна из самых ядовитых, она питается не только грызунами, но и ядовитыми змеями. Ее прожорливость исключительна.

В террариуме появился новый вид мелкого удава — песчаный удавчик, живущий в Средней Азии. Характерной особенностью его являются крошечные, с булавочную головку, глазки. Зарывшись в песок, удавчики подстерегают добычу; схватив ее, обвивают кольцами своего тела и душат. Питаются они ящерицами и мелкими грызунами.

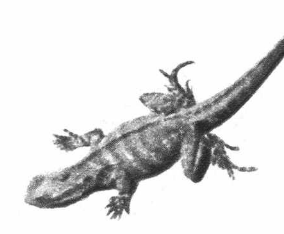

«Крылатый волк» — гарпия.

У удавчика недавно появилось потомство.

Интересна агама — ящерица с короткой треугольной головой, приплюснутым туловищем и длинным круглым хвостом. Полученная террариумом пустынная агама — из Северной Африки — отличается от других агам необыкновенно длинным хвостом. Пустынная агама очень подвижна, передвигается молниеносно и способна делать большие прыжки.

Агамы едят в зоопарке мучных червей, мотылей, мясо, морковь и мелко нарезанные яйца.

Пустынная агама.

А. КОРОВИНА,
заместитель директора зоопарка по научной части

Фото Ан. Анжанова

Из почты «Огонька»

Заслуженное дерево

В конце XVIII века в Крыму сады погибли. В деревеньке Магарач, недалеко от Ялты, случайно или в силу своей исключительной выносливости и морозостойкости уцелела одна старая маслина (оливковое дерево). Район, где она росла, в 1812 году оказался включенным в территорию создаваемого тогда Никитского ботанического сада. При планировке нового сада маслину не срубили, и она уже 140 лет продолжает расти и плодоносить. Теперь ее возраст превышает пятьсот лет. Жизнь «ветерана», повидимому, началась еще во времена Василия Темного.

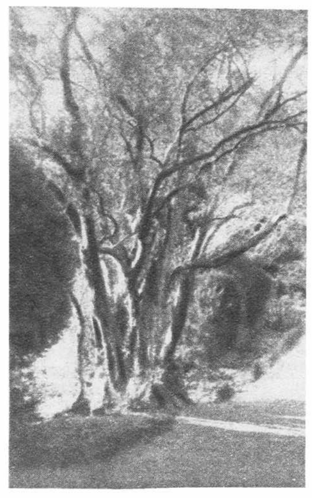

Фото Н. Баранова

Путем черенкования и семенным размножением удалось получить большое потомство от старой маслины и еще много лет назад создать новые оливковые рощи в Мисхоре, Гурзуфе, Оползневом...

Научные сотрудники Никитского ботанического сада изучили биологические и хозяйственные особенности старого дерева и его потомства и на основе этого изучения выделили новый сорт маслины — «Никитская 1», который отличается высокой урожайностью, зимостойкостью и другими ценными качествами. Сейчас в Крыму растет более тысячи деревьев этого сорта, в Краснодарском крае, Закавказье и Средней Азии — более 8 тысяч. Все они потомки 500-летнего оливкового дерева, которое по праву можно назвать заслуженным деревом.

В 1936 году научные работники А. А. Рихтер и Н. К. Арендт начали выведение новых сортов маслин. Пестики различных крупноплодных иноземных сортов они опылили пыльцой из цветков старой маслины. Гибридное потомство ученые отправили на воспитание в районы с более суровыми природными условиями. 800 гибридных растений воспитывается в Крыму, 3 тысячи — в Туркмении, тысяча — в северной части Армении...

Потомство старой маслины проникает во все новые и новые места. Надеемся, что на берегах создаваемого советскими людьми Туркменского канала будут расти рощи прекрасных сортов маслины, получивших свое начало от старого дерева в Никитском саду и унаследовавших от него выносливость и долголетие.

В. МИХАЙЛОВСКИЙ,
кандидат сельскохозяйственных наук

ГИГАНТСКИЙ ЛУК

Среди многочисленных видов дикого лука, произрастающего в Туркменистане, особенно интересен декоративный гигантский лук. Его цветы темнофиолетовой окраски собраны в крупные соцветия диаметром до 13—14 сантиметров. Число цветков в соцветии доходит до 3 тысяч. Высота цветочной стрелки достигает 2 метров. Листья крупные, длиной до 60 и шириной до 15 сантиметров.

Гигантский лук — засухоустойчивое растение и в условиях Ашхабада культивируется без полива. Конус листьев появляется в апреле, цветение начинается с мая.

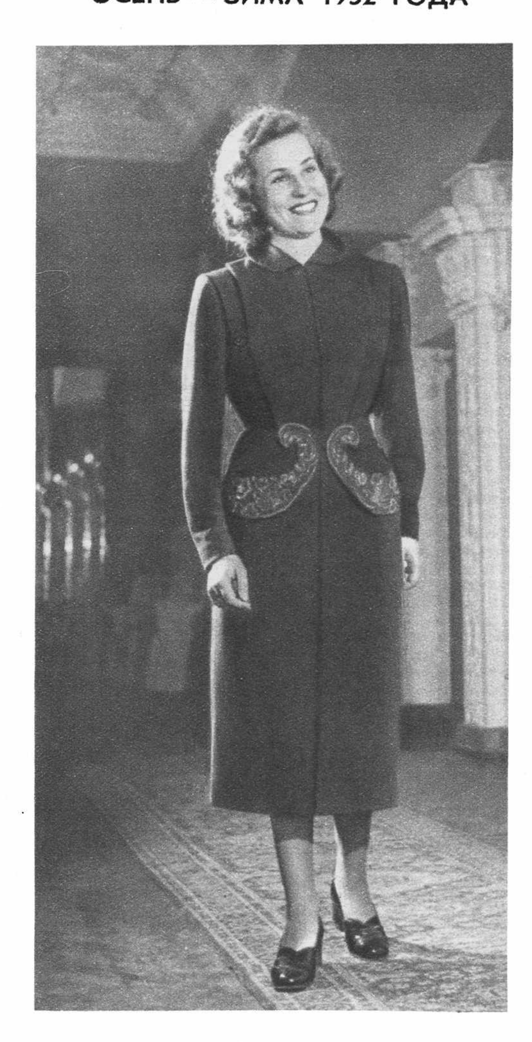
Гигантский лук разводится посадкой луковиц в сентябре, и с октября у него начинается развитие корней.

Как декоративное растение, гигантский лук заслуживает распространения в садах средней и южной полосы СССР.

А. ГОСТЕВА,
младший научный сотрудник Ботанического сада Академии наук Туркменской ССР

Моды

ОСЕНЬ — ЗИМА 1952 ГОДА

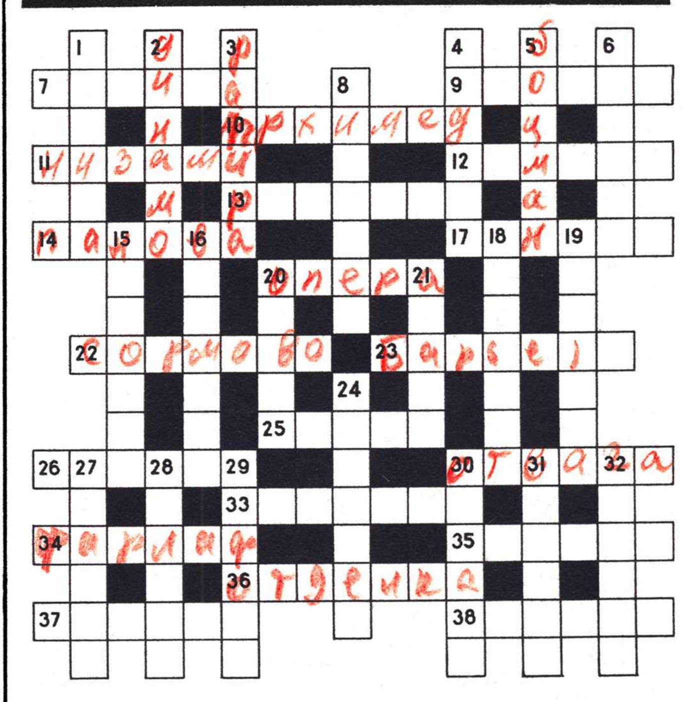
1. Платье-костюм из шерстяной ткани. Короткий жакет прилегающей формы, с мягкими складками спереди от плечевых швов и до талии. Рукава, сзади выкроенные вместе со спинкой, спереди втачные. Две подкройные полосы ткани, нашитые внизу по краю жакета и отлетные по линии карманов, отделаны вышивкой стеклярусом или шерстяными нитками в тон костюма. Юбка прямая, двухшовная.

Ателье № 30 треста «Мосиндодежда». Автор модели — Л. А. Данилина.

2. Платье из светлой шерстяной ткани, отрезное по талии. Рукава цельнокроенные с лифом, с ластовицей. На лифе от плечевых швов и по талии застрочены вытачки. Юбка четырехшовная, спереди и сзади расклешенная, с прорезными карманами и мягкими складками спереди от талии. Воротник, отвороты, паты карманов и манжеты отделаны узким темным кантом.

Ателье № 38. Автор модели — А. П. Поничева.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Время, ознаменованное важными историческими событиями. 9. Слово, однозвучное с другим, но отличное от него по значению. 10. Античный философ и математик. 11. Великий азербайджанский поэт. 12. Шахматный термин. 13. Заключение, вывод. 14. Советская писательница. 17. Дерево южных стран. 20. Музыкально-драматическое произведение. 22. Город в Горьковской области. 23. Невысокая стенка, перила. 25. Малая планета. 26. Род обезьян. 30. Смелость, бесстрашие. 33. Съедобное растение. 34. Персонаж из оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 35. Специальность рабочего. 36. Качество работы в сделанной вещи. 37. Вид поэзии. 38. Мостовое сооружение.

По вертикали:

1. Ивовый прут. 2. Спортивное общество. 3. Оружие фехтовальщика. 4. Типографский шрифт. 5. Старшина палубной команды. 6. Птица. 8. Квашеное топленое молоко. 15. Фотографическое изображение. 16. Балкон, терраса. 18. Смолистая масса. 19. Необходимость выбора между двумя нежелательными возможностями. 20. Военачальник в пьесе А. Корнейчука «Фронт». 21. Тропическое луковичное растение. 24. Военный корабль. 27. Метод научного исследования. 28. Город на Украине. 29. Морское млекопитающее из отряда китообразных. 30. Род стихотворения-восьмистишия. 31. Железнодорожное здание. 32. Курорт в Крыму.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

7. Монумент. 8. Технолог. 12. Динамик. 13. Стланик. 14. Сеновал. 15. Мизгирь. 16. Чорох. 20. Манси. 21. Первопуток. 23. Могущество. 24. Набор. 25. Гродно. 26. Мимоза. 28. Дичок. 31. Маяковский. 32. Заменитель. 34. Самум. 36. Анапа. 39. Романюк. 41. Отрасль. 42. Ворвань. 43. Пилотаж. 44. Хирургия. 45. Молекула.

По вертикали:

1. Сопрано. 2. Кубрик. 3. Антициклон. 4. Мелиоратор. 5. Хоккей. 6. Ростова. 9. Бетховен. 10. Мангль. 11. Братство. 17. Хлороформ. 18. Трудность. 19. Глушитель. 20. Мнемоника. 22. Калий. 23. Мороз. 27. Характер. 28. Диапозитив. 29. Карбюратор. 30. Клепание. 33. Эталон. 35. Участие. 37. Новелла. 38. Плывун. 40 Порука.

Замечания по поводу...

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ВОЛК

Он, этот волк, с недавних дней
Сверх шкуры собственной своей
Надел «защитную» овечью
И, выступая с новой речью,
Миролюбиво блеет. Но...
Разоблачат его натуру:
Сдерут с «овцы» овечью шкуру,
А коль начнет кусаться сдуру,—
Сдерут и волчью заодно!

Эмиль Кроткий

Борьба с плесенью

Читательница «Огонька» А. Я. Блинова (г. Измаил, Украинская ССР) спрашивает, как уничтожить плесень в подвале, в котором хранятся сухие и соленые овощи.

По поводу тех мер, которые могут быть рекомендованы в таких случаях, мы обратились в Институт биохимии Академии наук СССР, к профессору Б. А. Рубину. Он сообщил следующее:

— Недели за две до закладки овощей следует привести подвал в порядок: очистить, проветрить и высушить. Если в подвал проникает сырость от какого-нибудь постоянного источника влаги, выбелить свежегашеной известью не только все помещение, но также полки и стеллажи для овощей. Расставить в нескольких местах открытые сосуды с негашеной известью, заменяя ее свежей по мере того, как она будет насыщаться влагой, впитываемой из воздуха. Всем этим достигается осушение воздуха, уничтожение спор плесени и предохранение от их появления в дальнейшем.

При сильной зараженности подвала плесенью до побелки его и до закладки овощей рекомендуется, заделав все отверстия, основательно окурить помещение серой и оставить наглухо закрытым на двое суток. Сернистый газ проникнет в недоступные для побелки места, где могут быть споры плесени, и уничтожит их. Само собой разумеется, что закладываемые на хранение овощи должны быть доброкачественными и здоровыми, без малейших следов грязи и порчи.

В этом номере помещены репродукции картин: Д. В. Беляева «За мир», Е. И. Данилевского «Харьковский тракторный завод. Проба стали», Б. В. Корнеева «Школьники на концерте», В. Е. Артамонова «Пушкин и Жуковский у Глинки» — и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 07717. Подп. к печ. 25/XI 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 929. Заказ № 2839. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Юные мичуринцы Лена Львова и Люда Бажева в Свердловском дворце пионеров.

Фото Ю. Добронравова и А. Мусина

ЦЕНА НОМЕРА 3 РУБ.